

5700

МѢСТЕЧКО БОРИСПОЛЕ

ВЪ XVII-МЪ ВѢКѢ.

ДУБЛЕТНЫ ФОНД
Урѣдѣвай блятѣкі
мя Горнага
Адресъ № 11641

Акты мѣйскаго уряда 1612–1699 гг. съ предисловіемъ

А. В. Стороженка.

Изданіе журнала „Кіевская Старина“.

BIBLIOTHEQUE MUSEE
TOURGUÉNEFF

9, rue du Val-de-Grâce, 9

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

всѣ поселенія, уцѣлѣвшія отъ княжеской эпохи и перечисленныя нами въ „Очеркахъ Переяславщины“ (Кіевская Старина 1891 г., № 10), расположены были по берегамъ рѣкъ: Переяславъ у слиянія Трубежа съ Альтой, Баручъ (Барышевка) у Трубежа, великая и малая Каратули, Воинъ (Воининцы) и Янчино сельцо (Воскресенское) у Каратульки, Кудново сельцо (Строкова) у Гатки, Караль у слиянія р. Карали съ Трубежомъ, Деменскъ (Демьянцы) и Глѣбовъ у Альты, Вороница (Вороньковъ) у слиянія Иквы съ Мленью, наконецъ, Саковъ (Сальковъ) у Днѣпра. На Борисовомъ полѣ поселеніе образовалось, вѣроятно, не ранѣе половины XVI-го вѣка, когда миновали уже самыя опустошительныя татарскія набѣги, когда переяславскій уѣздъ началъ понемногу втягиваться въ сферу власти польскаго государства, и когда послѣ долгаго промежутка времени земледѣліе снова дѣлается господствующимъ занятіемъ населенія. Тогда лѣсъ и болото, какъ мѣста охоты, начинаютъ терять свое значеніе и первенствующую роль занимаетъ поле, мѣсто пахоты и жнивья. Тогда и Борисово поле привязало къ себѣ сначала какого-то Бориса, а затѣмъ и другихъ поселенцевъ, въ началѣ, вѣроятно, преимущественно его потомковъ, построившихъ на родномъ полѣ, въ виду удобствъ земледѣлія, свои незатѣйливыя хаты.

Въ историческихъ источникахъ Борисполе упоминается впервые въ 1590 году, когда варшавскій сеймъ, заботясь о заселеніи пустынь¹⁾, лежавшихъ на пограничьи государства за Бѣлою Церковью и не приносившихъ никакой пользы ни государству, ни частнымъ лицамъ, предоставилъ королю Сигизмунду III свободно раздавать заслуженнымъ лицамъ шляхетнаго сословія слѣдующія урочища въ этихъ пустыняхъ: монастырь Черехчимеровскій надъ Днѣпромъ (нын. Трахтемировъ); *Борисполе* съ селищемъ Иваньковскимъ; городище Влодерецкое (нын. Володарка сквирскаго у.); селище въ Зволосѣ, называемое Великая Слобода, надъ рѣкою Росью; Рокитно надъ тою-же рѣкою и р. Рокитнею (въ нын. васильевскомъ у.); также

¹⁾ Превосходная характеристика пограничныхъ пустынь старой Польши сдѣлана г. Пуласкимъ въ ст. „Dzikie polia“ въ сборникѣ „Szkice i poszukiwania historyczne“. W. 1887.

Гороше и Слѣпородѣ надъ рѣкою Неущею на границѣ московской ¹⁾. Съ точки зрѣнія этой конституціи Борисполе является еще не поселеніемъ, а урочищемъ, затерявшимся въ пустынѣ, которую желательно заселить. Всѣ пограничныя пустыни составляли въ то время собственность государства и поэтому понятно, что польское правительство стремилось обратить ихъ въ населенныя мѣста, которыя вмѣсто бремени для государства составляли-бы источникъ доходовъ.

Въ 1596-мъ году тотъ-же Сигизмундъ III съ разрѣшенія сейма обратилъ имѣнія Трахтеміровъ и Борисполе на нужды королевскаго стола, т. е. по теперешней терминологіи, сдѣлалъ ихъ изъ государственныхъ имуществъ удѣльными. Изъ сеймовой конституціи 1596 г. видно, что въ Борисполѣ и его окрестностяхъ проживали уже казаки, не желавшіе подчиняться вводимымъ польскимъ правительствомъ порядкамъ, — *swowolni*, по выраженію конституціи; король заявляетъ, что онъ поручилъ гетману своего войска (тутъ подразумѣвается Станиславъ Жолкевскій) ихъ истребить (*ad internecionem wuniszczyc*) ²⁾.

Изъ приведенныхъ извѣстій очевидно, что Борисполе, какъ населенный пунктъ, существовало уже въ концѣ XVI-го вѣка, хотя жители его, привыкшіе къ вольной и свободной жизни въ переяславскихъ пустыняхъ, не хотѣли еще приспособиться къ тѣмъ гражданскимъ порядкамъ, какіе вытекали изъ строя польскаго государства, и поэтому какъ-бы игнорируются польскимъ правительствомъ, и земли, занятыя ими, признаются какъ-бы пустыней, никому не принадлежащей, хотя онѣ имѣли уже своихъ хозяевъ въ лицѣ Бориспольскихъ казаковъ, потомковъ того сѣверско-русскаго населенія, какое уцѣлѣло въ Переяславщинѣ отъ татарскихъ погромовъ 1237—1482 гг. ³⁾.

Имѣя въ виду, что въ описаніи кіевскаго замка 1552 г. упоминается сосѣднее съ Борисполемъ село Иваньковъ и, вѣроятно, было-бы упомянуто Борисполе, если-бы существовало, мы полагаемъ,

¹⁾ См. *Volumina Legum*, 1859. Т. II, стр. 318, стл. 1.

²⁾ См. *Vol. Legum*, 1859, Т. II, стр. 364, стл. 2.

³⁾ См. Архивъ Ю. З. Р. ч. VII, т. 2, стр. 46.

что Борисполе изъ козацьяго хутора превратилось въ село послѣ 1552 г., но ранѣе 1590 г.

Столовымъ имѣніемъ короля Сигизмунда III Борисполе оставалось повидимому недолго, потому-что въ грамотѣ того-же короля отъ 27 января 1629 года, разрѣшающей открытіе въ Борисполѣ торговъ по понедѣльникамъ и четвергамъ и двухъ ярмарокъ на Крещеніе и на св. Илію, оно называется уже „наслѣдственнымъ мѣстечкомъ“ дочери Станислава Жолкевскаго, Софіи Станиславовны Даниловичъ, основаннымъ ея отцомъ ¹⁾. Очевидно, что оно отдано было королемъ на ленномъ правѣ, какъ староство, т. е. какъ государственное имущество, знаменитому полководцу того времени польскому гетману, Станиславу Жолкевскому, въ награду за его военныя заслуги. Такъ какъ Жолкевскій былъ главнымъ дѣятелемъ при подавленіи козацкаго движенія 1596 года и разбилъ Лободу и Наливайку подъ Лубнами ²⁾, то можно предположить, что Борисполе, какъ одинъ изъ притоновъ возставшаго казачества, было отдано ему вельдѣ за одержанной побѣдой съ правомъ заложить на Борисовомъ полѣ городъ и ввести въ будущемъ городѣ магдебургское право. Какъ видно изъ печатаемыхъ актовъ, въ 1612 г. „мѣйскій урядъ“, организованный по магдебургскому праву, отправлялъ уже свои функціи ³⁾.

Поселеніе Борисполя въ эту пору должно было быть очень незначительнымъ, такъ какъ шестнадцать лѣтъ спустя въ 1628 году, когда составлялась подынная тариффа кievскаго воеводства, въ Борисполѣ показано домовъ (dymów): на рынкѣ—10, въ улицахъ—20, бѣдныхъ (poźdnych chałup)—40, священника—1, портнаго—1, сапожника—1, скорняка—1, всего—74 дома ⁴⁾. Считаая на каждый дворъ по 5 живущихъ, имѣемъ всего населенія обоого пола

¹⁾ См. приложение къ актамъ, стр. 111—112.

²⁾ О дѣятельности Жолкевскаго въ подавленіи козацкаго возстанія 1596 г. см. ст. Николайчика „Первыя козацкія движенія въ рѣчи Посполитой“—Кiev. Стар. т. VIII, стр. 423—442 и 525—564.

³⁾ Самый ранній актъ относится къ 15 января 1612 г. и напечатанъ подъ № 1.

⁴⁾ См. Архивъ Ю З. Р. ч. VII, т. 1, стр. 365.

370 душъ. Теперь Борисполе имѣеть 1331 домъ и 6569 душъ населенія своего пола, т. е. населеніе увеличилось почти въ 18 разъ.

Въ XVII-мъ вѣкѣ принадлежность мѣстечка извѣстному владѣльцу выражалась въ томъ, что жители его платили этому владѣльцу установленныя подати. Того, что называется теперь сельскимъ хозяйствомъ, тогдашніе владѣльцы не вели: они не обрабатывали земли наемными или крѣпостными рабочими, не продавали продуктовъ земледѣлія и не занимались связанными съ земледѣліемъ промыслами, а получали только подати отъ жителей, какъ получаетъ ихъ теперь казна или земство. Въ тѣ времена государство не становилось къ своимъ подданнымъ въ прямыя отношенія, а имѣло всегда между собою и ими промежуточный классъ—земле-и душевладѣльцевъ, иначе помѣщиковъ, которые собирали налоги съ жителей и удѣляли часть ихъ государству. Такимъ образомъ государственныя прерогативы принадлежали не одному королю, а и многимъ частнымъ лицамъ, пожалованнымъ земельными угодьями изъ государственныхъ имуществъ.

Изъ ленныхъ владѣльцевъ м. Борисполя мы назвали уже двухъ: гетмана Станислава Жолковскаго (1596—1620) и дочь его Софію Станиславовну Даниловичъ (1629). Изъ печатаемыхъ актовъ мы узнаемъ, что позднѣе бориспольское староство вышло изъ владѣнія Жолковскихъ и что бориспольскими старостами были: въ 1637—40 гг.—Янъ Кухарскій ¹⁾, а въ 1643—45 гг.—Варфоломей Ярунтовскій ²⁾. Представителями старосты на мѣстѣ и сборщиками податей являются обыкновенно начальники или намѣстники. Изъ нихъ мы знаемъ Осташа ³⁾ (1614), Ильяша Михайловича ⁴⁾ (1615), Матушкевича ⁵⁾ (1640 и 1643) и Никифора Букашу ⁶⁾ (1645).

¹⁾ См. акты № № 22, 49 и 50.

²⁾ См. акты № № 55 и 61.

³⁾ См. актъ № 7.

⁴⁾ См. актъ № 10.

⁵⁾ См. акты № № 38, 49 и 50.

⁶⁾ См. актъ № 61.

Война Хмельницкаго покончила и въ м. Борисполѣ съ польскими порядками, и съ 1649 года появляется здѣсь сотникъ войска его королевской милости запорожскаго. Первымъ сотникомъ бориспольскимъ былъ Антонъ Герасименко (1649—1653), за нимъ слѣдовали: Семень Свѣтличный (1654), Василій Волочай (1660), Григорій Гаркуша (1661—63), Василій Носачъ (1663), Иванъ Новаковичъ (1669—1677), Лувьянъ Гриненко (1678—1680), Федоръ Магеровскій (1682—1698). Когда настоящій сотникъ отсутствовалъ, то его мѣсто заступалъ наказной („на тотъ часъ будучій“) сотникъ. Изъ наказныхъ сотниковъ упоминаются въ актахъ: Даниль Куликъ (1664), Федоръ Волкъ (1670), Василій Москаленко (1682), Иванъ Шореткій (1687—1688) и Николай Корабанъ (1697).

Эпоха Руины не прошла безслѣдно и для Борисполя. Въ 1658 г. Кіевскій воевода Шереметевъ выжегъ и высѣлъ Борисполь, отразивъ отъ Кіева Данила Выговскаго ¹⁾. Въ концѣ года мѣстечко отложилось отъ Выговскаго и перешло подъ власть московскаго царя. Въ 1659 г. москвитяне перешли Днѣпръ, чтобы взять Борисполь; пограбили села около Гоголева, и отъ Борисполя были отражены Андреемъ Потоцкимъ, который, уходя, оставилъ въ Борисполѣ гарнизонъ подъ начальствомъ Рушица. Въ 1661 г. польское войско, преслѣдуя москвитянъ, взяло Борисполь. Въ томъ-же году его осаждалъ Сожко.

Въ 1663 г. 24-го ноября король Янъ-Казиміръ стоялъ лагеромъ подъ Борисполемъ и затѣмъ взял его ²⁾. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Борисполь сдался москвитянамъ. Татарскіе набѣги

¹⁾ См. Костомаровъ, Гетманство Выговскаго. Моногр. т. II, изд. 1863, стр. 124. Воспоминаніе объ этомъ событіи сохранилось у бориспольскихъ жителей подъ названіемъ войны „першого Шеремета“ и только въ 1677 г., т. е. почти черезъ двадцать лѣтъ разсчитались Бориспольцы съ кіевскою мѣщанкой Галей Дяденчихой за тотъ порохъ, который они брали у ея мужа Семена Дяденка „не рахункомъ“, „не вагомъ“, такъ какъ подъ страхомъ „Шеремета“ — „кожному о здоровья и о души шло, хто тилко на тоє способный былъ до бою, а звлаца огнистой стрѣльби“. См. № 120, стр. 88.

²⁾ См. Костомаровъ, Руина, изд. 1882, стр. 20.

конца XVII-го вѣка (1681) еще тревожили спокойствіе Борисполя и заставляли поддерживать въ исправности валы и укрѣпленія. Но съ усиленіемъ русской власти въ Малороссіи (1709), а въ особенности съ устройствомъ украинской линіи (1734), военное значеніе Борисполя прекращается и онъ обращается въ обыкновенное село и переживаетъ вмѣстѣ съ другими селами весь тотъ процессъ, который слилъ окончательно Малороссію съ Москвой.

II. Мѣйскій урядъ м. Борисполя въ XVII-мъ вѣкѣ.

Мѣйскимъ урядомъ въ XVII-мъ вѣкѣ называлось городское управленіе, организованное по предписаніямъ такъ называемаго Магдебургскаго права. Засѣдало оно „на мѣстѣ звыкломъ судовомъ“— въ особомъ домѣ, называемомъ ратушей или магистратомъ ¹⁾. Полное городское управленіе состояло изъ двухъ присутственныхъ мѣстъ: 1) изъ мѣйской рады изъ райцевъ подъ предсѣдательствомъ бурмистра ²⁾, которая должна была собираться по мѣрѣ надобности, но не рѣже, какъ еженедѣльно, въ ратушѣ, и совѣщаться объ общественныхъ нуждахъ, а именно о томъ, чтобы въ городѣ не было дороговизны на свѣтныя припасы, чтобы мѣры и вѣсы были правильны, чтобы въ городѣ не происходило дракъ и буйствъ, чтобы никто не утѣснялъ вдовъ и сиротъ, чтобы не велось азартныхъ игръ въ карты, кости и проч., чтобы исправно поступали городскіе доходы въ „скриньку местую (мѣйскую)“ ³⁾; 2) изъ коллегіи лавниковъ или присяжныхъ подъ предсѣдательствомъ войта ⁴⁾, которая должна была творить судъ, при чемъ присяжные постановляли рѣшеніе по извѣстному дѣлу, а войтъ только его объявлялъ. Присяжныхъ въ Саксоніи бывало одиннадцать, а войтъ былъ двѣ-

¹⁾ См. акты № № 16 и 100.

²⁾ См. Porządek sądow y spraw mieyskich prawa maydeburaskiego w koronie Polskiej w Krakowie drukowany Roku Panskiego 1616. Teraz znowu z pozwoleniem starszych przedrukowany. W Praemyslu w drukarni I. K. M. Kollegium Societatis Iesu. Roku Panskiego 1760. Стр. 8—9.

³⁾ См. актъ № 6. Впослѣдствіи въ казацкое время касса сотни или полка обозначается словомъ „шкатула“ (войсковая). См. актъ № 114.

⁴⁾ См. Porządek. изд. 1760, стр. 11—18.

надцатымъ, представляя собою соборъ одиннадцати апостоловъ, кромѣ Іуды, съ Спасителемъ во главѣ. Позднѣе и въ Саксоніи, и въ польскихъ городахъ обходились 6—7 или даже 3—4 присяжными.

Въ малороссійскихъ городахъ, по недостатку людей, коллегіи райцевъ и лавниковъ не были строго раздѣлены, и обѣ коллегіи собирались одновременно въ составѣ однихъ и тѣхъ-же лицъ. Кромѣ того, при тогдашней малолюдности такихъ городковъ, какъ Борисполь, многіе вопросы городского благосостоянія не могли и возникать въ нихъ, напр.: вопросы о дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ или объ азартныхъ играхъ, а потому коллегіи райцевъ не было-бы занятій, если-бы она составляла отдѣльное присутствіе.

Въ частности въ м. Борисполѣ, какъ видно изъ печатаемыхъ актовъ, въ ратушѣ засѣдали при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ какъ войтъ, такъ и бурмистръ, и при нихъ райцы и присяжные. Райцы, какъ члены коллегіи бурмиистра, называются часто бурмиистрами. Такъ, на примѣръ, въ 1612 г. 15 января въ ратушѣ засѣдалъ *бурмистръ* Петръ и полная *лава*, а 1 апрѣля *войтъ* Федоръ и райцы Павелъ, Степанъ, Герасимъ, т. е. бурмистръ предсѣдательствовалъ въ присутствіи, составленномъ изъ лавниковъ или присяжныхъ, а войтъ—въ присутствіи коллегіи райцевъ, между тѣмъ какъ по буквѣ закона каждая коллегія имѣла свои спеціальныя занятія и должна была дѣйствовать независимо одна отъ другой. Въ 1614 г. 20 августа засѣдалъ съ „бурмистры и присяжными“ и разбиралъ судебную тяжбу *войтъ* Кондратъ Сеновичъ, а 7-го сентября *бурмистръ* Остапъ Безбородко. Въ 1615 г. войтъ засѣдалъ съ „будучими“ при немъ „бурмистромъ, райцы и присяжными“. Въ 1637—38 гг. въ составъ „лавы“ входятъ войтъ, бурмистры и райцы или присяжные. Такъ дѣло продолжалось до самаго конца XVII-го столѣтія. Въ составъ уряда входилъ также до 1648 г. представитель леннаго владѣльца мѣстечка, называемый намѣстникомъ или начальникомъ, а послѣ 1648 г.—казацкій сотникъ Бориспольскій.

Должностныя лица городского управленія были выборныя и вступали въ исполненіе своихъ обязанностей съ конца марта или

съ начала апрѣля мѣсяца каждаго года (съ Пасхи). Повидимому, они смѣнялись ежегодно, хотя иногда одно и то же лицо могло оставаться на службѣ и нѣсколько лѣтъ. Такъ, напримѣръ, войтъ Иосифъ Андреевичъ служилъ съ марта 1650 по мартъ 1654 г., войтъ Харко Куранда съ марта 1654 по мартъ 1657 г., войтъ Григорій Малышенко съ марта 1660 по мартъ 1663 г. Иногда бывшій войтъ исправлялъ должность слѣдующаго за нимъ, какъ. напримѣръ, тотъ-же Григорій Малышенко 15 октября 1664 г. заступалъ мѣсто настоящаго войта Евстафія Подгайнаго.

За отсутствіемъ потребности въ городскомъ хозяйствѣ мѣйскій урядъ въ м. Борисполѣ скоро обратился въ учрежденіе болѣе судебное, нежели административное. Онъ составлялъ для мѣстныхъ жителей первую инстанцію гражданскаго и уголовного суда и въ то же время служилъ имъ нотаріальной конторой.

Наиболѣе часто приходилось мѣйскому уряду выслушивать заявленія сторонъ о совершившейся между ними сдѣлкѣ купли-продажи недвижимаго имущества: нивы, грунта, дома. Рѣже встрѣчались сдѣлки о продажѣ или мѣнѣ движимаго имущества, напр. лошадей¹⁾. Затѣмъ очень часто поступали въ урядъ заявленія о занесеніи въ мѣйскія книги завѣщаній и раздѣловъ. Всѣ эти заявленія „актовались“, по тогдашнему выраженію, т. е. записывались въ книги и послѣ этого актъ считался совершеннымъ. Въ этомъ проявлялась дѣятельность мѣйскаго уряда, какъ нотаріальной конторы.

Какъ судъ гражданскій, мѣйскій урядъ разбиралъ ссоры о правѣ собственности на землю²⁾, о раздорахъ между родственниками³⁾ и объ уплатѣ долговъ.

Въ области уголовныхъ преступленій мѣйскому уряду чаще всего приходилось имѣть дѣло съ убійствами⁴⁾, грабежами⁵⁾ и

¹⁾ См. акты №№ 34, 38 и 91.

²⁾ См. напр. акты №№ 6 и 9.

³⁾ См. напр. № 60.

⁴⁾ См. акты № 111.

⁵⁾ См. акты №№ 10 и 22.

кражами ¹⁾. Очень рѣдко попадались дѣла о колдовствѣ ²⁾ и т. п. Руководствомъ при опредѣленіи наказанія служила 4-я часть сборника „Porządek sądow y spraw mieyskich“ подъ заглавіемъ: „o karności zloczyncow, a narzod o męczeniu ich“ ³⁾. Иногда приводились довольно длинныя выписки изъ этого законодательнаго сборника, какъ, на примѣръ, въ актахъ подъ №№ 55 и 61 для точнѣйшаго опредѣленія состава преступленія кражи ⁴⁾.

Апелляціонной инстанціей для мѣйскаго уряда въ польское время служилъ „подвоевода“, т. е. помощникъ кievскаго воеводы, въ область котораго входилъ и Борисполь ⁵⁾. Очевидно, кievскій воевода, какъ большой панъ, не входилъ въ подробности управленія ввѣренной ему области, а слагалъ эти обязанности на подвоеводу, который и разсматривалъ жалобы жителей на судебныя рѣшенія и приговоры мѣйскаго уряда. Въ козацкое время апелляціонными инстанціями для Бориспольскаго уряда служили козацкіи переяславскій полковникъ и гетманъ ⁶⁾. Разсматривая акты до и послѣ 1648 года, мы не замѣчаемъ никакого измѣненія въ кругѣ дѣятельности мѣйскаго уряда съ переходомъ Борисполя изъ польской въ козацкую власть. Единственная переимѣна заключается въ томъ, что въ засѣданіяхъ уряда вмѣсто уполномоченнаго отъ старосты участвуетъ мѣстный козацкій сотникъ сначала его королевской милости, а затѣмъ его царскаго величества войска запорожскаго ⁷⁾.

¹⁾ См. акты №№ 55, 61, 62, 68, 83, 86, 92, 94, 112, 113, 128, 132, 134, 135 и 136.

²⁾ См. актъ № 69.

³⁾ См. Porządek. Изд. 1760, стр. 133—155.

⁴⁾ Въ печатномъ изданіи Porządek. 1760 отдѣлъ этотъ находится на стр. 142.

⁵⁾ См. актъ № 7, изъ котораго видно, что Бориспольскій священникъ о Стефанъ ѣздилъ къ подвоеводѣ, которому была подана его пасынкомъ Панькомъ апелляціонная жалоба на рѣшеніе Бориспольскаго уряда (Панько... „*апеллевав* до его милости нашего милостиваго пана *подвоеводето*“).

⁶⁾ Въ актѣ № 74 находимъ слѣдующее: „Tedy ten Ostap tego wysluchawszy y *opiewał* do jego mosci *pana hetmana* dobrodzieja naszego wielkiego y *pozwa* Icsifa yz synem do *Czehiryna*, do pana hetmana“.

⁷⁾ См. актъ № 65.

III. Рукопись актовъ и соображенія при выборѣ ихъ, а также ихъ научное значеніе.

Книга Бориспольскихъ актовъ хранится въ библіотекѣ барона Шодуара въ м. Ивницѣ житомирскаго уѣзда, волынской губ. Она попала въ наши руки, благодаря любезному посредничеству А. М. Лазаревскаго и Н. И. Петрова. Книга Бориспольскихъ актовъ представляетъ собою рукопись на русскомъ и польскомъ языкахъ, переплетенную, очевидно, въ позднѣйшее время—судя по заглавію на корешкѣ, въ началѣ 1800-хъ годовъ. Акты первоначально, какъ видно, записывались на тетрадахъ, которыя потомъ подшивались одна къ другой. Замѣтно, что они выхвачены изъ пожара, такъ какъ на многихъ листахъ края обгорѣли, при чемъ порядкомъ тетрадей былъ потерянъ, а многія тетради и совсѣмъ затеряны, и въ такомъ видѣ рукопись досталась какому-то любителю старины, который, не возстановивши хронологическаго порядка актовъ, отдалъ ихъ въ переплетъ и такимъ образомъ сберегъ для потомства. Изъ забытаго въ рукописи письма отъ 11 іюля 1795 г. можно предполагать, что этимъ любителемъ былъ Михаилъ Николаевичъ Луста, родъ котораго принадлежалъ къ старожилымъ Бориспольскимъ родамъ и угасъ сравнительно недавно. Всѣхъ актовъ сохранилось въ описываемой рукописи 878, считая въ томъ числѣ и обгорѣвшіе. Всѣ они относятся къ промежутку времени съ 1612 по 1699 г. Отъ 1612 г. сохранилось 2 акта, отъ 1614 г.—7, отъ 1615—5, отъ 1617—1, затѣмъ вовсе нѣтъ актовъ 1618—1636 гг. и непрерывно сохранились съ 1637 по 1689 г., имѣется 4 акта 1694 г., 6—1696 г., 3—1698 г. и 2—1699 г. Позднѣйшихъ актовъ не оказывается.

Документы писаны частью по-русски, частью—по-польски,—очевидно сообразно съ тѣмъ, какимъ письмомъ владѣлъ приглашенный на службу въ мѣйскій урядъ писарь. Событіе 1654 г. (соединеніе Малороссіи съ Москвой) не оказало въ этомъ отношеніи замѣтнаго вліянія, и акты, писанные по-польски, попадаютъ и

послѣ него. Иногда одинъ и тотъ-же писарь пробовалъ свое искусство и по-русски, и по-польски, напримѣръ, писарь Симеонъ въ 1665 г. 1).

Языкъ актовъ, писанныхъ по-русски, — малорусскій языкъ тогдашнихъ канцелярій, и даже акты, писанные по польски, носятъ на себѣ его вліяніе, не отличаясь чистотой и правильностью польской рѣчи. Почерки, которыми написаны акты, смѣняются довольно часто, и наряду съ четкими и красивыми попадаются трудноразборчивые и небрежные. Иногда писаря мѣйскаго уряда, прежде чѣмъ приступить къ писанью акта, пробовали перо и писали какія-нибудь изреченія или замѣтки. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ на промежуткѣ между актами записано: *Nec scias nec heri nunquam credas mulieri. Ani we wsi a ni w miescie, nigdy nie wierz niewiescie*; въ другомъ мѣстѣ: *Lucerna et lumen pedibus meis, semilis meis verbum tuum, Domine. Pochodnia y swiatlośc pogam moim, scieżkam moim slowo twoje, Panie*; въ третьемъ мѣстѣ сдѣлана замѣтка: *Wojt Kuranda wynen żyta osmaczek 12, pszenicy osmaczkie...*

Если послѣ записи акта оставалось пустое мѣсто, то часто позднѣйшій писарь заполнялъ его новымъ актомъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ рядѣ актовъ за 1653 г. попали одинъ отъ 10 сентября 1654 г. и одинъ актъ отъ 23 февраля 1655 г.

При вступленіи въ должность новаго войта дѣлается объ этомъ отмѣтка въ книгѣ такимъ образомъ: „Протокулъ справъ судовыхъ поточныхъ мѣскихъ Боршпольскихъ за постановеніемъ Якова Терешковича войта 2)“, или такъ: „Книги за Харка Куранду 3)“.

При выборѣ актовъ для печати мы руководствовались слѣдующими соображеніями:

1) Изъ актовъ до 1648 г. мы не пропустили ни одного, за исключеніемъ обгорѣвшихъ и потому неудобочитаемыхъ, такъ какъ

1) См. акты №№ 103, 105 и 107.

2) См. ниже стр. 15.

3) См. ниже стр. 84.

до насъ дошло очень мало письменныхъ документовъ изъ эпохи польскаго владычества въ лѣвобережной Малороссіи.

2) Изъ актовъ послѣ 1648 г. мы выбирали такіе, которые или интересны по бытовому содержанію, или рисуютъ въ какой нибудь подробности дѣятельность мѣйскаго уряда, или даютъ намъ имя одного изъ Бориспольскихъ сотниковъ. Чтобы составить полный списокъ сотниковъ, мы взяли по одному акту за каждый годъ въ промежуткахъ времени съ 1648 по 1699 г.

Такимъ образомъ выбралось 136 актовъ изъ 878. Остальные акты не даютъ почти ничего новаго, и разница только въ именахъ обращающихся къ уряду сторонъ.

Акты Бориспольскаго уряда имѣютъ довольно важное научное значеніе. Они даютъ значительный матерьялъ для тѣхъ двухъ вопросовъ, которые разрабатывались въ послѣднее время въ статьяхъ проф. Багалѣя (Ж. М. Н. Пр. 1892, мартъ) и г-жи Ефименко (Русская Мысль 1892, №№ 4 и 5), а именно: 1) вопроса о томъ, какъ примѣнялось магдебургское право въ малороссійскихъ городахъ, 2) вопроса о томъ, какіе земельные порядки существовали въ лѣвобережной Малороссіи какъ въ польское, такъ и въ московское время. Въ первомъ вопросѣ уясняется, какъ былъ организованъ мѣйскій урядъ, изъ кого состоялъ, какія дѣла рѣшалъ и какимъ закономъ руководствовался.

Во второмъ вопросѣ оказывается, что личное землевладѣніе было преобладающею формою владѣнія, начиная съ самыхъ первыхъ годовъ XVII-го вѣка. Основаніемъ собственности является трудъ— „праця“ перваго заимщика свободной земли. Если человѣкъ занялъ участокъ земли, очистилъ его отъ лѣса или кустарника („копав и чистив“), сдѣлалъ пахотную ниву, то такая земля дѣлается уже его собственною, и въ случаѣ захвата кѣмъ-либо другимъ судъ восстанавливаетъ нарушенное владѣніе перваго заимщика, оставляя землю за нимъ, какъ его „працю власную“, т. е. собственную его работу¹⁾.

¹⁾ См. акты №№ 6 и 9.

Для исторіи сельскаго населенія въ Малороссіи Бориспольскіе акты имѣютъ то значеніе, что доказываютъ преимущество населенія съ XVII-го вѣка (многія типическія Бориспольскія фамиліи того времени, какъ-то: Яцуты, Прожейки, Куранды, Козаковичи и т. д.—сохранились до сихъ поръ) и осѣдность козаковъ, занесенныхъ въ реестръ 1649 г. (Жаданъ Кривохижа и Филипъ Кладиноженко, занесенные въ реестръ, являются въ то же время собственниками грунтовъ и нивъ) ¹⁾.

Народная масса очень пассивно относилась къ внѣшнимъ событіямъ, волновавшимъ тогдашнюю Малороссію, и въ то время, какъ шла борьба между гетманами, слѣдовавшими за Богданомъ Хмельницкимъ, какъ происходили кровопролитныя войны и пр.,— жизнь Бориспольскаго „хлибороба“ шла обычнымъ порядкомъ: онъ пахалъ, пасъ скотъ, торговалъ хозяйственными продуктами, велъ тяжбы, дѣлилъ или завѣщалъ имущество, уклонялся изрѣдка съ трудового пути и производилъ кражи, грабежи и убійства. Аеты мѣйскаго уряда идутъ изъ года въ годъ, и если не сохранились отъ нѣкоторыхъ годовъ, то не потому, чтобы ихъ не было. Даже отъ такого года, какъ 1663, когда самъ король польскій Янъ-Казимиръ осаждалъ и взялъ Борисполь (24-го ноября), до насъ дошелъ 51 аеть. Урядъ собирался довольно аккуратно и обычныя дѣла не прекращались. Народныя массы вездѣ такъ относятся къ событіямъ политической исторіи, которыя скользятъ по поверхности народной жизни, не задѣвая ея глубоко.

Матерьяль, доставляемый Бориспольскими актами, примыкаетъ по характеру своему къ матерьялу, изданному Н. М. Бѣлозерскимъ въ Черниговскихъ Губ. Вѣд. 1852 г. №№ 36—45 подъ заглавіемъ:

„Протокулъ до записованія справъ поточныхъ на рокъ 1690“, и извлеченному изъ рукописей бывшаго Стародубскаго магистрата.

Въ заключеніе просимъ читателя исправить двѣ ошибки, которыя вкрались въ текстъ актовъ вслѣдствіе того, что по обстоятельствамъ мы не могли внимательно слѣдить за корректурами.

¹⁾ См. аеты №№ 70 и 71.

XVII

Во первыхъ, акты за время войтовства Харка Буранды, вслѣдствіе опечатокъ въ годахъ, попали въ разныя мѣста, между тѣмъ, какъ всѣ они относятся къ 1654, 1655 и 1656 гг. и должны слѣдовать другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ; № 116, 58, 59, 60, 74, 75, 76, 77, 78 и 79. Во вторыхъ, въ актѣ № 10 войтъ Сеновичъ, благодаря опечаткѣ, названъ ошибочно „Богданомъ“, а не „Кондратомъ“, какъ это слѣдуетъ; въ актѣ № 131 „писарь мѣскій“ Григорій „*Николаевичъ*“ Талѣржѣвскій по ошибкѣ названъ „*Михайловичемъ*“.

А. Стороженко.

А К Т Ы

БОРИСПОЛЬСКАГО МѢЙСКАГО УРЯДА

1612.— 1699 гг.

1.

Бориспольскій мѣщанинъ Стефанъ Рѣзникъ продаетъ мельницу со ставомъ въ д. Нестеровкѣ войту Павлу.

Anno 1612, januarij 15 die.

Przede mną Piotrem burmistrzem y przy zupełney ławie urzędu miesckiego Borispolskiego oczewisto stanowszy Stepan Rzeznik mieszczanin Borispolsky dobrowolnie zeznał, yż on sprzedał młynek yz stawkiem, ktory nazywają Nesterowsky¹⁾; p. Pawłowy woi-towy, za kop dwie y za groszy cztery litewskich, wiecznemi czasy.

2.

Грицько Федоровичъ просить назначить срокъ Власу для выкупа коня, принятаго имъ, какъ третьимъ лицомъ, въ обезпеченіе исправной уплаты Власу долга со стороны Ивана, Коломійцоваго свояка.

Anno Domini 1612, die 1 aprilis.

Na urzędzie przedemną Fedorem woytem Borispolskim y przy mnie będączemi Pawłem, Stepanem, Harasimem rayczami, stanowszy oczewisto Hriszko Fedorowicz y opowiadanie uczynił na opatrzonego Jwana, Kołomiejczowego swoiaka, na tem, iż mu miał spłacic konia, ktorego szacowano u sthu groszach za dług od Ułasza; pozwany Jwan na żałobie iego długu swego własnego odstąpił, ktorego mienił bydz pułkopy groszy, y onego się konia wyrzekł; na czem Hriszka pa tne założył, y prosił aby to zapi-

¹⁾ Нестеровка — деревня остерскаго у. черниговской губ. верстахъ въ 4-хъ отъ м. Борисполя.

sano przy teyże sprawie. Hryszko Fedorowicz prosił o złożenie roku ku odkupieniu tego konia Własowi, na czo urząd rok złożył od dnia dzisieyszego do tygodnia, u gdzie za tydzień nie okupi tego konia, tedy na wpad przepada u Hriszka, a Włas żadney trudnosci o tho mu zadawac nie ma czasy wiecznemi. Czo tho sobie Hriszko dał do xiąg zapisac, y iest zapisano.

3.

Бывшій войтъ Пашко жалуется на шинкаря Фартушнаго, который побилъ и выгналъ на улицу сына жалобщика съ женою, и на Матвѣя десятника, который самого Пашка ударилъ въ щеку.

Року 1614, месеца августа 11 дня.

1) Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышпольскимъ, бурмистры и присежными, ставши очевисто Пашко, бывшій войтъ, на Данила Фартушнаго шинкаря тыми словы: ижъ дей и сына моего з женою и з иншими помочниками побили з двора и на улицу бьючи выгнали, што Пашко светками явне показав, Олексою, бывшимъ бурмистромъ; Олекса признав, же били, и до Стецка коваля Пашко ставив; Данило не схотев. Еднане приняли.

2) Тогожъ часу тотъ же Пашко жаловал на Матвейя десятника, ижъ дей побивъ, до чого ся Матвей не знавъ; Пашко ставив светка Стецка коваля, на которого и Матвей призоливъ о полукопья грошей. Стецко ставши перед нами зознав, же дей Матвей Пашка ударив пястю у щоку. Еднане приняли.

4.

Кіевскій мѣщанинъ Грунь Ивановичъ продаеть свою усадьбу за 12 копъ грошей литовскихъ пану Войтеху Зарѣцкому.

Року 1614, месеца августа 12 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышпольскимъ, бурмистры и присежными, ставши очевисто Грунь Ивановичъ меша-

нин Киевский ку записованю до книг доброволное зознане учинив. тыми словы: ижъ дей есми продав подварокъ свой власный, никому не пенный и ни в чом не заведенный, прозываемый Благутинский, пану Войтеху Зарецкому, за певную сумму пенезей, за дванадцать копъ грошей литовских, зо всимъ на все, с плацомъ з будованіемъ з огородомъ и што колвекъ естъ засевку у вогородѣ и зо всимъ на все, якъ ся сам в себе маеть вечными часы, который подварокъ пану Зарецкому заразом поступилом в моц и в держане подав; в чомъ я самъ, жона моя и потомки наши, и жаден з близких приятел наших, пану Войтеху Зарецкому, малжонце его и потомком их, и хтожбы колвекъ тот подварокъ держав, жадной перешкоды чинити не маем и моци мѣти не будемъ; а хтобы ся вступовати мев и якую перешкоду вышей помененым чинити мев, теды я Грушь Ивановичъ выше помененый, жона моя и потомки наши в каждого права своим власным накладомъ под виною таеъ сумы пенезей 12 копъ грошей шкодъ и накладовъ на вяд и сторону заступоват маем и повинни будем. О што просил пан Войтех Зарецкий, абы то было до книгъ записано—што естъ записано.

5.

Мартинъ Тесля въ двухнедѣльный срокъ долженъ заплатитъ долгъ паніи Бабицкой.

Року 1614, месеца августа 19 дня.

Рок од дня сегоднешнего за недель две Мартинъ Тесля посл з жоною своею маеть заплатити две копе грошей литовских, кром накладу, паніи Бабицкой. Што про память до книгъ естъ записано.

6.

Урядъ оставляетъ за Семеномъ Несыномъ ниву, которую оспаривалъ у него Левко Хромый.

Року 1614, месеца августа 20 дня.

Передо мною Коньдратомъ Сеновичомъ войтом Баришпольскимъ, Остапомъ, Гринцемъ, Михайломъ бурмистрами, Демком, Да-

нилом присяжными, точилася справа Семену Несыну з Левком Хромым, о ниву у Груздова гумна, которую Семень Несын менует своею власною, а Левко также своею, и выравшы Левко и просо посеяв, через заруку, которую ему Несын заручив, до скрынки местской грошей дванадцать, а на врьд замковый копою грошей; Левко о заруки недбаючи сеяв; Семен Несын показав то людем, же то его нива власная. До которой нивы, для лѣпшей ведомости, послалисмо присежнього Данила, перед которым признав Лысаковский стадникъ, же тую ниву Семен Несын копав и чистив, а не хто инший, чого объежь той нивы сведомъ Семен Борсукъ, Иван Дробница и инших людей немало; которую ниву оставились при Семену Несыну, яко при его пращи власной. Што про память до книгъ есть записано.

7.

Священникъ о. Стефанъ заявляетъ мѣйскому уряду, что пасынокъ его Панько, несмотря на предшествовавшія судебныя рѣшенія и приказанія подвоеводы, завладѣль его дворомъ и полемъ и не хочетъ допустить его до владѣнія собственнымъ его имуществомъ.

Року 1614, месеца сентебра 5 дня.

Постановившися передо мною Кондратом Сеновичом войтом Баришпольскимъ жаловав и оповедав господин отецъ Стефаный священникъ на Панка пасынка своего тыми словами: ижь дей што есмь мев право перед в. о тую маетность квалтовне побраную за слушным показанемъ моим и переведенемъ права за сказанемъ декрету в., штосте в. мне наказали, яко мое власное при мне оставили, што все на писме покажу; он того декрету в. не принявшы, апеловав, абым до его милости нашого милостивого пана подвоеводего; я с тым декре(то)м в., ездил есмь до его милости пана подвоеводего и показалем его милости тие справы, што его милост, обачившы справы мои правныи, писати рачил до наместника своего пана Осташа, абых я при всем своем зостал, дом, пашню, поля и все што колвокъ моего есть, водлуг декрету наказали, абы мне поступил.

Нижлися и тому Панко пасынок мой спротивив, тоєи маєтности моеи мне не поступив, и такъ отповедив: „Хоч горло дам, а не постулю“. О то просив отецъ Стефаній священникъ, абы то было до книгъ записано—што ест записано.

2) Тот же господин отецъ Стефаній оповедавъ на тогожъ пасынка своего Панка тыми словы: ижъ дей еси ездив до его милости пана подвоеводего, тамже и Панко быв, и очевисто его милость Панку розказати рачив, абы ми двор мой, зо всею маєтностью вернув, и послати его милост рачив до наместника своего, пана Осташа, абы вернув; теде Панко, яко устному розказаню его милости пана подвоеводего, такъ теде и писаню спроти(ви)в, того двора моего и жадное речы не дав и не поступив. О што господинъ отецъ Стефаній просив нас, вряду, абы то было до книгъ записано—што ест записано.

8.

Кузьма жалуется на Демидиху за неотдачу овечки, приблудившейся къ ея стаду.

Року 1614-го, месеца сентебра 7 дня.

Передо мною Остапомъ Безбородкомъ бурмистром на тот час на местцу новомъ будучим, Михайломъ бурмистром, Пархо(мо)мъ и давными присежьными, жаловав и оповедав Кузьма, на Демидиху, иж овечка моя прилучила ся до овечокъ еє; теде девки мои зпознавши овечку свою межи овечеами еи, почали нять, а пастух еи дочкам моим тоє овечки поймати не дав: „заплати теде мнѣ лядеиру, бо я вже тую овечку шест дней пасу“. И егда перед нами став Демидишин зять Дмитро и с тым пастухомъ поведив тыми словы: „ижъ дей тая овечка не межи нашими овечками, але межи Тимошовыми Чоботаровыми, бо дей того Тимоша пастух в тоєжъ обличье, якъ и нашъ“. То еси правом до пятницы одложили, абы Дмитро того хлопъца поставив.

9.

Урядъ оставляетъ за Тишкомъ Хромымъ ниву, которую самоуправно выоралъ и засѣялъ Войтеховъ братъ Андрей.

Рокъ 1614-го, месеца сентебра 12 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышпольскимъ, Остапомъ, Гринцемъ бурмиистрами, Пархомомъ присежънымъ, ставши очевисто Тишко Хромый поведивъ тими словами: „ижъ што дѣй есми мев спор о ниву свою власную з Андреемъ, Войтеховымъ братомъ, которую упорне поорав и посеяв“. Мы, вряд, наказали и тую ниву при Тишку zostавили, а Тишко маеть ему одорати его ниве, где ему укажетъ, а до нивы Тишковой Войтехъ жадное потребности вичне мети не маеть. Што просивъ Тишко, абы то было до книгъ записано—што есть записано.

10.

Панъ Водвинскій жалуется на пана Ядловскаго за нанесеніе ранъ и грабежъ имущества.

Рокъ 1615, месеца января . . .

Передо мною Иляшомъ Михайловичомъ¹⁾, начальникомъ Барышпольскимъ, а Богданомъ Сеновичомъ войтомъ Барышпольскимъ и при насъ будущими, бурмиистромъ, райцы и присяжными на местцу звыклымъ судовомъ засѣлими, жаловалъ урожоный Миколай Водвинскій з Барышова²⁾, на пана Себестияна Ядловскаго в тые слова: ижъ пан Ядловскій, взявши на себе гневъ напроотивко мене, за котрымъ зедживости мене не пооднокрот потыкали, и шеод немало поносиломъ, такъже часу недавного, на нявъшы Яска Щербину козака, направилъ его дѣвку мою побити; котрый будучи направеный от пана Ядловскаго, а маючи позволене яко од уряду, перенявши на рѣку идучую Ерынгу на улицы, а праве

¹⁾ Можетъ быть, это поздѣйшій (1637) переяславскій полковникъ Иляшъ Караямовичъ.

²⁾ Барышовъ, нынѣ Барышевка—мѣстечко переяславскаго у. полтавской губ. на берегу р. Трубежа. Въ княжеское время торекскій городокъ Баручъ.

против ворот пана Ядловскаго, округне и немилосерне ким збил, змордовал, при котором збитю и шкод немало почынил, которые готов буду часу права перед его мость паном подвоеводим, любь тежь перед его мость паном воеводою, нашим милостивым паном, наказать. Также я самъ, кгдаш ехав до Барышова для пилных потреб своих и кгдаш приехав до дому своего, а чуючисе быт велом никому ни въ чом не виньным, былом безпечным, якъ панъ Ядловский не ведат в який способъ взявъшы на мене злый умысль, а не чынячи з мене справедливости, што быв винен, але забравшы немало челяди своей, Омеляна слугу своего, Семена Бубянистого а Семена возницу, Олешка мещанина, Стася Зарецкого, праве с понделку на второкъ направивъшы их, абы ме забили, наслав на дом мой, которые нашедшы моцно квалтом на дом мой, а заставшы мене, учтившы слуху вашности, спячого в постели, округне и немилосердне кийми побили и помордовали; а оставившы на земли, в избе, на полумерлого, челяд розогнавшы, маетности з дому моего немало побрали и розшарпали, а меновите: пулгак¹⁾, коштовал десет золотых; ладовница, коштовала чотыри золотых; цѣпка, коштовала осмъ золотых; пояс кытайчаный, купленый за мешокъ з грошми, а у ним было десят золотых; ножи, коштовали два золотых; пуяс оправный, коштовал чотыри золотых; хустька вышита, куплена за два золотых; товалня шовком шыта, коштовала повтора золотыхъ; хустька безю шыта, коштовала повтора золотых; шликъ лисий, хваляндышом крытый, коштовал осмъ золотых; капитан бархановый, коштовал чотыри золотых; перстенков два сребреных, коштовали пултора золотых; листов записов на разные долги, которых . . . съ тридцат, квитации пана Богуша Луцкевича, подстаростего Черкаского; рукавицы, коштовали золотый; на . . . къ, коштовала дванадцат грошей; стрел з сагайдака взяли два десятки, купленые за два золотых; печат, коштовала золотый. А такъ мы, врадъ, выслухавъшы жалобы Николая Водвинского, за прозбою оного, на огледане ранъ, придали вижа Пархома присяжного, который огледавши призналь

¹⁾ Пулгак—лукъ для стрѣльбы.

ку записаню до книг, иж виделъ еси Миколая Водвинского на твари рана кривавая, на руке левой, вышей локтя рана кривавая, а на нозе левой, на голени рана кривавая, хрибет вес синий, кийми побитый. От которого бою и зраненя неведати, если жив будет. Што мы, уряд, выслухавъши жалобу пана Миколая Водвинского и вижово признане казалиси до книгъ месцькихъ Барышъ-полскихъ записат, що записано.

11.

Бывшій бурмистръ Олекса жалуется на Герасима за угрозу его побить.

Року 1615, месеца февраля 5 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышполским, Остапомъ, Гринцемъ бурмистрами постановивши(с) очевисто Олекса бывшій бурмистр жаловав и оповедав на Герасима тыми словы: „ижъ дей наважив на здорове мое и хотѣв мене бит, о чомъ еси и самъ не ведав у Шостака, як бы ажъ мя добрые люде остерегли, аж на завтрее мне сказали“. Якож Олекса заразомъ ставив Миска Тов-стобабию зятя, который ставшы перед нами поведивъ: „правда дей, панове, же Герасим мовив на Олексу: небачный чловеце, буду тебе бит, а Олекса о томъ не ведав и того не чув“. И еще Олекса ставив брата Герасимова Андрушка Шостака и Терешка Сахненка и иных людей сторонних, с трох копъ грошей Герасим не приставляв; тедысмы межи ними положили заруки на его милост пана подвоеводего по сту копъ грошей литовских, а до скрынки местской три копы грошей, еслибы Герасимъ на Олексу отповедати мед сам через себе и через когос колвекъ. О што нас вряду просив Олекса, абы то было до книгъ записано и есть записано.

12.

Мисько Слуханъ явился на разборъ дѣла по обвиненію его Грицькомъ изъ Дударкова въ истребленіи собаки.

Року 1615, месеца февраля 5 дня.

Перед тым же врьдомъ, Миско Слуханъ оповедавъ перед нами тыми словы: „што дей мене Грицько з Дударкова¹⁾ обвинив о пса, яко бхъ я мев где задѣтъ, и зложилисте нам ваша милость рокъ за недѣл две на ден сегодняшній; а иж его немаєш, прошу в. м., абы то было записано“. Мы врьд пилность Мискову казали записати и волным Мискав чинили; а Миску з Грицьком право волное зоставили, што про память до книг есть записано.

13.

Иванъ, Трохимичынъ братъ, жалуется на Евхима Слесаря за нанесеніе ему побоевъ.

Року 1615, месеца февраля 13 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышполским, Гринцемъ, Михайломъ, Лаврином бурмистрами, Васком, Демком при- сяжъными, ставшы очевисто Иванъ Трохимичин братъ жаловал и оповедал на Евхима слесара о збите и зранено, иж дей мене побив; до чого ся Евхим не знав. Теды Иван ставив довод до Федора Корогода; Федор Корогод поведил, жей я того не сведомъ, хто его бив, одно в мене будучы оповедавъ, и на другого здався, Ярмолу Мацишина; а ижъ Ярмола хворый, послалисмъ Демка при- сежъного, перед которым Ярмола поведивъ: я дей самъ там небыв, жона моя мне пришедшы казала: шла дей есми зъ Евхимом, и дав мне Евхим шапокъ две и ведро пива, послав мене наперед, и я дей зашла за пани Бабицкой двор, стала и чула есми крыкъ, же там

¹⁾ Дударковъ—село остерскаго у. черниговской губ.

когое на рыноу перле колодкую. Мы, вяд, видечы довод воллуг права послушный, наказалисмы Ивану присегу на ранах на понеделокъ, а кгда присягнетъ, маеть его Евхимъ навезати. Што про паметь есть записано.

14.

Вишенцы забрали сѣно у Евсея Евлашенка, который косиль его съ позволенія пана Сулимы.

Року 1615, месеца февраля 13 дня.

Передо мною Кондратомъ Сеновичомъ войтомъ Барышполскимъ, бурмистры и присежъными, ставшы очевисто Евсий Евлашенко бондар, яко на рокъ зложоный напротивко Вишенцов¹⁾ за одстинене (?) ю сѣно, чинил пилност од поранеу ажъ до вечера и того ся вм. (до) водив писанемъ его мл. пана Сулиминимъ, же тое сѣно од пана Сулимы²⁾ мель, которое Вишенцы своим меновали; а иж на рок зложоный справедливости Вишенцы не стали, на рокъ не прибыли, и жадной ведомости о себе не дали, мы его пилност видечы, од того волным вчинили, и до книг записать казали, што есть записано.

15.

Якимъ приежный и Левко мѣщанинъ купили что-то (въ рукописи дыра) у Павла.

Року 1617, месеца апреля 12 дня.

Ставши очевисто перед нами судом мѣским, войтом, бурмистрами и присежными зознали тыми словы Якимъ присяжный и Левко

¹⁾ Вишенцы—жители с. Вишенокъ, нынѣ остерскаго у. черниговской губ. на берегу р. Днѣпра.

²⁾ Панъ Сулима, судя по времени, къ которому относится актъ (1615 г.)—извѣстный запорожскій гетманъ Иванъ Михайловичъ Сулима, разоритель Кодака († 1635). Вѣроятно, Сулима получилъ земельный участокъ отъ Станислава Жолкевскаго († 1620), а не отъ Луки, какъ предполагаетъ Лазаревскій (Сулим. Арх., стр. V). Это подтверждается извѣстіемъ Мотыжинскаго Архива, стр. 112—113.

мѣщанин Барышпольскій, иж у Павла купили за двѣ копи и за 10 грошей у мѣсти Просили нас, жебы казали записат, що ест записано.

16.

Настя Васчиха, по первому мужу Антипиha, распредѣляетъ имущество, оставшееся послѣ Антипы, между собою и сыномъ отъ Антипы Омелькомъ,

Року тисеча шестесть тридцать семого месеца марта шостого дня.

Перед нами врядом меским барышпольским передо мною Семейном Сезченкомъ войтом на тот часъ будучимъ зъ бурмистрами и райцами одностайне заселыми въ ратушу Барышпольском. Приточиласе справа мещанина нашего Барышпольского Васка Хведоровича з жоною егож Настею, першого малженства Антипиhoю, то ест о речи спадковыя позосталые по смерти небожчика Антипи першого мужа Настиного; теды оны становшы очевисто перед нами врядом меским Барышполским вышей менованым вчынили роздѣлок вышей менованая Настя Васчиха а першого малженства Антипиha з сыном своим Омелком Антипенкомъ; которого то сына своего Омелка вышменованая Настя Васчиха зоставила въ дому отцевском, который зостал по смерти небожчика мужа моего першого Антипа; до которого дому и поле все, которое небожчикъ Антипъ працею своею розробил, мае спокойне сын мой Омелко ужывати и повинности панские отдавати, тилко помененный сын мой не мае жадное справы до того поля, которое я при собѣ и при теперешнемъ мужу своем Васку зоставую, то ест в каждой руцѣ по два днѣ, так теж и до внесня моего, которое внесла до мужа своего Васка Хведоровича, то ест вола гnedорыжого и иншее убозство мое, которое працею своею набыла. По смерти моей не мае сын мой Омелко жадное справы до мужа моего Васка мѣти, и не мае ни през жадное право оного позывати вечными часы; тилко помененный сын мой мае вышменованные речы, то ест дом лежачый подле дому Грицка Ходорковского и подле дому Сезчыхи Медведыхи ис полем належачым до того двора,

мае спокойне уживати; волов тры, шкапу шерстю половую при нем же зоставую. Тилкож если лѣтъ доростуть дочки помененное Насти Васчыхи, которыя позоставали по смерти отца своего Антипа, мает Омелко сын Антипов оныхъ з маетности отцевской, которое позостало по смерти отца их Антипа, вывинити (дать вѣно), а болшей жадное справы ниhto не мае мѣти, так помененный сын мой Омелко до мене и до мужа моего Васка, яко теж и я сама, Настя, з мужем своим не маемо одно до другого жадное справы мѣти. Што для лепшого вѣри и певности просили нас уряду вышей менованого особы выппомененные, абы та справа была до книг нинешныхъ меских Барышполскихъ записана. Што мы видечи реч слушную, казали до книг меских Барышполскихъ приняти и записати — што ест принято и записано.

17.

Ходося Иваниха и Лавринъ Дужченко продали свой дворъ Хведору Чабаненку.

Року тисеча шестсотъ тридцать сегого месеца марта дня петнадцатого.

Перед нами врьдомъ меским Барышполским, передо мною Семеном Сезченком войтом з бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском постановившысе очевисто Ходося Ивановая вдова и Лаврынъ Дужченко явне, ясне и доброволне ку записаню до книг нинешныхъ мескихъ Барышполскихъ признали в тие слова: ижесмы, поведае, продали двур свой никому ни в чом не пенный и не заведеный, лежачий подле двора Ивана Панасенка на фолварку за мѣстом, зовсим, з будованем, с пляцом, з огородомъ и з нивою одноєю, которая лежит подле футора кгородского, Хведорови Чабаненкови за полшты копы грошей литовское личбы; до которого дому не мае мѣти помененная Иваниха з братом своим Лаврынномъ, так тежъ и потомкове ихъ, жадное потреби вечными часы, тилко помененный Хведор мае оный двур выпменованый спокойне

уживати, яко свой власный, и волно оному продати даровати и яко хотѣти тым домом оборочати вечными часы. Што для лепшее вѣри и певности дали собѣ обе стороне, абы тая справа была до книг нивешнихъ мескихъ Барышполскихъ записана—што есть записано и принято.

18.

Семень Третьякъ продалъ свой огородъ пану Денису Матушкевичу.

Року тисеча шестсотъ тридцать сегого м. марта деветнадцатого дня.

Перед нами урядом меским Барышполским, передо мною Яковом Терешковичом войтом на тот час будучимъ, а при мне будучими бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполскомъ, постановившысе очевисто Семен Третьякъ мещанин нашъ Барышполский ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нивешнихъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведеае, продал огород свой власный, никому, ни въ чом не пенный и не заведенный, лежащий подле двора Гаврыла Бондара и подле огорода Миска Крамара, пану Деонисови Матушкевичу за конъ три грошей литовскихъ, вечными часы; до которого огорода не мае мѣти помененный Семень Третьякъ жадное потребы, ани он самъ, так тежъ и жона его и потомкове его, вечными часы; тилко помененный Матушкевич мае оный огород спокойне уживати, и волно оному продати, даровати и яко хотѣти тым огородом оборочати, яко своим власным вечными часы. Што для лепшее вѣри и певности дали себе обе сторонѣ до книг мескихъ Барышполскихъ записати—што ест записано и принято.

Протокулъ справъ судовыхъ поточныхъ мѣскихъ Барышпольскихъ за постановеніемъ Якова Терешковича войта.

19.

Грицько Щавій продалъ свой дворъ Мойсею Старцу.

Року тисеча шестсотъ тридцать сегого месеца марта тридцатого дня.

На вряде меском Барышполском передо мною Яковом Терешковичем войтомъ з бурмистрами и райцами одностайне заселыми в

ратушу Барышполском постановившысе очевисто Грицко Щавий, ясне, явне и доброволне ку записаню до книгъ нынешныхъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведае, продал дом свой власный никому ни в чом не пенный и не заведеный лежащий подле двора Миска Белоуса и подле Луцка Дронницы, за полчварта копы литовское, Мойсееви Старцеви вечными часы и не мае мѣти вже жадное потребности до того двора помененый Грицко, ани он сам, так теж и жона и потомкове его вечными часы. Што для памяти обусторонѣ дали до книгъ мескихъ Барышполскихъ записати—што ест принято и записано.

20.

Игнатъ Сидоренко продалъ половину своей отчины зятю своему Кондрату Яценку.

Року 1637, месеца мая 6 дня.

Передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ Барышполскимъ и при мне будучих бурмистровъ одностайне лави зуполной, ставши очевисто Игнат Сидоренко, мещанин Барышполский, явне ясне и доброволне до книгъ нынешныхъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: ижем, поведае, продал отчизну, половину в дому и в полю, за суму копъ осмъ личбы литовское, свою власную и ни в чомъ никому не пенную, лежащую подле Федка и Андрея Демченка, Кондратови Яценкови приятеливи своему и зятеви вѣчными часы; который то помененый Игнат Сидоренко не мае мѣти жадное потребности, ани теж жона его, ани потомкове его; тилко помененый Кондрат Яценко повинен уживат у вышпомененой половици, ябъ в дому, так теж и в полю; що для лепшого вери и певности обѣ сторонѣ дали собѣ до книгъ мескихъ Барышполскихъ записат, що ест записано.

21.

Вдова Иваниха Угладчиха отдаеть комору въ уплату долга мѣйской скрынкѣ.

Року 1637, мая шестого дня.

Я, Яцко Терешкович, войтъ Барышполский, з бурмистрами при мне будущими на тот час, чиню ведомо тымъ моимъ записомъ, иж Иваниха Угладчиха вдова винна будучи до скринки меское грошей готовых полсеми копы личбы литовское, прето вышпомененая Иваниха Угладчиха перед нами вradoмъ мескимъ зналас того долгу, ясне, явне и доброволне за помененый долтъ комору, лежащую подле Сапоновой, поручила на потребу мескую вѣчными часы, варуючи себе от ме(не)ного долгу. Просила нас, вряду, абы то было про память записано, що ест и записано.

22.

Урядъ опредѣляетъ считать Яна Янчевскаго свободнымъ отъ обвиненія въ грабежѣ 10 талеровъ у Пуховскихъ козаковъ Савы и Герасима.

Anno 1637, die 7 mai.

Na urządzie mieyskym Boryszpolskym przy bytnosci urodzonego jego mosci pana Jana Kucharskiego, starosty Boryszpolskiego y Baryszowskiego, przede mną Jakowem Tereszkowiczem woytom Boryszpolskym a przy mnie będącym Pawłu Hryszczenku, Jarmolie Zbolickeiemu, Sidorowi Bezborodeczenkowi, Omelianowi burmistrami y raycami, iednostaynie zasiadłymi na mieyscu zwykłym w ratuszu Boryszpolskom, stanąwszy oczewisto Sawa y Harasim obywatelie Puchowskie¹⁾, kozaky woyska jego kr. mosci zaporozkiego, y skarzali sie na Jana Janczewskiego obywatelia Boryszpolskiego służę wielmożnego jego mosc pana podczaszego korąnego pana naszego miłościwego, a to w te słowa: yż, powiada, panowie urządowie, ten

¹⁾ Пуховка—селеніе остерскаго у. на р. Деснѣ.

pomieniony Jan Janczewsky przyiachawszy do nas na podpiłe ludzie siedzących u Ieka żyda arędarza Baryszpolskiego, y nas bez dania żadney przyczyny. posiedziawszy z nami y od pasa gotowych pieniędzy taliarow dziesięć bitych z chustą oberwał. Tedy my, urząd wyszmianowany, wysłuchawszy strony żałobliwej pomienionego Sawy kozaka zaporozkiego, który mianował przed nami żeby iemu szkoda stała, kazalichmy stronie obwinioney Janowi Janczewskiemu na odwod y żałowanie Sawy kozaka zaporoskiego stanąć; tedy on stanąwszy przed nami urzędem wyszmianowanym powiedział w tę słowa: yżem, powiada, panowie urzędowie ja o tych taliarach, ktore mianuie Sawa kozak obywatel Puchowsky s towarzyszem swoim Harasimom kozakiem woyska zaporozkiego, żebym miał od nich wydzirać; tedy ia o tych taliarach nie wiem y nie widziałem ich y od nich nie wydziarał, y nie wiem tego iezeli byli przy nich pieniądze, abo niebyli. Tedy my, urząd wyszmianowany, wysłuchawszy oboch stron, tak stronie żałobliwej, iako y stronie odporney, schiliwszy się iednostaynie ku prawu pospolitemu, nakazalichmy urzędownie dekretem swoim, aby pomieniony Jan Janczewsky przysięgą sie odwiodł na tym, iako nieodrywał tych pieniędzy od Sawy kozaka zaporozkiego y nie znał o nich y nie widział ych dnia wyszmianowanego y roku. A ysz pomienione osoby Sawa y Harasim obywatele Puchowskie kozaky woyska jego kr. mosci zaporozkiego na tę rok dla wysłuchania przysięgy Jana Janczewskiego nie stali y pilnować nie chcieli, a pomieniony Jan Janczewsky gotowość swoię do przysięgi uczynił y pilnował według prawa pospolitego do godziny nieszporney. Tedy my, urząd wyszmianowany, wydząc niewinność onego Jana Janczewskiego uczynilichmy wolnym od tey sprawy y niemają iuż nigdy ni przed żadne prawo y urząd pomienione osoby Sawa y Harasim Jana Janczewskiego pozywac y o szkode swoje wyszmianowane nie mają się nigdy upominać wiecznemi czasy. Co dla lepszey wiary y pewnosci kazalichmy do xiąg mieyskich Boryszpolskich zapisac; co iest zapisano y przyjęto.

23.

Миско Москаль продалъ свой огородъ Ивану Демиденку.

Року 1637, месеца мая деветнадцатого дня.

На вряде мескимъ Баришполскимъ передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ на тотчасъ будучимъ и при мнѣ будучими бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Баришполскомъ, ставши очевисто Миско Москаль призналъ в тые словы мовечи: ижемъ, поведае, продал огород свой власный, никому ни в чомъ не пепный и незаведеный, лежащий подле огорода Хомина, Ивану Демиденку, за певную суму злотыхъ чотыри литовскихъ, до которого огорода не мае мѣти помененый Миско жадное потребности, ани он самъ, ани теж жона его, ани потомъкове его, тилко помененый Иван Демиденко повинен ест оный огород спокойне уживат и волно ему оному продати даровати и якъ хотечи его обернути яко своимъ власнымъ вѣчными часы; што для лепшого вѣри и певности дали себе обѣ стороны до книгъ нынешнихъ Баришполскихъ записати, што и ест записано.

24.

Васко Яковенко продалъ свой огородъ Семену, зятю Ветливны.

Року 1637, месеца мая двадцатого дня.

Передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ Баришполскимъ, а при мне будучимъ бурмистромъ и райцомъ одностайне заселыми на местцу звышломъ в ратушу Баришполскомъ ставши очевисто Васко Яковенко мещанинъ нашъ Баришполский ясне, явне и доброволне ку записую до книгъ нынешнихъ мескихъ Баришполскихъ призналъ в тые слова: ижемъ, поведае, продал огород свой власный, никому ни в чомъ не пепный и не заведеный лежащий подле Супруна Медведенка и подле Яска Пасченка за пятъ копъ грошей личбы литовское Семенови Ветливное зятеви, вечными часы, отдаляючи самого

2*

себе, жоны и потомковъ своихъ, вечными часы, што для лепшое вѣри и певности обѣ сторонѣ дали собѣ до книгъ местныхъ Барышполскихъ записати, што ест записано и принято.

25.

Иванъ Пустовойтенко продалъ свою ниву Ивану. Окрайцовому внуку.

Року 1637, месеца мая двадцет третего дня.

Передо мною Яковомъ Терешковичомъ войтомъ Барышполским, и при мнѣ будущими бурмистрами одностайно заселыми на местцу звывеломъ в ратушу Барышполскимъ, ставши очевисто Иванъ Пустовойтенко мещанин нашъ Барышполский, ясне, явне и доброволне кѹ записаню до книгъ нынешнихъ мескихъ Барышполскихъ призналъ в тые слова: ижемъ, поведае, продал ниву свою власную никому ни в чом не пенную и не заведеную, лежачую подле Сидора и подле Левковой Шицкого, за певную суму грошей сто личбы литовское, Иванови Окрайцовому унукови, вечными часы, который то помененый Иванъ Пустовойтенко не маєт мѣти жадное потребности, ани онъ самъ, ани жона его, ани потомъкове, тилко помененый Иван Окрайцовъ унукъ повинен ей уживат, и волно ему продати, даровати, як хотити оною ниву обернути; што для лепшой вери и певности обѣ сторонѣ дали себе до книгъ мескихъ Барышполскихъ записати, што ест записано, року и дня вышъменованого.

26.

Мѣщанка Иваниха Смолдыровна продала свою ниву Ивану Черному.

Року тисеча шестсот тридцать сегого месеца июня дванадцатого дня.

Передо мною Павломъ Грышченкомъ войтомъ Барышполским, на тот час будущим, а при мне будущими бурмистром и райцами одностайно заселыми в ратушу Барышполском, постановившысе очевисто

Иваниха Смолдыровна мещанка Барышполская ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешних мескихъ Барышполскихъ признала в тые слова: ижем, поведае, продала ниву свою власную никому ни в чом не пенную и незаведеную, лежащую подле нивы панее Карминское и подле нивы Кондрата Накалюжного, Иванови Черному за полчварта золотого вѣчными часы; што для лепшого вери и певности обѣ сторонѣ дали собѣ до книг нинешныхъ мескихъ Барышполскихъ записати, што ест записано.

27.

Уляна Тимошыха продала свою ниву Сергѣю Прасолу.

Року тисеча шестсот тридцать сегого месеца июня семнадцатого дня.

Перед нами судом меским Барышполским передо мною Павлом Грышченкомъ войтомъ на тот час будущимъ, а при мне будущими бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполскомъ, постановившысе очевисто Уляна Тимошыха вдова мещанка Барышполская ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нинешнихъ мескихъ Барышполскихъ признала в тые слова: иж, поведае, продала ниву свою власную, никому ни в чом не пенную и не заведеную, лежащую подле нивы Якова Терешковича и подле нивы Хвеневои на гостыню¹⁾ Вышенском за полтретѣ копы грошей литовскихъ, Сергиеви Прасолови мещанинови Барышполскому вечными часы; до которое нивы я, Уляна Тимошыха, не маю мѣти жадное потребы, ани я сама, так теж и потомкове мои, тилко помененный Сергей Прасол мае тую ниву спокойно ужывати вечными часы, и волно оному продати тую ниву и даровати и яко хотѣти оборочати, яко своею власною; што для лепшого вѣры и певности просил нас уряду меского абы тое признане было до книг мескихъ Барышполскихъ записано. Теды мы уряд вышменованный видечы устное а очевистое признане Улянино Тимошышино, казали до книг мескихъ Барышпольскихъ записати, што ест записано и принято.

¹⁾ Гостынецъ — большая проѣзжая дорога.

28.

Уласъ Швець продалъ свою ниву Никону Рымарю.

Рокъ тисеча шестсотъ тридцать сегого месеца июня двадцатого дня.

Перед нами судом меским Барышполским, передо мною Павлом Грышченком войтом на тот час будучимъ а при мне будучими Сидорови Безбородченкови, Наумови, Омелянови Полуляхови бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском, постановившысе очевисто мешанин наш Барышполский Улас Швець, ясне, явне и доброволне ку записаню до книгъ нынешнихъ меских Барышпольских признал в тые слова: ижем, поведеас, продал ниву свою власную, никому ни въ чом не пенную и не заведеную, лежащую подле хутора Верны Сергеенка на врочыщу Ладыжене, Никонowi Рымарови мешанинови Барышполскому за коп тры литовских вечными часы, отдаляючи самого себе, жоны и потомков своихъ; до которое нивы я, Улас Швець не маю мѣти жадное потребности, так теж и потомкове мои, тилко помененый Никон Рымар мае тую ниву спокойне уживати вечными часы и волно оному тую ниву продати, даровати и яко хотѣти оборочати, яко своею власною. А што для лепшого вери и повности обѣ сторонѣ просили нас уряду вышменованого абы тое признане было до книгъ меских Барышполских записано; теды мы уряд видечы устное и доброволное признане Уласово Шевцово, казали до книгъ мескихъ Барышполскихъ принять и записати, што ест записано.

29.

Хвеско Дицковиченко продалъ свой дворъ Роману Сергѣевичу.

Рокъ тисеча шестсотъ тридцать сегого месеца июня двадцать шестого дня.

Перед нами врядом меским Барышполским, передо мною Павлом Грышченком войтомъ Барышполскимъ на тотчас будучимъ, а при мне будучими Сидорови Безбородченкови, Наумови Сергеевичу,

Омелянови бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском, постановившисе очевисто Хвеско Дицковиченко мещанин Барышполский, ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нынешнихъ мескихъ Барышполскихъ признал тыми словы: ижем, поведеае, продал двор свой власный, никому ни в чом не певный и не заведеный, лежащий подле Корния Бураченка, за три копы грошей литовскихъ Романови Сергеевичу мещанинови Барышполскому вечными часы. Што для лепшое вѣри и певности обѣ сторонѣ просили нас, уряду вышменованого, абы тое признане было до книг мескихъ Барышполскихъ записано, што ест принято и записано.

30.

Панасъ Черняховець продалъ свою ниву сыну своему Ивану Панасенку.

Року 1637, месеца августа 4 дня.

Перед нами урядом меским Барышполским, передо мною Семеном Колодежным войтом з бурмистрами и райцами одностайне заселыми в ратушу Барышполском, постановившисе очевисто Панас Черняховець мещанин Барышпольский, ясне, явне и доброволне ку записаню до книг нынешнихъ мескихъ Барышполскихъ признал в тые слова: Ижем, поведеа, продал ниву свою власную, никому ни в чом не певную и не заведеную, лежащую подле нивы Романовои Хижого зятя, и подле нивы Хведора Шевця, Иванови, сынови своему, за копь чтиры грошей литовскихъ, отдаляючи самого себе и другихъ потомковъ своихъ вѣчными часы, тилко помененый Иванъ Панасенко мае спокойне тую ниву уживати вѣчными часы; што для лепшой вѣри и памяти обѣ сторонѣ дали собѣ до книг нынешнихъ мескихъ Барышполскихъ записати. Што мы, уряд, видечи устное сознане помененного Панаса Черняховца, казали до книг мескихъ Барышполскихъ записати—што ест записано.

31.

Федоръ Хорошій отдаеть часть имущества пасынку своему Марку.

Року 1638, месеца мая 3 дня.

Передо мною Яцую войтомъ Барышполским, бурмистрами и присежными, зуполною лавою, ставши очевисто Федор Хорошій и с на(си)нком своим Марком, сознал доброволне перед нами врьдом: иж што на моего пасинка отчизны его при мнѣ было, коли матку его брал, теды отдаю корову и вола, овец осмеро, поля на чтыри дни, грошей коп двѣ мает Федор отдати пасинкови; тогды все тот Марко пасинокъ его жадное пстробы до отчима и матки свое(е) мѣти не мает и позывати до жадного права вѣчными часы под зарукою на ратуш коп три. О што просили обѣ сторонѣ, абы тая их доброволная угода была до книгъ записана, што ест записано.

32.

Остапъ Ковтунъ продалъ двѣ нивы Филону Ерченку.

Року 1638, месеца мая 3 дня.

Ставши очевисто Остап Ковтун зознал доброволне, иж продал нив двѣ своих власных, одна за Воробьевкою¹⁾ у островѣ, другая у Грицькова футора Лихоносого, звороты на Логвинову тои нивки. О што просил Филон Ерчинко, абы тые нивы до книгъ записаны были, што ест записано, вѣчно мает уживати Филон Ерчинко, як свое власное, волно ему продати и даровати, што ест записано и принято.

33.

Криско продалъ свою ниву Митку.

Року 638, месеца мая 20 дня.

Ставши очевисто Криско перед нами врьдом меским, войтомъ Яцую и бурмистрами в ратушу, сознал доброволне, иж продал ниву свою

¹⁾ Воробьевка—маленькая рѣчонка, протекающая по полямъ д. Кучакова и с. Сулимовен и впадающая въ р. Трубежъ.

власную, никому не заведеную на селищи збоку Денисовои, Миткови за золотых три, отдаляючи отъ себе самого, жоны и потомков и приятелей своих вѣчными часы, волно Миткови уживати як свое власное. О што просил Митко абы то было до книг записано; што ест записано.

34.

Андрей Адаменко и Ясько Яковенко помѣнялись лошадыми.

Року 638, месяца июня 13 дня.

Ставши очевисто на врьдѣ меском Барышполским (передо мною) войтом Яцую и бурмистрами в ратушу, Анѣдрѣй Адаменко з Нижина подданыи велможного его милости пана гетмана Потоцкого полного, сознал доброволне, иж проминал клячу сивую свою власную волную и не краденую мещанинови нашому Барышполскому Яскову Яковенку, на коня бѣлого; при котором фримарку напом были люди добрые мещале Яков Процик, Гарасименко для лепшее вѣры и памети. О што просили обѣ сторонѣ, абыми казали до книг записати, што ест записано и принято.

35.

Раздѣль имущества между Мискомъ Калужнымъ и Васкомъ Сестричомъ.

Року 638, июля 30 дня.

Перед нами врьдом меским Яковом войтом и бурмистрами, Миско Калужный мѣл росправу с приятелем своим Васком Сестричом о отчизну его, которую до сего часу Миско держал з ним посполу лѣт 11, тепер суд наказал, абы Миско отдал клячу сивую, вола гнѣдого, корову с телям перистую, поле все, што его власная отчизна, при Ивану зоставает, свиней двое, свиню черную и под-свинка; озимины и ярины, што засѣяно тепер, мает Миско Ивану всее пашнѣ четвертую част; кожух новый, чоботы, чукѣма бѣлая,

обране новое суконное, сорочокъ 2, портокъ 2, сукна локот 8, сермяга ест при нем. О што просил Миско и Иванъ, абы тая добровольная угода их была до книг записана, же юж Иван Сестричич его жадное потребности мѣти до Миска не мает и позывати под виною на вяд копъ 3 грошей до скринки, што ест записано вѣчными часы.

36.

Раздѣлъ имущества между Яковомъ Мулярченкомъ и Фескомъ Олейниченкомъ.

Року 638, месеца июля 30 дня и перед тым же вядомъ.

Ставши очевисто Яцко Мулярченко ис своим шурином Феском Олейниченком погодилися межи собою с права, наказаного декретом правным, што Яцко держал отчизну его до лѣтъ, а тепер тот шуриин его Феско осѣлъ на своей отчизнѣ; то ест, напервѣй отдал коней трое, коров чтыри, вола, свиней шестеро, гусей шестеро, за вола другого копъ шест, грошей готових копъ пят; комору переставити, шкуру вытяти; жупан синий, боты, панчохи, пояс шовковый и кушак, гаплы штучни, тимец жовтый, пугвици, колца; поле все, што одно отчизны его ест на всѣх руках, при Феску зоставает; а засѣвок, што ему с права наказано, тилко тое мает забрати, а Яцко при своем зоставает, што ему належит, тогда тепер ведлуг расправы и угоди, Яцко мает ниву ему выискати, што продали на хлѣбъ, а Феско мает дати жита копы двѣ своего. Феско, шуриин его, до Яцка жадное потребности и трудности не мает ему у жадного права вѣчными часы; а Яцко до них под зарукою на замокъ копъ десят, а до скринки копъ 3 заплатити каждый з них. О што просили обѣ сторонѣ, абы то было до книг записано, што ест записано для памяти.

37.

Иванъ Лазебный продалъ свой огородъ Демку Бубличенку.

Anno domini 1638, Ibrī dñia 25.

Przede mną Jacutą woytem Baryszpolskim y burmistrami zupełną ławą stanowszy oczewisto Iwan Lazebny zeznał dobrowolne, iż sprzedał ogrod swoy własny Demkowi Bubliczenkowi za złt. 3 wiecznemi czasy, ma go używac y darowac. O co prosili obie stronie, aby to było zapisano, co iest zapisano dla pamięci.

38

Цыгане вымѣняли лошадей намѣстнику цану Матушкевичу.

Anno domini 1638, die 28 Sbris.

Przede mną Jacutą woytem Bariszpolskim, urzędem miejskim, burmistrzami zobopólnie zasiadłymi w ratuszu, stanowszy oczewisto cyganie na imie Fesko Grydczyk, drugi Wasił Trykulenko y zeznali temi słowy, że sami frymarczyli dwoie koni, mianowicie konia siwego, bilmo na oku lewym j ucho lewe rozerzniono na wciąż, żywy stryke j w półtrosze, na klacze białą y gotowych złt. 5 przydatku; drugą klacze bułaną, na oko liewe sliepą na kaftan kyn-diakowy bawełniany, gotowych pieniędzy złt. 6 j szablje, s panem Mikołaiem Matuszkiewiczem namiesnikiem na ten czas będącym; ktoresmy koni mieli: konia siwego od Iwana Wołoszyna z Dziewicy, klacze — od Fedora Usa z Niżyna. Pry ktorym frymarku byli ludzie dobri wiary godni: Konraty Pawłeko j Anton Kysiel, Suprun Misiajło, Niczypor Hryneko. Ktore onych cygand obrowolnie zeznanie iech do xiąg miejskich Baryszpolskich zapisali wiecznemi czasy, co iest zapisano.

¹⁾ Пуцково—озеро на поляхъ м. Борисполя.

39.

Сергѣй Москаль продалъ свою ниву около Пупкова озера Семену, зятю Свѣтличнаго.

Anno domini 1639, marta 12.

Przede mną Jacutą woylem y burmistrami, stanąwszy ocze-wisto Serhij Moskal, zeznał dobrowolnie, iż sprzedał niwe swoje własną na Pupkowie ¹⁾ podle niwy o miedze z Nazarem na cztery dni y s celyną, co iest iego własnego podle teyże niwy, wiecznemi czasy Semenowi zięciowi Swietliczny za złotych pięć, oddalając sam od siebie, żony y potomkow swoich, ma uzywac iako swoją własną, przedac, darowac. O co prosili obie stronie, aby to było do ksiąg miejskich zapisano, co iest zapisano.

40.

Слабнича мирится съ невѣсткой своей Карпихой относительно поля.

Anno domini 1639, marca 29.

Przedemną Jakowem woylem Baryszpolskjm j burmistrami zupełną ławą zasiadłymi, stała się ugoda Słabynisie jz niewistką jej Karpową Połaszczyną, a to o polie, ktore dano winym Słabynisie: naprzod iedne od Głębokiego ¹⁾, zwrota iedne na Sakowe a druge na Fomine; druga na goscincu kyiowskim o miedzie nieboszczyka Paszka, trzecia za Worobiowym zwrotami na niwe Andrzeiową Deniszekową, tedy ma to Słabynicha używac tych pol, iako swoich własnych, darowac, przedac j na swoich pożytkach mic. A na potym Słabynicha do tey swoiey niewistkj Karpowej żadney potrzeby niema mic wiecznemi czasy y do pol oney należących, by zama, poszła, to y na potym ma byc wolna zewszystkim od Słabynichy. O co prosili obie stronie, aby ta ich dobrowolna ugoda była do

¹⁾ Глубокое—село переяславскаго у. рогозовской волости.

xiąg mieyskich zapisana, co iest zapisano dla pamięci. Ona sama potomky j powinne ni mają potrzeby pod zaręką kop dziesięć, ktoby znowu to prawo podniósł napotym.

41.

Пречистенскій священникъ Симеонъ продалъ свой домъ дяку Александру Трохимовичу.

Anno domini 1639, aprilis 26.

Naurzędzie mieyskjm Baryszpolskim przede mną Jakowem woytem, a przy mnie burmistrami zasiadłymi w ratuszu zupełną ławą stanowszy oczewisto ociec Semeon Przeczystensky zobopolnie przyznał do x(iąg) mieyskich w te słowa: iż, panie urządzie, przedałem dom swoy własny nikomu nie zawiedziony j nie winny panu Alexandrowi Trochimowiczu diakowi swemu, tuż podle siebie, Waskowsky za kop 3 litewskich wieczniemi czasy, oddalając od siebie y przyjaciół swych dalekich y blizkich, wolno mu przedac darowac y na swoy pozytek obracać jako chcąc. O to prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano, co iest zapisano.

42.

Васко Яковенко продалъ свою ниву Олешку Рубашному.

Anno domini 1639, may 15 dnia.

Przede mną urzędem mieyskim, to iest Jacutą woytem z burmistrzami, stanowszy oczewistą Wasko Jakowenko zeznał dobrowolnie, iż przedał niwe swoje własną nikomu nie zawiedzioną od Kyiowa na wyglądkach między niwamy, to iest z iedney strony Tomilekową a z drugiey strony Jarmakową, Oleszkowi Rubasznemu za złot 2, j gr. 20 polskich wiecznemi czasy, oddalając od siebie żony j potomkow swych j przyjaciół, wolno onemu Oleszkowi używac, przedac, darowac, iako swoje własne. O co prosili obie stronie, aby to było do xiąg zapisano, co est zapisano dla pamięci wiecznie.

43.

Иванъ Семененко продалъ свою ниву Стефану Напраснику.

Anno domini 1639, junij 15 dnia.

Przede mną Oliksiem Hołubniczym nakaznym woylem, a przy mnie burmistrami zupełną ławą zasiadłymi w ratuszu, stanąwszy oczewisto Jwan Semenenko przyznał dobrowolnie, iż przedał niw dwie pod Głębokym, nikomu nie zawiedzione y nie winne Stepanowi Naprasnikowi za złt. 215 wiecznemi czasy, oddalając od siebie samego, żony j potomkow j powinnych swoich; wolno Stefanowi używac, darowac, przedac, iako swoje własne. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) mieyskich zapisano dla pamiency.

44.

Демянъ Копыленко продалъ свою ниву Васью Горбаню.

Anno domini 1639, junij 26.

Przede mną Oliksą nakaznym woylem a przy mnie burmistrami Naumem y Niczyporem Bukatą j zupełną ławą, stanowszy oszewisto Demiian Kopylenko zeznał dobrowolnie, iż przedał niwe swoją własną leżącą za Worobiewką, między futorami Jarmolinym, podle niwy Hawryłkowy, Waskomi Horbanowi za złt 11, wiecznemi czasy, oddalając od siebie samego, żony, potomkow j przyacioł swych, wolno Waskowi Horbanowi przedac, iako swoje własne. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) mieyskich zapisano— co iest zapisano.

45.

Сергий продалъ свою ниву Или Прасолу.

Anno domini 1639, lipca 12 dnia.

Przede mną Oliksiem nakaznym woylem Baryszpolskim y burmistrami zasiadłymi zupełną ławą, stanąwszy oczewisto Serhy ze-

znał dobrowolnie, (iż sprzedał) niwe swoje własną, nikomu nie zawiedzioną, za Niesterowką, pod futorem Nesynowym Illiy Prasołowi za złt 5. oddalając od siebie samego, potomkow swoich, żony y przyacioł, ktoby się miał odezwać, żadney potrzeby do niego miec nie będą wiecznemi czasy, wolno mu używac, przedac, darowac, iako swoje własną O co prosili obie stronie, aby to było onego zeznanie do ksiąg mieyskich zapisano, co iest zapisano dla pamięci y co iest przyjęto..

46.

Ворончыха продала свою ниву Костюченку.

Anno domini 1639, wrzesnia 20.

Przede mną Jacutą Tereszkowiczem wojtem a przy mnie burmistrem Nawumem j Oliksiem Hołubniczym w ratuszu, stanowszy ocze(wi)sto Iwanowa Woronczycha przyznała dobrowolnie ku zapisowaniu do x(iąg) mieyskich: iż, panie woycie, sprzedałam niwe swoje własną, nikomu nie zawiedzioną, podle panske(go) łanu od stawku Zołcowa, Semenowi Kosciuszkenkowi za złt. 15 wiecznemi czasy, do ktory niwy nikt nie może miec potrzeby żadny s powinnych moich, bliskich j dalekich. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano—co iest zapisano.

47.

Раздѣль имуществъ между Луцкомъ Старымъ и его невѣсткой.

Anno domini 1639, 8 bris 30 dnia.

Przed nami urzędem mieyskim w ratuszu, przedemną Jakowem woylem j burmistrami, stanowszy oczewisto obie stronie, to iest Łucko Stary z swoią niewistką, bywszego syna swego Wasilia po smierci pozostałych potomkow jz żoną, uczynili miedzy sobą ugode, aby napotym mieli żaden z nich prawnego pociągu tak przy blizkich jako y dalekich w tym rozdzielle, naprzod Łuckowi wołów

dwa, owiec 7, swinij dwoie, zbozia krobka 6 wszystkiego, zasiwek kopa 6, dwor w miescie, polia dni 9 na trzy ręce, to mu wolno darowac, przedac j w swoy pożytek obrocic, a ogrodu połowica do używania, a przedac nikomu jnszemu tego ogroda tylko dzieciom niebożczyka syna Wasylia. O co prosili urzędu obie stronie, aby ta ich ugoda była do x(iąg) mieyskych zapisana, co iest zapisano. A napotym aby żadnych turbacyi miedzy sobą nie mieli, pod winą urzędową kop 10 wiecznemi czasy.

48.

Раздѣлъ имущества между зятъями Коленка и его пасынкомъ.

Anno Dei 1640, anuarij 19.

Stanąwszy oczewisto na urzędzie mieyskjm Baryszpolskjm przedemną Hawryłem nakaznym woylem j burmistrami zupełną ławą, Bohdan zięc Kolinkow j Kuzma drugi zięc tegoż, Iwan pasynek niebożczyka Kolinka zeznali dobrowolnie, iż sie stała między nimi ugoda po smierci jęgo, co komu przychodziło, tędy żona niebożczyka Kolinka is synem swoim Iwanem pooddawali, co na nich przychodziło Bohdanowi owiec czworo, Kuzmie pięcioro, niwa Kuzmie na połrozrobek, co iuż Bohdan y Kuzma zięcowie y żony ich, tak j dzieci j powinni krewni żadny potrzeby nie będą miec mogli j do prawa żadnego pozywac wiecznemi czasy do żony Kolinka niebożczyka j do syna iey Iwana, pod zaręką kop trzech, ktory by z nich miał onych turbowac. O co prosili obie stronie, aby ich ta ugoda była dobrowolnie do x(iąg) mieyskich zapisana, co iest zapisano.

49.

Раздѣлъ имущества между второбрачной женой Ярмолы Евфимией и пасынкомъ ея Герасимомъ.

Anno d(ei) 1640, marta 12 dnia.

Przed nami urzędem zamkowym j mieyskym a mianowicie przed panem Mikołaiem Matuszkiewiczem namiesnikiem na teuczias Ba-

ryszpołskim od jego mości pana Jana Kucharskiego starosty Baryszpołskiego, woytem Jacutą Tereszkowiczem woytem Baryszpołskym j burmistrzami zesłanemi do domu nieboszczyka Jarmoly dla rozdziału majątności pozostałej po niem iż synem jego Harasymem a pasynkiem jego j żony, tamże stał się ugoda y rozdział po dobry woli według testamentu nieboszczykowskiego, żonie moiej Iewchymce Iarmolyncy wołow 4, korow dwie, owiec dziesięciuro, konj troje, zbožia, co u gumnie żyta stogow dwa, owsa stog ieden; a co na zime zasiwek iest, to mają zebrawszy po połowicy podzielic mają; j polia co iest męża iey pierwszego rozrobku, przy nij ma zostac, aż do smierci, iako swego własnego, wolno iey przedac darowac komu iey dobra wolia, do ktorego polia syn iego Harasym, ani opiekun jego Iewdak żadny mocy j pozywac o to niema wiecznemi czasy. A co się tyczy domu, w którym mieszkać ma żona iego Iarmolina do smierci, ogrodow j sadu, ma używac; a po smierci ma tę dom zostac przy synu jego Harasymu, jako przy oyczyczu, niewolno iey przedac. A co iesliby syn nieboszczykowski Harasym, tak y opiekun jego Iewdak miał oney Jarmolynie iake trudności czynic albo sromocic j na dom nachodzić, tedy z nich oboch któryby się tego ważył zaręky kop dwadziescia ma zapłacic na pana woiewodę, a na pana woyta kop 3. O co prosila Jarmolina urzędu zamkowego j miejskiego, aby ta ich dobrowolna ugoda była do x(iąg) mejskich była zapisana, co iest zapisano j przyjęto wiecznemi czasy.

50.

Второй раздѣлъ имущества между второбрачною женой Ярмолы и ея пасынкомъ.

Anno d(ei) 1640, marca 12 dnia.

Przed nami urzędem zamkowym j meyskjm, a mianowicie przed panem Mikołaiem Matuszkewiczem namiesnikiem Baryszpołskym od jego mości pana Jana Kucharskiego starosty Baryszpołskiego j Baryszewskiego starosty j woytem Jacutą Tereszkowiczem Barysz-

połskim j burmistrami zesłanemi do domu niebożczyka Jarmoły, dla rozdziału majątności pozostałej po niem, j z maczochą swą a pasynkiem iey Harasymem, synem niebożczyka Jarmoły, i tamże stała się ugoda dobrowolna z obustron według testamentu niebożczykowskiego, naprzod synowi memu Harasymu klacza iz łoszakiem wrona j łoszak, wołow 4, krow dwie, mołodykow dwa, ozymkow dwa y byczek trzeci, owiec dziesięcioro, żyta stogow dwa a owsa stog, a zasiwek na zimie po połowicy jz maczochą mają podzielic; a co iest pola oycza iego rozrobku to synowi memu, a ij polie przy niey ma zostac; a gdy wynidzie z opieki od swego strzyia Iewdaka co z nim pobrał do siebie z reiestru, jako opiekun oddac od mała y do wielia, towar y owce, fanty y co wymłoci zbożie, co zostanie, okrom tego, iesliby zwir j ziadł, albo zdechło, o co prosili, aby to było do x(iąg) zapisano wiecznemi czasy, dom ze wszystkjm pomierci maczochy iego Jarmoliney jako się ma z grodem iz sadem j co iest do niego ma przy tym zostac iako oyczyczu własnym, a maczocha jego Jarmolina żadney sprawy do swego pasynka y do Iewdaka nie miec j pozywac do żadnego prawa, ani się sromocic pod zaręką kop 20 lit. na pana woiewode. Co iest zapisano wiecznemi czasy, co iest zapisano.

51.

Раздѣль имущества между второбрачною женою Ивана Туцкаго Федорой и пасынкомъ ея Радькомъ.

1640, месеца марта 20 дня.

Перед нами врядом мѣским, передо мною Яцую Терешковичом войтом Барышполским и бурмистрами зополною лавою в ратушу засѣлыми, ставши очевисто жона небожчика Ивана Туцького, Федора ис па(сы)нком своим Радьком, сыном Туцького мужа ее, сами доброволне признали ку запису до книг в тые слова: иж мы, пане вряде, погодилисмо ся з (о)бох рукъ межи собою, што ся zostало убозства по небожчику мужу моем Ивану; наперед мнѣ, жонѣ его

зосталося, вляча и вол, бычок тритяк, овец двое, свиней двое, поля половицу, сад, ведлуг шацунку людей добрых Ярмака и Степана, которые нас погодили з обох рукъ попріятелску; сплатил минѣ пасинокъ Радко пол осма копы грошей литовских, а Радкови сынови его, а пасынку моему зосталося конь и вол, овецъ двое, свиня одна, поля половица. И признаваемо обоя сторона же юж я сама, анѣ приятели мои жадный близкий и далекий до того Радка пасинка своего жадное потреби вѣчными часы не буду мѣти и позывати до жадного права, также и пасинок мой жадное справы до мене не мает мѣти, также и позывати под зарукою на врад з обох сторонъ три копы грошей мает заплатити. Якож и просили обѣ сторонѣ, абы тая их угода была до книг записа(на), што ест записано вѣчными часы.

52.

Надѣленіе вмуществомъ приемыша Игната.

Anno D(ei) 1640. decembra dnia 12.

Przed nami urzędem miejskym stanąwszy oczewisto, Werną woytem y burmistrami Baryszpolskiemi na imie Kyryk Andryszkowicz jz Ihnatem, który był u nich od zrostu lat zmała, tedy co na tego Ihnata przychodziło od matki moiey przez te lata dosyc onemu się stało, napirwy owiec pięcoro, swiny dwoie, znowu podswinka, woła, pszenicy półmirky, żyta półtory osmaczky, żyta kop dwie, prosa półosmaczky, hreczky półosmaczky, owsa miechabrał na nasienie niewim co było. A tedy teraz ten Ihnat po tym rozdziele z Kyrykiem żadnego prawa Ihnat niema popirac ani go pozycac wiecznemi czasy; że sie onemu dosyc stało pod zareką kop 3 na zamek, a na woyta kopa, iesliby Ihnat miał turbowac Kyryka. O co prosili obie stronie aby to było, to ich dobrowolne zeznanie do x(iąg) zapisano, co iest zapisano wiecznie.

53.

Бориспольскій мѣщанинъ Гаврило Рудый продалъ хуторъ Алексѣю, зятю Збуца.

Anno D(ei) 1641, 10 brys 17.

Przedemną Werną woylem j burmistrami w ratuszu, stanawszy oczewisto Nawryło Rudy mieszczanin nasz Baryszpolsky zeznał dobrowolnie; iż sprzedał dom swoy własny na futore podlie Lewczychy Krywoy Oleksiowi zięciowi Zbucowemu za kop trzy lyteuskjch wiecznemi czasy, oddalając od siebie samego y potomkow swych y przyiaciół wiecznemi czasy. O co prosili obie stronie, aby to było do x(iąg) zapisano j przyjęto.

54.

Выдѣлъ имущества свекровью вдовѣ сына Ульянѣ Кульбаченковой

Die 24 majj, anno 1642.

Stawszy oczewisto Uliana Kulbaczenka iasnie, iawnie y dobrowolnie ku zapisaniu do xiąg niniejszych zeznała tymi słowy, że po smierci niebożczyka męża swego na imie Demiana Nesenenka wzięła od matki iego klaczę wroną z łoszem, wołow dwa gniadego y siadego, krowę gniadą z cielem y nazemka letosznego, owiec pięcioro, swiny dwoie, paszni wszelakiey młocony y niemłocony trzecią część, pola do wzrostu dzieci trzeciąż część, co ony Ulianie Kulbaczance od matki niebożczykowskiej we wszystkim dosyc sie stało, do ktory wiecznymi czasy sama ona y żaden z powinnych iey sprawy miec nie mają y nie będą powinni. Co dla lepszej wiary do xiąg iest zapisano.

55.

Постановленіе о пыткѣ вора Сергѣя Ивановича, укравшаго разныя вещи у Евсѣя Даниленка и Павла Хромаго.

Die 8 augusti, anno 1643.

Przedemną Mikołajem Matiszkiewiczem na ten czas będącym namiesnikiem Baryszpolskim od iego mosci pana **Bartłomieia Iarun-**

towskiego, starosty Barypolskiego y Bariszowskiego, y przy mnie siedzącym woytu Wernie Serhieienke z burmistrzami jednostaynie zasiadłymi Iwanie Szulżenku, Tereszku Krokuszenku, Pawłu Hryszczenku, Misku Kramarcu y Wasku Bezborodku, w ratuszu Bariszpolskim stawszy oczewisto Iewsiey Danilenko uskarżał się y żalosne czynił opowiadanie na Serhieia Iwanowicza tymi słowy: że, panie urządzie, czasu niedawnego mianowicie we czwartek, bylismy na żniwach, gdzie ten Serhiey ulazszy w chiże z bodni ukradł płacht cztery, płotna lnianego łokci dwadziescia lantuch y wor; także y Paweł Chromy na tegoż sie Serhieia uskarżał, że on ukradł płacht dwie y zwoiew dwa płotna, pas y swite ktory stawszy sam dobrowolnie, nim na questią był dany, przyznał, że onego to iest sprawą y do tychże rzeczy przyznał. My tedy urząd wysłuchawszy obudwu stron tak powodowey, iako y obwinioney a zabiegaiąc większemu swawolenstwu y złości iczynieniu, przychilaiąc sie do prawa pospolitego surowo artykułem na takich opisanego tymi słowy: „Iawne złodzieystwo, gdy złodziei na złodzieystwie, albo na onym mieystcu, gdzie kradł, będzie poimany w domu, w ogrodzie albo w winicy etc.; tajemne, gdy złodzieia nie poimaią na złodzieystwie, ani na onym mieystcu gdzie kradł, ale gdy rzecz kradzioną tai, albo gdy za czyią radą y pomocą złodzieystwo sie stało“. Iawne złodzieie wedle prawa ccessarskiego bywaią karani nagrodzeniem rzeczy ukradzionych czworako, tajemni-dwoiako, a iesliby nie miał czym nagrodzic, tedy go zaprzędawano; ale wedle prawa saskiego maideburskiego złodziey ma byc ob(w)ieszon. Nakazalismy tedy ninieyszym decretem naszym, żeby był na questią wzięty, do lepszego sie znania owych rzeczy; a po tym żeby według zasługi zapłatę odniosł.

56.

Палажка Гордѣева Зачепиха отдаеъ свой домъ Ивану Чорнышу за долгъ въ 19 злотыхъ.

Die 18 januarii, anno 1644.

Pałażka Hordieiewa, żona Zaczepina, będąc chorą przyznała, że Iwanowi Czarnyszewi za dwie czetwertinie winna złotych dzie-

więtnascie, w którym długi dom swoy ze wszystkim Czarnyszewi podaje wiecznymi czasy, oddalając samą siebie, męża, potomkow powinny y pokrewnych swoich, tylko pomieniony Czornysz ma używać y wolno mu dac, darować, przedac y iako chce obracać, iako swoje własne. Przyczym był Iwan Szulżenko, Paweł Hriszczenko, Misko Piasoczynsky.

57.

Прожейчиха продала двѣ нивы Павлу, зятю Оксамитнаго.

Die 23 junii, anno 1644.

Stawszy oczewisto Kondraticha Prożeiczycha jasnie, jawnie y dobrowolnie ku zapisaniu do xiąg niniejszych zeznała tymi slowy: że sprzedała niw dwie swoich własnych nikomu, ni w czym, nie pennych y nie zawiedzionych, leżącą podla niwy Szyckiego a drugą podla niwy Iwano(wy) Przyimy, Pawłowi Oxamitowemu zięciu za złt połiedynasta wiecznymi czasy, oddalając samą siebie, potomkow y pokrewnych swoich, tylko pomieniony Paweł ma używać y wolno mu dac, darować, przedac y iako chce obracać, iako swymi własnymi.

58.

Панъ Сильвестръ Высоцкій продалъ свою клуню священнику Никольской церкви Корнилию.

Року 1644, месеца октября дня 4.

На врадѣ нашем мѣскомъ в ратушу Барышпольском, передо мною Харкомъ Курандою, войтом Барышполским, и при мнѣ заедно засѣлими бурьмистрами Мыскомъ Ходорковѣскимъ и Савѣкою Захарченѣкомъ и Грыцѣкомъ Малышенѣкомъ, Иваном Тимошенѣкомъ, становшы очевисто на врадѣ панъ Селывейстеръ Высоцкій, ижъ продалъ клуню свою отцу Корнилию священнику Никольскому на

вѣчност за золотих десять; тоди обидвѣ особы просили нас уряду нашего абы то было для лѣпное вѣри записано до книгъ мѣскихъ, що теж ест записано року и дня вышменованого.

59.

Священникъ Корнилій продалъ свой дворъ съ огородомъ пану Яцку Терещенку.

Року 1644, месеца октября дня 4.

На врадѣ нашемъ мѣйскомъ в ратушу Барышполскомъ передо мною Харкомъ Куранъдою вуйтомъ Барышполскимъ и при мнѣ засѣлими бурмиистрами Мискомъ Ходорковскимъ, и Савъкою Захарченкомъ, и Грицкомъ Малишенкомъ, и Иваномъ Тимошенкомъ, становше очевисто на врадѣ нашемъ отецъ Корнилій священникъ святаго отца Миколая, ижъ продалъ дворъ свой з огородомъ объ между Пархома и объ между резника Никити, за копъ дванадцатъ лѣчьбы литовской пану Яцку Терещенку на вѣчностъ ему и жонѣ его и потомкомъ. Теды просили нас уряду нашего абы то было записано до книгъ мѣскихъ, що теды записано року и дня вышменованого.

60.

Цехмистръ рѣзницкій Игнатъ жалуется на свата своего Якима Никоненка за то, что послѣдній переманилъ его сына, а своего зятя къ себѣ на жительство.

Року 1644, месеца октября дня 23.

На врадѣ мѣйскомъ в ратушу Барышполскомъ передо мною Харкомъ Куранъдою вуйтомъ Барышполскимъ и при мнѣ заедно засѣлыми бурмиистрами Савъкою Захарченкомъ и Мискомъ Ходорковскимъ и Грицкомъ Малышенкомъ, становши очевисто панъ Игнатъ, цехмистръ рѣзницкій, прекладалъ скаргу предъ нами на свата своего Якима Никоненка в той материи, же тотъ помененый Никоненко сына

вышменованого цехмистра отмовил былъ на мешкане до себе без вѣдомости отцевъской, о чомъ была мова о всѣмъ томъ на врадѣ нашом. Теды помененый Игнат просия нас ураду нашего, абы була зарука заложена межи нимъ и сином его, абы не мешкаль у теста помененый сынъ Игнатынъ, що еслибы ся важилы а его на мешканя мѣлы бы приняты, закладаем на них вини на пана полковъника золотыхъ сто а до ратуша коць десят. Дѣялося въ ратушу року и дня вышменованого.

61.

Приговоръ по жалобѣ Гаврила Глищенка изъ Иванькова на Процика Шваценка за кражу 6-ти овецъ изъ хлѣва.

Die 25 februarij, anno 1645.

Przedemną Nikiforem Bukatą na tenczas będącym namiesnikiem Baryszpolskim od jego mosci pana **Bartłomieia Iaruntowskiego**, starosty Baryszpolskiego y Bariszowskiego, y przymnie siedzącym wrzędu mieyskim Jacute Tereszkwiczu z burmistrami w ratuszu Baryszpolskim iednostaynie zasiadłymi z Steckiem ciesłą, Waskem Belikowcem, Fedorom piwowarem, Hrickiem Linnikiem, Sidorem Bezborodkiem, Pawłem Mołoczaiem y Stefanem Homonem, postanowiwszy sie oczewisto, Hawryło Gliszenko z Iwankowa¹⁾ uskarżał sie y żalosne czynił opowiadanie na Procika Szwaczzenka tymi słowy: że, panie urzędzie, tij iesieni przeszłey poiechałem do Hłybokiego na wesele do Hołubniczego, ten Procik Szwaczzenko przepomniawszy boiazni Bożey y niemiłosierdny sąd iego, smiał y ważył sie z obory moiey owiec szescioro ukrasć. Kazalismy tedy onemu wyszrzczoneму Procikowi przed urząd nasz stanąc, ktory oblicznie dobrowolnie sam przyznał tymi słowy: ze panie wrzędzie, wstałem poranu y chciałem iechac do Woronkowa dla kupienia kadłuba na kapuste, obacze w swym domu szescioro owiec, ktore zaiąwszy odeгнаłem do Wornkowa y przedałem rzeznikowi, nie wiem na imie

¹⁾ Иваньковъ—селение перяслав у. бориспольской вол.

iak go zwano za złotych osm. Gdy tedy urząd wysłuchawszy obu-
dwuch stron, tak powodowej, iako y obwinioney, a dobrze to w
siebie uważywszy zabiegając, aby się taka złość nie mnożyła y nie
szyrzyła, przychilając do prawa pospolitego artykułem surowo na
takich opisanego temi słowy: „złodziejstwo iest dwoiakie: jawne y
tajemne; iawne, gdy złodziej na złodzieństwie, albo na onym mieystcu
gdzie kradł, będzie poimany w domu, w ogrodzie albo w winicy
etc.; tajemne. gdy złodzieia nie poimają na złodzieństwie, ani
na onym mieystcu gdzie kradł, ale gdy rzecz kradzioną tai albo
za czyią radą y pomocą złodziejstwo sie stało“; iawni złodzieie
wedle prawa cesarskiego bywają karani nagrodzeniem rzeczy ukra-
dzioney czworako, tajemni—dwoiako, tez wedle prawa Bożego w
starym zakonie nagrodzeniem rzeczy kradzioney dwoiako, pięscio-
rako y siedmiorako. A iesliby niemiał czym nagrodzic, tedy go
zaprzedawano. Ale wedle prawa saskiego maydeborskiego złodziej
ma byc ob(w)ieszon. Nakazalismy tedy ninieyszym dekretem naszym
żeby według zasługi swey, zapłatę odniósł.

62.

Приговоръ надъ Иваномъ Шепелемъ за кражу разныхъ вещей
изъ коморы Миска Куриленка.

Die 18 decembris, anno 1645.

Przytoczyła się sprawa w mieście Baryszpolu o wykradzenie ko-
mory w mieście Miskowy Kurylenkowy, gdzie czyniąc kweres y
szukanie tych pokradzionych rzeczy, znaleźli u Iwana Szepela skury
barannie, s których słusznego dowodu żadnego nie dał y siedząc w
więzieniu przefalki na gromade czynił paleniem domow y inszymi
różnymi przefalkami; a tak siła szkod gromadzie. Dla czego za(po)-
biegając gromada takiemu swawolenstwu szkod czynieniu, y Bogu
brzydkiemu uczynkowi, nakazali dekretem, żeby ten Iwan Szepel
był na questią wzięty, a potym ażeby zapłatę według zasługi od-
niósł, ponieważ iuż do kilka razy przeswiedczony.

63.

Яцко, Демковъ братъ, заявляетъ, что онъ получилъ обратно приданое, давное за дочерью Приською при выходѣ ея въ замужество за умершаго Хальченка.

Die 20 maij, anno 1647.

Stawszy oczewisto Iacko, Demkow brat, jasnie, jawnie y dobrowolnie ku zapisania do xiąg ninieyszych zeznał tymi słowy, że co był dał córce swojej Prośce za syna Chalkowa, tedy znowu to nazad odebrał od bratow niebożczyka Iowa Chalczenka, to iest krowę z nazimkiem y woła, owiec szescioro, swiny dwoie, ktorych wiecznymi czasy wolnymi czyni, nie zostawuiąc żadnego prawa sobie y pokrewnym swoim; co dla lepszey pamięci iest do xiąg zapisano.

64.

Тимошъ Саченко продалъ свою ниву Ивашку Товстолопу.

Die 8 julij, annn 1648.

Stawszy oczewisto Timosz Saczenko iasnie, iawnie y dobrowolnie ku zapisaniu do xiąg ninieyszych zeznał tymi słowy: żem, powiada, sprzedał niwę własną, nikomu niczym nie penną y nie zawiadzoną, leżącą podla niwy Artema Durnieja, Iwaszkowi Towstolopowi za złotych dziewiec y groszy połosma wiecznymi czasy, ma używac ten Iwaszko, wolno mu ią dac komu chcec, predac y gdzie-kolwiek obrocic, iako swoią. Co dla lepszey pamięci iest do xiąg ratusza Bariszpolskiego zapisano.

65.

Петръ, Сухваловъ зять, продалъ дворъ и поле Ивану Колаченку.

Roku 1649, miesiāca marta 30 dnia.

Stawszy oczewisto Piotr Suchwalow ziat' przede mną Awierkiem Wierną woytem Baryszpolskim y burmistry Hryckom Linnikom y Ias-

iem y Daniłom Statczekom, na ymie **Antonem Harasimenkiem** sotnikom woyska iego korol meci zaporozkiego yz towaristwom swym ¹⁾, yżem przedałem dwor ze wsim budynkiem ys polem, na ulicy Hrytkowey, z odnoy storony stoiaczy Sidora Szyszęka y Kukała Iwana, z drugiey storony stoiaczy na ymie Iwan Kołaczenko; pomieniony ten dwor Piotra Suchwałowa ziatia za kop 5 liczby litowskiey wiecznemi czasy, nikt do tego dwora niema przystempu, okrom tego Iwana Kołaczęka; a ieżeliby w kogo pola więcey tego Piotra poczuł, to y toie pole Iwanu ma byc, y nikto niema turbowac; ktorego dworu y pola zeznałem y zapisałem do xiąg mieskich tuteyszych Baryszpolskich.

66.

Яцько Горбань продалъ свой домъ мѣщанину Сидору Москаленку.

Roku 1650, miesiaca marca 30 dnia.

Przed nami urzędem mieskim Baryszpolskim, przedo mnoiu Ioskom Andrzeiowiczom woytom Baryszpolskim y przy mnie będącymi burmistrami y raicami iednostainie zasiedłymi w ratuszu Baryszpolskim, postanowiwszy się oczewisto Iacko Horban iasnie y dobrowolnie ku zapisaniu do knih mieskich Bariszpolskich przyznał tymi słowy: iż dey przedał iesmi dom swoy własny, nikomu ni w czom nie penny y niezawiedziony, leżący na Karpiloku, ydący na Karpilówkę z iedney storony Nikoła szewca, stoiący przeciwko czobotarni Honczara kozaka, dom zo wsim budynkiem Sidorowi Moskalenkowi, mieszczaninowi Baryszpolskiemu, za cop czterynascie liczby lit., do ktorego domu wyszmianowanego Iacko Horban nie maie mieti żadney potrzeby, ani on sam. ani żona, ani dzieci iego, niema miec potrzeby ani -z krewnych żaden iego wiecznymi czasy, tylko ten wyszpomienieny Sidor tot dwor prodati, darowac y iako chcec obracac na pożytek swoy. O co prosili nas wradu mieskahto wyszpomienionego, osobie wyszpomienione; te przyznanie Iackowo do xiąg

¹⁾ Въ первый разъ упоминается въ актахъ сотниѣ бориспольскій Антонъ Герасименко, записанный въ реестръ (стр. 230).

mieskich Barypolskich, było zapisano; co my widząc rzecz słuszną y oczewistą, przyznanie Iackowo Gorbaniowo kazali do xiąg mieskich Barypolskich zapisac — co i est zapisano y przyniato.

67.

Гнѣдинскій козакъ Андрей Ващенко и Костюкъ Залозненко по-дѣлили между собою имущество, оставшееся, послѣ смерти жены Залозненка, а Ващенко свояченицы.

Anno 1651, die 8 februaryi

Stanowszy przede mną Iosifem Andrzeiewiczem woylem y przy iednostainie zasielými burmistry Andrzej Waszczęko kozak Hnie-dinski, woyska jego kr. mosci zaporozkiego y Kostuk Założnęko, że tego Andrzeia wvshmianowanego żeny był, za tym Zołożnienkiem siostra rodna; tedy tego Założnięka żona zesza z tego swiata, a po niey zostało się dziecie w pieluszkach; tedy co się zostało po tey sławney pamieci iej niebożczycy, iej przyniesienia, tedy po-dzielili się Andrzej z Założniękiem od mała do welika, ieden dru-giemu dosic uczynili y nie mają ieden drugiemu od tego czasu niakiey przeszkody czynic y turbacyi promiezku sobą podnosić. Co obie strony stanowszy przede nami urzędem mieskim w ratuszu, prosili nas, abyśmy ich ugode, y podział ich, do xiąg mieskich tu-teyszych zapisali — co y zapisali y pryniali. — Działo się w ratuszu naszym Barypolskim, anno dom et ut supra.

68.

Заявление Фенны Грицихы, что Ярема напрасно обвинялъ ее въ кражѣ пояса, который она купила въ лавкѣ Кіевскаго жителя Ивана Шевченка.

Anno 1652, miesiąca junia dnia 29.

Stanowszy oczewisto przede mną Iesifem Andrzeiowiczem y przy mnie iednostainie zasiadłymi burmistry Iwanem Dziegciaren-

kiem y Iwanem Mohilnym Fenna Hrycicha, yż będąc o niewinność swoje od Iaremy o poias, że iey złodzieykoin uczynił, y za ten pas iey turbował, co ona od kogo ten pas mając, nalazła tu w Baryszpolu tego kramarza, toiest Iwana Szewczęka, obywatela Kiiwskiegoor tedy co Iarema w niewinności iey turbował, tedy za tym przyznaniem wolno prawo iey z nim pociągac y swego dochadzac. Przy tym przyznaniu byli tego Iwana Fedor Siemienowicz, Iwan burmist; Dziegciaręko y mieski pisar Iwan Własowicz, którym Iwana y towarzystwo przymano, że Hrycicha toy pas kupiła. Co do rezolueyi większey zapisuie do xiąg mieskich ratusznych.

69.

Обвинение Трасчихы и Путятихы въ колдовствѣ (актъ безъ конца).

Anno 1652, miesiąca oktobra 15 dnia.

Przede mną Antnem Harasimękiem sotnikiem y przede mną Sidorem atamanem horodowym woyska jego kr. mci zaporozkiego y przy mnie zasiadłymi wrzędu mieskim, Iiesifa Andrzeiwicza wojta y przy nim zasiadłymi burmistry Iwana Dziegciarenka y Klima Wakulenska, stanowszy iednostainie, iako kozaki także y mieszczenie, że panie urzędzie, że nam krzywda od tych niebożnych y zapamiętałych boiazni Bożey białogłow, od Traszczychi y Putiatichi wielka krzywda dzieie. że nam pogubili oycow, matek, braci, siostry, dziatki, y samym się nam od nich dostała. Prosimy, aby raczyli waszmosc, według świętey sprawiedliwosci, według ich uczynkow więcei w więzieniu ich nie trzymali, y im według zasługi ich, ym karnosc dali. Przyznanie piersze Charkowo Iakubękowe na Owdieychu Traszczychu: Iak szed iednego czasu na targ, na miasto przed świętą Pokrową y z nim yszła Traszczycha, y tak on spytał iey: czy wni miescie do Pokrowy mor? Ona mowiła: nie, y mowiła do niego: wyidź s tego ty konta, gdzie mieszkasz, bo kiedy nie wyidziesz, to wymresz; y na kwestyi będąc, sama tych się slow przy-

znała. Drugie przyznanie Iowskiia Onanki: gdy on w gumnie żyto młocił, przysła do niego Traszczycha, a on żyto do miecha sypał, ona mówiła do niego: Iowsieiu, weź trzy ziarni z miechu żytne precz, tedy w domu twoim nic złego nie stanie, będą żywy; y miedu y wosku, y mąki prosiła; mied y wosk wzięła a mąki nie wzięła: nie trzeba nam taki mąki, na tuiu recz nie zhoża. Trzecie przyznanie p. arędarza Kiryła Dawydowicza: Owdieicha mówiła do niego, że, panie arendarzu, wyidzi z miasta precz, na Iwankowskiu ulicu, to będziesz żyw ze wszystką czeladzią; co też y na kwestyi tych słow przyznała się. Gdy było zezłanie urzędowe od p. setnika y od towarzystwa iego, y od pana wojta do niey, do Traszczychi, tedy ona przyznała, ktorych posyłało pred nimi, pred Wasilem Wołoczaiem y pred Pawłem Halasniękiem y przed Matwieiem Szulhoiu dobrowolnie: że, panowie, wezcie wm. Putiatiichi, bo ona starszaia nasza iest, że ona dziewkoiu raditca, y w kosach chodit, mołodoiu czynitca, y po dworach chodzi y dwory nadychaie; iak iakii dwor natchnie, to wsi wymrą. Putiatiicha, nię będąc na kwestyi, dobrowolnie przyznała, że y Wasilicha popadia, taka, iak ja; y Traszczycha także przyznała, y na winniczkę przyznała, że taka iest y yją Na ostaniu Stepan Traszczychu, że mówiła, że popadiu y Putiatiichu y winniczku zgubcie, a nie zgubicie, te gorzei będzie z wami y w ogniu gorząc po dziesięciu raz mówiła, żeby ych aby nie puscili ni iedney....

70.

Раздѣлъ имущества Васька Лиха между сыномъ Сидоромъ, дочерью Хвеською и внукомъ Иваномъ Гаркушей.

Anno 1653, miesiāca januaryi dnia 14.

Iż był podioł przede mną Anto(no)m Harasimekiem setnikiem woyska zaporożkiego y atamanem horodowym Zdanom Krywochiżom ¹⁾,

¹⁾ Жаданъ Кривохижа записанъ въ реестръ Войска Запорожскаго въ бориспольской сотнѣ седьмымъ. См. Реестра, ст. 230.

y przy nas Iesifem Andrzeiewiczem woylem y przy nim iednostainie zasiadłymi burmistry y Iwanu Dziegciaręku, podział niebożczyka Waska Lacha dobrem z synom Isidorem z siostrą Fieskoiu Kononichoiu, yz chłopcom Iwanom, slepoi synom; tedy szco było połotien, chust bielych, to na try czasti rozdzielili y każdego czast doszła, co komu przynależało, żupan Sidoru, siniy płachtu każdego doszli, co na kogo przynależało, y Harkuszy Iwanu dano na sowieś połotna suwoi, płac hta za pracu ych co pochował tieło hresznoie, bo sam niebożczyk Wasko odkazał toie Sidoru woł rebyi, slepoi synu woł gniadyi, korowa ryżaia; Fesci klacza gnida, Sidoru połowaia, sołowoi woł y maly byczok swinia iemu, Fiesi swini troie, Iwanu Horkuszy swinia, pradiwo na troie y pasznia wsia na troie. Tedy co my byli na podiełu tym, tedy od mała do wiela każdego doszło, iako bratu, siostrze, chłopcu; tedy do tego dobra podziału, że niema żaden pokrewnyi, iako blizki, tak y daleki przystempu miec do nich, y między nimi o toie żadney turbacyi nie maie byc; co każdemu, ktoremu podział stanół, to y doszed, a ieden drugiemu niema żadnego słowa mowic o te dobre, co sie dzielili między sobą. Co oni s trzech rąk prosili, aby ten był podział ych do xiąg zapisany, co y zapisali my, urząd, dnia wysz (napisanego). anno domini et ut supra.

71.

Пилипъ Кладиноженко ¹⁾ продалъ свой домъ Нечипору Михайленку.

Anno 1653, miesiąca february die 18.

Stanowszy przede mną Iesifem Andrzeiewiczem woylem y przy mnie iednostaynie zasiadłymi burmistry, Iwanem Dziegciarękiem, Pilip Kladinożęko, yż przedał dom swoy własny, nikomu nie pienny, stoiący na ulicy Hruzdowey, wedle Saczka y Bukaty, Nieczyporu Michaleku za kop pięć liczby litew., wolno temu Michaleku ten

¹⁾ Пилипъ Кладиноженко также записанъ въ реестръ. См. стр. 231.

dom przedac, darowac y na cerkiew oddac, y samemu obladae, ani ia Filip, ani żona moia, ani dzieci, do tego domu nie mają miec przystempu do tego domu, okrom Niczypora. Co obie stronie stawnowszy przed nas, wrząd mieski, prosili, aby do xiąg tey kupli domu zapisali, co iest zapisano y przyniato, anno, die et ut supra.

72.

Павель Тетери, полковникъ Переяславскій, для покрытія полковныхъ долговъ продалъ хуторъ подъ Борисполемъ (Пустовскій) козаку Хведору Дубровенку.

Року 1653, месеца июня 25 дня.

Передо мною Исифом Андриевичем войтом и при мнѣ едностайне засѣлыми бурмиистрами Олексием Литовченком, Митком, Грицком Линником, Лаврином Федоровичом, ставшы очевисто Хведор Дубровенко, козакъ войска запорозкого, покладад листъ на футур, куплений у пана полковника Переяславского, писанный теми словы: „Вѣдомо чиню тым писанемъ нашим, иж за ознайменем сотника Барышполского Пустовскій футор, бывшій Павла Вилого в Барышполю, тот теды хутор на поратунокъ долгов полку нашего продалихмо товаришови нашему Хведорови Дубровенку, обывателеви Барышполскому, за готовые грошѣ, за коць пят литовских, з полем, зо всѣми принадлежностями здавна до того хутора належачими, которого без вождого пренагабана и турбаций спокойным держанем своим маєт собѣ того заживати; на што сее писане поменену Хведорови от нас есть даное. Писан в Переяславлѣ, 23 июля, 1653, а подпису руки: Павел Тетера, полковник Переяславскій. О што нас уряду просил, абы был принят и в книги вписан; кото(ро)госмы казали вписат.

73.

Самойлиха обѣщаетъ, что передастъ внуку отъ умершаго сына Ефима причитающуюся часть имущества, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія.

Року 1654, месеца февраля 7-го дня.

На вряде местском, передо мною Исифом Андѣриновичом и при мне едностайне засѣлыми бурмистрами, ставшы очевисто Грицко Киселенко зъ жоною своею Фесею, бывшею Евѣхиминою респиралися зъ Самойлихою и з сынами еи Матфием и Якимом (о) позосталое убозстве сына еи Евѣхима, которое позостало дитяти его а внукови Самойлишиному, Данилови; домагалася матка у бабки, абы тое убозство отдали дитяти. Теды па тое баба не позволила и мовила, же в тот часъ отдам, якъ внукъ зъросте; а по мне сыны мои повинны отдат, то ест меновите: коня, жупан, вола, я сама повинна тое внукови Данилови отдат, а по мнѣ сыны мои Матфий и Яким повинны тое все отдате. О што просили нас уряду, абы было для памяти до книгъ записано—што есть записано.

74.

Раздѣлъ имущества между Остапомъ Подгайненкомъ и сестрами его Татьяною и Овдею.

Anno 1654, miesiąca maia 3 dnia.

Iż była ugoda, przed nami, przede mną **Siemieniem Swietlicznym** setnikiem ¹⁾ y Daniłą Szepielenkiem atamanom horodowym y przy mną jednostainie zasiadłymi burmistry Iwanem Timoszenkiem y Hrickom Małyszzenkiem, y Sawką Zacharczenkiem, y Miskiem Chodorkowskim, Ostapa Podhainenka yz siestrami swemi, dwoma Tatianu, a druhoiu Owdieiu, o oyczyznowski dom y sad sławnei pamięci Andreia Banbieręka, tedy Tatiana poszła zamaż za Harasima Iesifowicza, za bywszego wuyta; tedy pozywał Iiesif yz synem Ha-

¹⁾ Второй по времени сотникъ бориспольскій Семень Свѣтлицный.

rasimem Podhainięka przed panow sędziow wojskowych, tedy Iiesifowi nakazano było ekstraktem od oiczyzny wystąpic. Tedy ten Ostap tego wysłuchawszy y opelewał do jego mosci pana hetmana dobrodzieia naszego wielkiego y pozwał Iesifa yz synem do Czehiryna, do pana hetmana. A gdy przyiechali z sobą do Czehiryna y przyszli do pana hetmana, tedy iego mosc pan hetman odesłał do panow sędziów, aby ich sprawy wysłuchali y rossądzili. Co też panowie sędziowie rozsądzili y dekretem przykryli, że sestram Ostapowym trzecia część w sadu obom, a dwie części y dwor ze wszystkim budynkiem y z sadem, y z polem Ostapu, iako oyczyzna iego własna, y dekretem nakazana od panow sędziów wojskowych, co też w tym dekrete napisano y do nas, aby trzecią część ubozstwa z sadu oyczyzny dano dziewczkam y spłacono. Tedy ja, Siemien Swietliczny, setnik, y ia Charko Kuranda wuit, ia, setnik, posłałem, dwoch towarzyszow na imia Antona Harasimięka y Dawyda Wiernięka, a woit dwoch burmistrow Iwana Timoszęka y wysz mianowanych ynych burmistrow o szacunek sadu tego Podgainego. Tedy sad oszacowali kop 90 z. polskich; tedy za trzecią część y oddał brat Ostap sestram pieniędzy Iiesifu y synowi iego Harasimu część tego, co przynależało na Harasimichu, siestru iego Ostapa. Iiesif Andrzejewicz y syn iego Harasim żadnego przystępu niema miec do niego, do Ostapa, ni żony ich, ni dzieci, ni też krewnyie ych, iako blizkiie, tak dalekiie, ni do oyczyzny iego sławnei pamięci oyca iego Banbieręka żadnego przystępu, okrom Ostapa; wolno temu Ostapu ten dwor yz sadem, y z polem przedac, darowac y na cerkow oddac, y samemu obładac. iako w oyczyźnie; co też y Iiesifowi synowi dosyc się stało Harasimowi, od mała do wielika od Ostapa oyczyzny iey. A co się została siestra mnieysza, tedy przy nim ma mieszkac Owdia, y ubuzstwo, co na niey przynależyt oyczyzny, to do wzrostu iey y do odania zamąż iey trzymac, a oddawszy zamąż ią, to oddac ma Ostap supełnie oyczyzne iey; a oddawszy ią zamąż y oddawszy, co na niei przynależy oyczyznu iey, to wolnym ma byc Ostap wiecznymi czasy y od tey, co y ta mnieisza Owdia siestra do dwora, ni do sadu, ni do pola, niema miec żadnego przystempu, tylko Ostap Podhainy.

Co obie stronie stanowszy przed nami prosili, aby do xiąg zapisano mieskich Baryszpolskich, co iest y zapisano anno die et ut supra.

75.

Раздѣль имущества между Гришкомъ и его мачехою Ивановою Кравчихою.

Року 1655, марѣта дня 8.

Перед нами акътами места Баришьполя, в ратуши Баришполским, Харку Курандѣ войтѣ, и перед нами засѣлими бурмистрами Грицеу Малашенку, Миску Ходорковским, Савцѣ Захарченку, Ивану Томиленку, ставши очевисто Иванова Кравчиха из пасынкомъ своим, и скаржилас на пасынка своего Гришка, котрой укривдил ей в позосталой худобе небожчика мужа ее второго малженства в рупесках рукомых и лежачих; що теж мы выслухавшы обех контроверсій обох сторон, и углядевшы тое, наказали есмо, абы двадцат гроший дал за зелѣза, косу, по полуосмачка муки пшеничной, серповъ два, а въ засѣвку озимом третья част, его два работника мают бути, не еден. Што тежъ для лепшей вѣре и памети далиесмо се писанѣ с подписом рукъ наших и печатей наших року и дня выше менован(ых).

76.

Вдова Федориха Коломейчиха продала свой домъ Ивану Панушку.

Року Божего 1655, августа дня второго.

Передо мною Харком Курандою войтомъ и при мнѣ будучими бурмистрами Грицеу Малишенку, Ивану Тимошенку, Савцѣ Захарченку, Миску Ходорковским, ставши очевисто Федориха Коломейчиха вдова, и оповѣ(ди)ла ясне и явне, иже продала дом свой власный, нигде, ни вчом не заведеный, из огородомъ и якъ се в собѣ маеть, на улици Вишенской за золотих полодинадцати Ивану

4*

Панушку, котри то домъ волно ему самому, жонѣ, дѣтем и приятелем его уживат, также волно продати, дати, даровати; а я вѣчне не маю жадной справи болше мѣти, так тежъ и приятелѣ моѣ вѣчне. Счо тежъ стороне обѣ просили нас, абы то было и до книг мѣсткихъ записано; счо есть записано року и дня вишеписаного.

77.

Ониско Пусѣй продалъ свою ниву Трохиму Турукалу.

Року 1655, августа 2.

Передо мною Харком Курандою войтом и засѣлими бурмистрами Грицку Малишенку, Савцѣ Захарченку, Миску Ходорковском, ставшы очевисто Ониско Пусѣй и оповѣл явне, жемъ продал ниву из цѣвлиною в меже Михаловой пану Турукалу Трохиму, за суму певную за 20 шест, вѣчне, которую ниву волно ему самому и потомком его уживат вѣчне, также продат, дарова(т); а я и потомки моѣ не мают справы до той нивы мѣти. Счо теж стороне обѣ просили нас, абы то было и до книг мѣсткихъ принято и записано; счо ест принято и записано.

78.

Тимошъ Олешневичъ продалъ свой домъ Андрею Мохомору, цехмистру кушнерскому.

Року 1655, августа дня десятого.

Передо мною Харком Курандою, войтом, и при мнѣ будучими бурмистрами, Грицку Малишенку, Ивану Тимошенку, Миску Ходорковскимъ, ставшы очевисто славетный пан Тимошъ Олешневичъ ку записаню до книг мѣсткихъ и оповѣл ясне и явне, ижем продал дом свой власный нѣкому нѣ въ чомъ не заведенный зе всимъ будинкомъ, як ся в собѣ мает, за суму певную, за сто злотихъ и са десять пану Андрѣю Мохомору, цехмистру кушнерскому и бра-

тие его всей в цеху кушнерском знайдующих ся, вѣчне, а я Тимош выше менованый, от того дому вѣчне зрекаюс не мѣти жадного приступу, также жона и приятель мой до того дому; а пану Андрию выше менованному и братиѣ его волно продат, дати и даровати и як хотѣтъ найлѣпше на свой пожиток оборочат. Счо тежъ стороны обѣ просили нас, абысѣмо тоо до книгъ местныхъ казали писать—счо естъ принято и записано року и дня вышеменованихъ. Котрый то дом мѣлемъ также за гроши своѣ власны, от пана Северина Висоцкого, бывший Матюшковичовский, стоячи перед Товстоцшина, а обмеж у того Олешкевича.

79.

Мировая сдѣлка между Фескомъ Меселиемъ и Юскомъ Рыжимъ по дѣлу обѣ убійствѣ сына Феска, Омелька.

Року 1656, пообра дня (?)

Перед нами Харьков Курандою войтом, и при мнѣ будущими бурмистрами Григорию Малишенку, Ивану Тимошенку, Савце Захарченку, Марку Ходорковским, становшы очевисто Феско Меселій, челядник пана Пекунацкаго, поведал перед нами справу свою, которую мѣл з Юскомъ Рижом, о побити сына его на ймя Омелки, также и перед его милостю паномъ судиею енералнимъ Антономъ Ждановичомъ, войска его царское милости звоанного от его милости пана гетмана, и просилъ поневажъ оную успокоилъ и поедналъ справу, абы то было и до книгъ местныхъ записано. Где ми сами, особи выше менование при тимъ будучие, ижъ тая справа през пана судю, пана Стефана Сулимы, пол. пер.¹⁾, пана Григория Забузского, пана Богдана Калениченка, пана Тимоша Цицоренка, сотники Баришполские, и Семена Светлечного и Антона Гарасименка и иншихъ особъ немало, на тотъ часъ будучихъ, поеднаня сталос, и актеръ зъ позванымъ простилисъ во всемъ, такъ в накладахъ яко и иншихъ речахъ, хочъ смертъ, любо

¹⁾ Стенанъ Сулима, сынъ гетмана Ивана Михайловича Сулимы, убитъ въ 1659 г.

живот был сыну Юска Рижого, престо Юску Рижому мет помене-
 ного Феска во всем досит ся стало Юску Рижому; котрий то Юско
 Рижий просил нас, абы тое было до книг меских записано—счо
 тежъ мы особы виш менованые доводне тую справу виразумѣвши и
 дознавши, иж так ест, а не иначе, поневаж скуток и еднаня ста-
 лос во всем Юску Рижому, иж Юско Рижий, анѣ сынъ, анѣ жа-
 ден с приятелей, чоч бы за намовою людскою были, (до) тоеи
 справы не повинен мѣти жадного дѣла и приступу часы вѣчными.
 Счо тежъ ми тую згону и еднаня казалесмы и до книг меских за-
 писат, и ест записано рока и дня вышменованого.

80.

Костюкъ Залозненко продалъ свой домъ Федору Рымарю.

Рову тисеча шест(сот) патдесят седмого, месеца сентебра дня
 осмогонадцать.

Передо мною Григорим Линником войтом и при мнѣ будучими
 бурмистрами Васку Великим, Миску Ходорковским, Ивану Тимо-
 шенку, станувшы очевисто Костюк Залозненко признал ясне и явне,
 жем продал домъ свой власный не пенный и нѣкому нѣвчом не за-
 веденный, стоячий в межу дому Ивана Денисенкова, за суму певну,
 за коп тринадцат личбы литовское, Федору Рымарю, зе всем будын-
 ком, як ся в собѣ мает, и з огородом; которим тим домом Федору,
 як хотѣт, ведлугъ пожитку своего оборочат, также волно продати,
 дати и даровати; я Костюк, жона и всѣ приятелѣ моѣ не мают
 мѣти и мочи не будут жадного дѣла и приступу часы вѣчными.
 Счо тежъ стороны обѣ просили нас, абы тое было до книг меских
 записано.

81.

Герасимъ Есифовичъ продалъ свой домъ свояку Грицьку Яременку.

Року тисеча шестсотъ пятьдесят осмого, дня двадцат третего мисеця марта.

На вряде меском пере до мною Григоромъ Линником войтом и при мнѣ будучими бурмистрами Васку Великом, Миску Ходорковъским, ставшы очевисто Герасим Есифович, визнал ясне и явне, же я у свояка своего Грицька Яременка узялем воп девят за дом, который то двом сестрам належал; пре то през декрет правный, я, яко старшый, спустилем свояку своему, то ест меншой свести своей, за суму вышменованую; прето вѣдомо чиню, же ея дом ис полем, що до того дому належит; теды ему волно тим домом, и полем, и садом, якъ хотѣт оборочат, продати, даровати, дати и на церков отдати, и якъ хотѣт на свой пожитокъ оборочать. А я Герасим, жона, дѣти и приятелѣ моѣ, часы вечными до того двора и поля, саду, не мают мѣти жадного дѣла и приступу, под винами на вряд будучий зло(тых) сорок, и под обовязками правными. Теди сторона обѣ просили нас, абы тое було и до книг нинешних меских принято. Прето мы бачачи реч слушную казалисмо и записат—и ест записано.

82.

Марья Ярмолиха продала свой пляць Левону Филоненку.

Року тисеча шестсотъ пятьдесят девятого, месеца септеврїя дня 20.

Перед нами Ивановом Тимошенком войтом, из бурмистрами Миску Ходорковским, Ивановомъ Тихим, ставшы очевисто, Маря Ярмолиха, ку записаню до книг мескихъ нинешних визнала ясне и явне, жемъ продала пляц свой власный, стоячий напротивко двора Миска Ходорковъского бурмистра, за золотых пят Левону Филоненку на вечност, ему самому, жонѣ, дѣтем и приятелем, а я Маря Ярмолиха,

до того пляцу юж не маю мѣти и мочи не буду жадного дѣла и приступу часы вѣчными. А для памяти казалисмо до книг меских записат и ест записано, року, месеца и дня више менованого.

83.

Постановленіе Гоголевскаго уряда о признаніи невиновнымъ въ кражѣ Никиты Бориспольца.

Року Божего тысяча шестсот шестдесятого месеца фѣвраля 20-го дня.

Перед нами въ ратушу Барышполским, передо мною Иваном Тимошенком, войтом, з бурмистрами также из нами заселыми, паном **Василіем Волочаем**, сотником войска его царского величества запорожского, Барышполским, и при товариствах двох, зосланных з мѣста Гоголева, зосланных з Микитою Барышполчем для вшелякого даня вѣри, который ставшы Микита, обывател Гоголевский, показовал нам правный декрет с подписами руки и печатми, который декрет так ся в собѣ маат: „Мы, врад мѣста Гоголева, чиним вѣдомо сим нашимъ урадовным писаням, тепер и напотом будучим паном врадом, якого колвекъ стану, так свѣцкого, яко и духовного, аже притрафился был злий казус на Микиту Барышполчака от Грицка Сиварского пасынка, о поволаия злодейства; который то менованный Грицко, юж будучий в подозреню на злодействе, пойманный в першом разу в Барышполю, а для першого разу врад уволнившы его, аби не был каран на горлѣ, а тепер другой и третій раз поткнулся, въ Ядловце и в Гоголевѣ чтири воли украл; а будучы за третим разом злодейства, приведенный будучы перед уряд наш Гоголевский, повидѣл на правѣ же з Микитиноѣ направи воли крав. Мы, врад, записавшы, казалисмо его до вязеня дати и того за поруку кого поволан, а ведлуг права на горло осудившы оного злочинцу; а гди раз и другой был справованный от мистра, в тие слова повѣдал, як и вперед повѣдал, а кди юж был веден на смерть, отводал Микиту повѣдаючы, жем то з инних людей намовы пово-

дал, Микита нічого, нікды о том не знает. Що мы вряд видячи, же невинное поволаия и неславу нанес оный злочинца, так на его самого, дѣти, яко и на всѣ приятели, казалисмо оного Микиту, яко невинного, нѣ в чом не подозреного уволнити, и писаня ему дати, варуючы, абы нѣхай не важилсе словами ущипливими доганяты и безчестити так его самого, яко и всѣх приятелей, любо на подпивку, любо в дорозѣ, або на ярмарку и индей гдѣ ено трафится; а хто бы мѣл наименшим ущипливым словом вишменованому Миките, такового доводом и донесенем скарги до вряду, якогож колвек притрафится, повинен будеть очищати и навязки платит сто коп на вряду, и увязеню седѣт неделю, для того що обезчестил в невинности. Що для лѣпшое вѣри, и писаня далисмо с подписом рукъ, под печатю; котороесмы прочитавшы, ведлугъ прозби, казалисмо до книг меских нашихъ Гоголевскихъ записати слово у слово“. В котором-то декретѣ тии подписи рукъ в том декрете: Петро Хоначевский наместник Гоголевский. Артем Гнѣвуш, сотник Гоголевский. Федор Кашуба, атаман городовый зо всѣмъ товариством, Данило Кега (?) войтъ зо всею громадою. И при том вписаню, были зослани Семен Гриненко, Грицько Пархоменко. Прето на жаданя пана Микиты Барышполченка и ведлуг (права) в книги ест вписано, для вшелякого даня вѣры ест вписан.

84.

Оришка Савчиха продала свой домъ Харьку Кроткѣ.

Року тисеча шестсот шестдесятого месеца февруария дня двадцат четвертого.

На вряде меском перед нами Иваном Тимошенъкомъ войтомъ з бурмистрами Миску Ходорковъским, Иваном Тихим, постановившыся очевисто Савчиха Оришка, визнала ясне и явне до книгъ меских нинешних, жемъ продала дом свой власный непенный и ніькому нѣ в чом незаведеный, стоячий наиротивко огорода Курандина, Харку Кротце за золотых одинадцат, зо всѣмъ будинкомъ,

якъ ся в собе маеть. Которому то тенъ домъ от мене проданый, волно продат, дати и даровати и якъ хотѣт ведлуг пожитку своего оборочат; а я сама, дѣти моѣ и приятелѣ до того дому не маю мѣти и мочи не будут жадного дѣла и потреби часы вѣчными. Прето стороне обе просили нас, аби тое било до книг меских принято и записано—и ест принято и записано, року, месеца и дня вишь-менованого.

85.

Ганна Ярошиха продала свой домъ Дмитрію Нечипоренку.

Року тисеча шестсот шестдесятого месеца феврала дня 20 шестого.

Передо мною Иваном Тимшенком войтом, з бурмистрами, Луцку Полуляховым, Иваном Тихим, Миском Ходорковским, ставши очевисто Ганна Ярошиха, визнала ясне и явне, жемъ продала дум свой власный не пенный и никому, ни в чом не заведеный, стоячий в межу двора Процикова, за певную сумму за зло (тых) осм Дмитру Нечипоренку, которому волно продат, дат и дароват, и якъ хотѣт ведлуг пожитку своего оборочать; а я не маю до того дому не маю мити жадного дела часы вечными. Прето стороны обѣ просили нас, аби тое було записано, и ест записано року, месеца и дня (вишь-менованого).

86.

Приговариваются къ смертной казни Юско Баюрченко и зять его Ярошь Семеничъ за кражу лошадей.

Року тисеча шестсот шестдесятого месеца июля дня двадцат сегого.

Перед нами, въ ратушу Барышполским, Григорим Малишенком войтом, Панком Черевченкомъ, Матвѣемъ Шулгою, Гарасымом Дюгтаромъ, и при бытности нана Данила Булика Гордѣнка и иных

товаришахъ на справу нижей менованую в сем року заселыми, ставши очевисто Процик Евсеенко, Яким Шинкар, Григорий Верещака и козаки полку Переяславьского мѣста нашего Барышполя, ускоржались на Юска Баярченка злочинца, у которого Процикъ Евсеенко в Переяславѣ у Павла шинкара з конем постигнул, которого в том же Переяславлю до вязеня оддал; которий Юско доброволне узнался, же коней двое я сам узав, на болоню под мѣстом сивого, а гнѣдий за мною бѣгъ. Потим през декрет того владу Переяславля на Юска злочинцу бил выдан, бил трикрат тягнений. Которий Юско на Яроша Семенича зятя своего поволал: же Ярошъ, зят мой, до того мене привѣлъ и намовил, и взял коня Якимова, то не вѣдаю где, и оддал ми у озера Княжицкого, а Верещачина коня отдал против Нестеровки, у Петровицю. Прето ми, суд, ведлуг жалобы козаков вишъменованих, схиляючися до права посполитого в статуте земском и в порадке права майдебурского описаного, сказуем оног Юска Баярченка злочинцу, также и Яроша Семенича зятя своего, которий его до того приводил и самъ много шкод людем в краю коней починил; так Яроша, вишъменовного злочинцу, ми, суд, сказуем на муки и на смерть, абы ведлугъ роботы плату взяли и с тим на суд Божий стали; бо еслибы хто украл, жоби злотих три стояло, або вышей, мает бути обѣшон, если теж укралбы, жебы стояло полкопы, мает бути нацехован. Прето водле роботы своей Юско злочинца и Ярош, будучий поволан од шурина своего, же ся ему в тым товаришыл, в краденю коней, мают плату на своем тѣли и здорова понестѣ; а для лѣпшое вѣри и дальши памяти, казалисмо оных злочинцов справу до книг меских Барышполских записат, и ест записано et ut supra.

87.

Семениха Бульская признаеть, что она оклеветала дѣвку Зѣню.

Року тисеча шестсотъ шестдесятого мѣсяця августа дня двадцат пятого.

Передъ нами вразомъ месткимъ Барышполским Григориемъ Малышенкомъ войтом, Панком Черевкомъ, Иваномъ, Матвѣемъ Шул-

гою, Яковомъ Яцюченком бурмистрами, лавою зуполна засѣлюю и з нами засѣлими, паномъ Данилом Куликомъ атаманомъ городовымъ, ставши очевисто Матвѣй Коломиець, также и Семениха Булская, помовила була пьяная Матвѣеву братану дѣвку Зѣню нецнотливыми речами, которой казалисмы Булской, аби того доказова(ла), же помовила була пре то пана Матвѣя Коломийца за тую дѣвку о проступок свой з людьми зацными, передъ нами судомъ просила и тие нецнотливые слова у своѣ уста побра(ла), тыми словы мовячи: же я не говорила ти, алеж брехала, и на тим пана Матвѣя поеднала, же Матвѣй Коломиец, жона, также дѣвка вишей имено(ванаа) до Семена Булского, аяѣ до жоны юж ве мают мѣти жадного дѣла и потреби вѣчными часы, а Булская не маєть жадныхъ похвалок и тых... *(актъ не оконченъ).*

88.

Фесько Матвѣенко продалъ свою хату брату своему Ивану Матвѣенку.

Року 1661, генвара 4-го.

Перед нами Григорием Малишенком войтом, з бурмистрами Михаиломъ Шулгою, Гарасимом Догтаром, Яковомъ Яцутенком, Максимом Потапным, ставши очевисто Фесько Матвѣенко, визналь ясне, явне и доброволне, жом продал хату свою власную, батковскую, за суму певную, за коп повчварга, Ивану Матвѣенку, брату своему, на вѣчное и спокойное ему держаня; ему волно тую хату, от мене купленую, продат, дароват, на церковь отдат и якъ хотѣть оборочать; а я тое хаты вѣчнесь зрекаю не мити до тое хаты жадного дѣла вѣчными часы. Прето стороне обе просили нас, аби тое було и записано, и ест записано.

•

Михайленко хотѣлъ два раза получить деньги съ Веремѣя рѣзника за скоть.

Року тисеча шестсот шестдесят первого месеца январия дня 21.

Передо мною Дмитром Светухою полковником наказным войска его корол. милости запорозского и судею войска его кор. милости Переяславским и при мнѣ будущих особъ, славетных панов, паном Исидоромъ Поклонченкомъ атаманом, Григорием Малишенкомъ войтомъ з бурмистрами, актовалас справа Веремѣемъ резником поводом и Гаврилом Михайленком, а то в тен способъ: аже Веремѣй вынен был долгу тому Михайленку за розный товар, за который товар Веремѣй все отдал тому Михайленку од мала до веля; на которое то отдане долгу ставив людей много, а меновите на вряде мѣскому Веремѣй во всем уистился; а Гаврило Михайленко невинне у того Веремѣя набралъ товаров розных на коп сто и одну, ведлугъ ресстру и слушной рахубы; который Михайленко, ведлугъ жалоби адверсира своего, до того браня, которое Веремѣй меновал, не узнался, але в томъ ся даль Михайленко до книгъ мескихъ записати в тен способъ: же мыс во всем з Веремѣемъ погодили, же юж не маем еден до другого, не маем мѣти жадного дела. Прето мы казалисмо той угоды записаной в книгах шукат, счо ся жадным способом тое не показало, але през свою мову власную во всей винѣ зостал; бо и жаден з ураду на то не признал, тилко признали, же рахубу на то чынили, а в том южъ и сам Михайленко признал ся, же раховалесмо на ратушу, въ томъ ся Веремѣй нами, врядомъ, сведчил, и того доводил Веремѣй, яко повод, людьми одними, то есть ставил Андрѣя Лисого, для подпори справы своей, котрый под сумленем, перед нами врадом признал: же у мене Гаврило Михайленко за вола одного два разы плату брал. Также Иван Перестрит, также под сумленем признал: же я два разы тому Михайленку за гречку платил. Прето мы, суд, прихилиючыс до права посполитого в статуте земском и в порядку права майдебурского записаном, наказуемъ декретомъ нашим, абы Михайленко, яко южъ

презвѣдженный в своей речи през вѣды повода своего Веремѣя, во всем, от мала до велика, тые сто коп и одну отдал и наклады правные поворочал, и за свое кламство и нецноту, караня однѣс, яко упалий у своей речи и переконаный свидѣями. Счо для лѣпшой вѣри и далшой памети тепер и напотом будучым, казалѣсмо тот декрет нашъ принят до книг меских Баринполских, абы болшь южъ не мѣли еден до другого жадной справи часы вѣчными; который мы приняли, который ест слушне и досконале во всем писанный. Дѣялос року, месеца и дня вишѣменованого.

Тимже паном уставуем, пану Веремѣю и пану Гаврилу Михайленку, заруку, ежели бы который мѣлъ тую справу счати, либо сами, або хто колвек с приятелюв, або похвалку пьяный, або тверезый чынити,—на такового укладаем вины на его милост пана гетмана таляров 100, на пана полковника—таляров 100, на сотника золотых 100, на врад меский золотых 100; которая зарука жадными людмы переконаная не минет, конечъне.

90.

Петро выдѣляетъ имущество своей невѣсткѣ.

Року 1661, месеца мая 25 дня.

Ознаймумъ и запишемъ симъ записом нашимъ в книги мѣские, ижъ Петро Осиповъ братаничъ отправлялъ невестку свою, и дай юй третину во всюмъ господарствѣ и набытку вѣчными часы, жебы южъ болшь межи собою не турбовалис, тилко еще в новину мает дати ис поля невѣстци своей десят коп жита, а болшей тое отдавшы, жебы юж вечными часы не турбовалис; тилко вона была винна золотихъ осмънадцет; прето девер еѣ, Петро, пренялся тое отдат, на которие осмънадцат золотих покинула она шмать не дѣланую, прето, абы южъ вѣчными часы не турбовалис. Дѣялося въ ратуши, року и дня вишѣписаного.

91.

Прохоровскій житель Кирикъ Фесенко и Кіевскій житель Денисъ Купріенко помѣнялись лошадьми.

Року 1661, іюня дня 26.

Перед нами Григорием Малишенкомъ войтом, з бурмистрами Матвѣю Шулгѣ, Гарасиму Догтару, ставшы очевисто Кирикъ Фесенко, обывател Прохоровскій, и Купріенко Денис, обывател Биевскій, ставши очевисто вызнали ясне, явне и доброволне, ажесмы ся конми фрмарчили, я Кирил вишменованный менялем коня вороного на три ноги белокопытого, лѣтомъ осмим добеглого, на молочня, за которим еще взяли додатку копѣ десят личбы литовских и грошей литовських. Прето я пану Денису Купріенку шлюбую, же не ест краденый, а ежели бы мѣл хто знатися до того коня, где бы мѣл пан Денис копу тратит, а я поднѣмаюс своих коп двѣ там ставит, а пану Денису волно тим конем, яко хотѣт оборочат, волно продат, дароват и фрмарчит. А для лѣпшого вѣри и памяти казалесмо тое до книгъ меских записат.

92.

Максимъ Москаль изъ Кіева признаеть, что украль деньги у Кіевского мѣщанина Ефима Саливонова.

Року Божего 1661, іюня 31.

Пред нами Григориемъ Гаркушою, сотникомъ Баришполским и при мнѣ будучими паном Григорием Малишенкомъ войтомъ из бурмистрами, ставшы очевисто Евхимъ Саливоновъ мещанин Кіевъскій, ускаржался нам на Максима москаля Кіевъскаго, который у мене взяв грошей пят таларий литовскихъ а рудих копѣекъ коп 12, которого найшолемъ въ мѣстѣ вашомъ. Которого, на прозбу его, отдали до вязеня; которого москаля отдавши, тен Евхим из мѣста нашего пошол, отдавши до везенія; а бачачи же тот покинул того вязня, послаасмо до Кіевского маестрату, ознамивъши

о томъ вязню и о той справѣ. Маестрат на нашу волю спустил. Прето мы чинимъ его от везеня волниц, а тому москалеви за свое таковое турбованя волно як хотѣт чинит з тим Евхимом. Еднак призналсе тот москал сам в дому пана сотника виш (менованого) и при Гнату начальном чоловѣку и при иныхъ людяхъ зацных, же взял тие гроши. Що ми для памяти казалисмо записат.

93.

Полковникъ Бориспольскій Григорій Горкуша забираетъ хуторъ въ Требуховѣ, оставшійся выморочнымъ послѣ смерти Кирика, его жены и сыновей.

Руку тисеча шестсот шестдесят втораго, месеца фебруаря дня 20 четвертаго.

Я Григорій Горкуша, полковникъ на тотчас будучий Барышпольский, маючы повѣсть о кгрунтѣ, лежачомъ в селе Требуховѣ, который пустоваль през час немалый, то ест отумерщина, аже тот Кирикъ вимер из жоною и всѣмъ щадкомъ, а за их души жадных не було офер до Господа Бога, прето я, уподобавши тотъ кгрунтъ, а бачачы, (иж) жадные их покровние до того кгрунту не находятся, умыслилсмъ, абы за ихъ души был служонный сорокоует, то ест за самого Кирика, за жону его и за сынов его два, то ест за 4 души уедналемъ отца Симеона священника Требуховскаго за копъ 14 за тие чотири души, а на церковь Божию далем коп шест, то ест далем за тот кгрунт Кириковский всеѣ сумы коп двадцат личбы литовское, при людяхъ зацныхъ и вѣри годныхъ, то ест при пану Николу, сотнику броварскомъ, при пану Матвѣю Молявченку, сотнику Дудерковъскому, и при пану Лукъяну Слушченку , при пану Яцку Антоненку, и упросилисмо их милости пановъ магистрату, абы тую мою куплю приняли и записалы до книгъ мескихъ, для вшелякого даня вѣри каждому граду тепер и на потом будучим. Що пан Григорий Малишъ, войт, з бурмистрами, на прозбу мою тую, мою куплю казал до книг меских записат; а минѣ

юж од сего часу и дня, юж волно будет тим футором владет, яко властностью, волно ми юж будет продат, дароват, на церков оддат и яко хотѣт ведлуг наилѣпшого своего пожитку оборочат, часы вѣчными. Дѣялос в ратушу Барышполским, року, месеца и дня вишменованого.

94.

Бурмистръ Максимъ Таратута жалуется на козака Тишка за кражу жупана изъ мельницы отца Бакума, священника Свято-Пречистенскаго.

Року 1662, месеца новобра дня 22.

На врадѣ мѣском в ратуши Барышполскомъ перед нами Григорием Горкушою сотникомъ Барышполскимъ, Даниломъ Куликомъ атаманомъ городовимъ, паномъ Григориемъ Малишемъ войтомъ, Феску Бездѣту, Василемъ Радошевскимъ, Федоромъ Сенявскимъ бурмистрами, ставшы очевисто пан Максимъ Таратута бурмистръ, ускаржался на Тишка, козака з Березны, о украдене жупана з млина господина отца Бакума, священника свято-пречистого, в тие слова: пане рада! тен козакъ, будучи з нами тилко он еден, и немного з нами побувавши, пошол, и в мене жупан новый изгиб. Прето мы, вислухавши тоей жалобы, казалисмо шукат на томже часѣ, которий жупанъ у его господѣ нашолся, перед конми у Максима атамана курѣнного; прето мы, углядѣвши в реч слушную, же его то справа власная, же тот козак сотни Таганской жупан украл, а не хто инший. Тутже стоячи и Тимошъ козакъ не мог виводу з собѣ дати слушного, выдаючи то так, то онъ-як; а мы яко вяд, постерегаючи такого злодѣйства, казалисмо его березиною пробит. Которая справа до книг мѣских, для памяти ест записана. А атамана Максима Курѣнного волным чинилъ от себе тот Тимошъ.

Списокъ церковнаго имущества, отобраннаго отъ Свито-Никольскаго священника Корнелія, по приказанію сотника Григорія Гаркуши.

Року 1663, месеца ануаря дня 21.

Вѣдомо чынимъ тымъ писанемъ нашимъ, теперь и на потомъ будущимъ, ижъ мы, будучы высланными до отца Корнелия священника святоникольскаго для отобрания всякаго добра, отъ пана Григорія Гаркуши сотника на тотчасъ будущаго и всего посполства. Отобралисмо напередъ крестъ серебряный съ столпомъ серебрянымъ, кадильницу серебряную, кельхъ серебряный 1, таблицъ 7 серебряныхъ, а гривенокъ розне робленыхъ пятъ, миска сѣбная, звѣзда сѣбная, крестиковъ малыхъ 7, ягнусокъ еденъ; манѣсто коралове, крижиковъ серебряныхъ два; червонный золотый; перетенокъ два: еденъ широзлотный, а другой сѣбный; другое манѣсто копѣйковое изъ криштѣлями, локотъ чотыри и четверть; манѣсто третое коляровое изъ кристѣлями; Евангеліе на престолное, серебромъ оправне; аировъ два: еденъ злотоу гафтованный атласовый червонный, а другой жовтый; воздушковъ малыхъ два; книга трофолой друкованный шестодникос; апостоль Острозского друку; двѣ триоди, постная и цвѣтная, друкованіе; евангеліе учителное; служебникъ великий Киевский; мѣнея общая ключъ; ермолой; псалтыра друкованая; паника(ди)ло сѣжовое; дзвоновъ пятъ; в Михала святого 6, а в Глѣба-Бориса еденъ дзвонъ старшій; лихтаровъ 3 мосендзовыхъ; лампа сѣбная великая; лихтаръ сѣжовый стѣновыи; замковъ 2: нутранный и надверный; у Мохомира грошей копъ пятъ литовское личбы, литовскихъ; рызъ троѣ, ядомашевиѣ червоннѣ, 2 атласовѣ друкованнѣ, 3 нендзи убогой; нарукъвицъ двоѣ; воздушковъ 4; петрахилъ злоголавный; фрѣндзювъ 2; завѣсовъ малыхъ и великихъ семдесятъ и два; стихаровъ 2; полмисокъ 1, великий; лохана мосендзова великая; лихтаръ сѣжовый другой; кельхъ цѣновыи еденъ (с) сакраментомъ, оставилисмо у отца Есифа, а ложку отцу Корнелию; кельхъ оловянный з позлотою малярскою; аиръ атласовый, злотоу афтованный; крестъ деревянный; кадильница мосендзова, отда-

лесмо. Пархомъ Малый, Федор Ковбаса, Мойсѣй Бурмак, Гаврило Михал(енко), Мойсий Таратута бурмыстры. Пылип Скудеда, Сава Василевич, писар мѣский.

96.

Козакъ Омелько удостовѣряеть, что продалъ мѣщанину Ониську Рудченку коня не краденаго и не доморослаго, а купленнаго имъ въ Переяславѣ у москала.

Anno Domini 1663, miesiąca februaris die 5.

Przed nami urzędem mieskiem Chryckiem Maliszękiem woylem z burmistrami Wasylem Radiszewskim, Fedorzem Syniawskim, Feskiem Bezditkiem, Maximem Taratutą burzmistrami, stawszy oczewisto Omelko kozak woyska iego carskiego weliczestwa zaporozkiego, setni Słynkowej, wyznał iasnie, iawnie y dobrowolnie, w te słowa, że przedał klacze białą za pewną y gotową sumę, za kop dwadziescia, liczby litewskiej panu Oniskowi Rudczenkowi mieszaninowi Baryszpolskiemu, slubując mu, że nie kradziona y nie domorosła, ale kupiona w Pereiasławlu w moskala; przeto ten Onisko Rudczenko prosił nas, abysmo te kupie iego zapisali do xiąg mieskich; y dla lepszey wiary y pamięci kazał tego kozaka, który te klacze przedał yz iego zięcióm, to iest Artuchiem, który mieszka na ulicy Chryszękowej, który slubował, że ta klacza kupiona, iako powiada moy szuryn. Co my urząd bacząc słuszne kupie, kazalismy zapisac y iest zapisano et ut supra.—Pry toi kupli były mohorycznyki: Onisko брат Веремѣв. Мартин Ратушенко. Кузма Флигосенко.

97.

Маляръ Даниль продалъ свой домъ Ивану Андрійченку.

Року 1663, июня дня пятого.

Перед нами Евстафіем Подгайным, войтом з бурмистрами, из нами засѣлыми бурмистрами, паномъ Василием Носачомъ сетником,

5*

Юськомъ Безъдѣткою, Даниломъ Куликомъ и инъшимъ товариствомъ, ставши очевисто славетный панъ Даниелъ маляръ до книгъ мѣскихъ и иныхъ къ записаню призналъ в тие слова: ижъ продадемъ домъ власный не пенъный и нѣкому нѣ в чомъ не заведеный же всѣмъ будинкомъ, якъ ся в собѣ мает, за певную и готовую суму за золотыхъ пятьдесятъ и пившеста, пану Ивану Андрѣйченку, до которого дому я Даниелъ не маю мѣти жадное потребности, и потомковѣ моѣ; толко помененый Андрѣй(ченко) мает оный дворъ спокойне уживати, и волно оному тот дворъ продати, даровати и якъ хотѣти оборочат, яко своимъ власнымъ вѣчными часы. Што для лѣпшого вѣри и певности просили насъ у раду вышъ менованого, абы тое признавая было до книгъ мѣскихъ записано. Теди врад, видячи устное признавая Даниела, казали до книгъ мѣскихъ Барышполскихъ записати—што естъ записано.

98.

Раздѣлъ огорода между Ганною Шолудченковою и ея ятровою Романихою.

Року 1663, месеца июля дня 13.

Передъ нами Евстафиемъ Подгайнымъ, войтомъ з бурмистрами, ставши очевисто Ганна Давидиха Шолудченкова из Романихою ятровою всею, мѣвши межю собою турбацию (о) огорода в межѣ Гапонихи и Щербинихи. Прето мы угладѣвши стороню обохъ жалоби и на прозбу ихъ казалисмо пану бурмистру (и) иншимъ людемъ, абы огладѣвши того огорода и подѣлъ на пол, безъ кривды межю ними учинили; що тежъ по подѣлѣ пришовши на врадъ просили насъ, абы тое было до книгъ мѣскихъ записано. Прето Ганна Давидиха маетъ спокойне и вѣчне, того огорода половину держатъ; а Романиха также из мужемъ своимъ половину тогожъ огорода; любо тежъ волно половину огорода из садомъ продат, дати, даровати якъ хотѣти оборочатъ часы вѣчными. А Ганна Давидиха не маетъ ню в чомъ ятровки своей вѣчными часы турбоватъ о наменьшую рѣчь; якожъ ся ей во всемъ сталося ятровки вишменованой. Прето стороне обѣ просили насъ, абы тое было записано и естъ записано.

99.

Судъ присуждаетъ возвратить Грицихъ дворъ, который взялъ у нея въ залогъ въ 10 копахъ деверь ея Денисъ. Въ случаѣ смерти дитяти ея отъ Грицька дворъ долженъ перейти къ Денису.

Року 1663, июля 20 дня.

На вряде мескомъ перед нами Евстафием войтом из бурмистрами, такъже и от пана Василя Носача сотника зосланными на справу ниже менованую паномъ Лукианомъ Коленкомъ, Андрием Колошенцом и иными особами, ставшы очевисто Вувдя, по першому мужу Грициха, а по другом мужу Тишчиха из мужомъ своимъ, ускаржалася на Дениса девера своего, же он маючи двор ея власный на ню належачий, из сыном ея Грицком в долгу взятий, в копахъ десяти, не маючи на то жадною запису Прето мы, вислухавшы сторон обохъ, приворочаемъ тот двор знову Грицисъ из сыномъ ея, наказавшы Грицисъ из мужемъ, аби Денису деверу своему гроши отдала, то естъ копъ десят, а по отданю грошей, южь болше Денис до того дому не маєть мѣти жадного дѣла и потреби, вѣчне до того двора не упоминаючи; а Грицисъ невѣстце волно тимъ двором яко власным своим, яко хотѣт оборочат собѣ. Що для памяти просили нас, абы тое было до книг мѣских записано; що мы на прозбу их казалисмо записат и ест записано року, месеца и дня вишменованого, а меновите, дитяти небожчика Грицька, яко батковсчина, а по смерти дитяти, ежели мѣло бы умерти, знову мѣет брат небожчика Грицька отложит, яко ближший над иншиетие копъ десят за тот двор, яко теж иншое убозство, которое тепер ест на дитя отбрано, а не на кого иншого, так убозство лежачое, яко и рухомое, на которое мѣет реест пан Денис, щос после брата остало и якъ що невѣстка на дитя отобрала, а не на себе; але власне мѣет по смерти дитяти спадати на Дениса, яко близшого зевсѣх по брату. Що ест записано.

100.

Савва Коваль продалъ свой дворъ Яцку Танчику.

Року тысяча шестсот шестдесят третьего месеца октября 1-го дня.

Перед нами Евстафием Подгайным, войтомъ на тотчас Барышполскимъ и зо мною засѣдающими едностайне в магистратѣ бурмистрами Алексѣем Литовкою, Яковом Яцутенком, Мартином Плющиком, Левком Трохименком, ставшы очевисто, ясно, явне Сава Ковалъ вызнал в тые слова: ижем продал дом свой власный, никому ни в чом не пѣнный и не заведеный, зо всым будинком, якъ ся в собѣ мает, Яцку Танчику за готовую суму... личбы литовское и за осмачку жита; которому тот двор волно оному дат, продат и кому дароват, або заставит и як хотѣт обладат. А я оного двора вѣчне зрекаюся вѣчными часы, аби с потомковъ моихъ, або с приятелей не мел жадной потребности. Теды стороны просили нас, абы тое до книгъ записано.

101.

Универсалъ гетмана Бруховецкаго о томъ, чтобы никто не обижалъ козака Павла Рустановича, котораго онъ беретъ подъ свою защиту.

Иванъ Бруховецкій гетманъ зо всѣмъ войскомъ его царского пресвѣтлого величества запорозскимъ.

Паномъ, полковникомъ, асавуломъ, сотникомъ, атаманомъ и всему товариству, такъ старшимъ, яко и черни войска его царского пресвѣтлого величества запорозского, а особливе сотнику, атаману и войту и всему посполству мѣста Боришполя до вѣдомости вашимъ милостямъ доносимъ: ижъ взялисмо подъ оборону нашу пана Павла Рустановича, козака полку Переяславского, хотячи того всего по вас мѣти, сурово приказуемъ, абысте помененому Павлови, тамъ в Боришполю в дому его и фолваркахъ, в конях и волах, и во вшелявых добрах, и в поляхъ засѣяных, не важилис и не могли на-

менное кривды и шарпанины чинити; а еслибы що и позабирано было по сей час, и тое все зараз поворочано было конечно, без жадное одволоки, ежели самъ тамъ захочет мешкати, албо тамъ кого пошлетъ, аби тех добръ его власных до з безпечнемъ здорова своего былъ и нѣ от кого кривды и премовекъ не поносил; также хто ему зостают в долгу виннымъ, и тое отдавано было. Того всего той тамошний сотникъ, атаманъ и войтъ повиненъ по-стерегаючи, абы нас наменьшая скарга отъ его не доходила; а еслибы Рустанович в чом мѣлъ кривду понести, теди за донесенемъ до нас скарги, онаго сурово на горлѣ карати без отпусту. Що иначей аби не было, под ласкою нашою и срокгимъ каранямъ войсковымъ. Дан в таборѣ под Переяславлемъ, юлия дня 24, 1663 года. Иванъ Бруховецкий звишменованый гетманъ.

102.

Яцко Винниченко купилъ фольваркъ и грунтъ у Федора Капитаника.

Року Божего 1664, месеца 24 априля.

Перед нами Евстафиемъ Подгайнимъ войтом з бурмистрами засѣлими нижей описаними, становшы очевисте, ижъ Яцко Винниченко купил пулфарокъ до того и грунтъ належачий, у Федора Капитаника, то ест за суму за злотих польских шест. Мы узнавшы тое водлугъ наших реляций, яко судовых, зезнаемъ подлугъ нашего суду. Дѣялося 1664, месеца 24 априля. Евстифий войтъ. Алексий Сухоступский. Яковъ Яцутенко.

103.

Левко Трохименко заявилъ, что онъ выдѣлил пасынка своего Гаврила.

Року тысяча шестсот шестдесят четвертого месеца июля дня двадцат пятого.

Передо мною Евстафиемъ Подгайнимъ и при мнѣ засѣдающими едностайне в маестратѣ бурмистрами Яковомъ Яцутенкомъ,

Иваномъ Тихимъ, Мартиномъ Плющикомъ, Алексѣемъ Сухостунскимъ, пришедши предъ вриад нашъ Левъко Трохименъко визъналъ явнѣ и добровольнѣ, ижъ изъ Гавриломъ пасинкомъ своимъ еднѣнне учинили, теды напрод Левъко далъ пасынку своему пашнѣ мироу три всехъ, шкапу рижую далъ ему и вола рижого, телицу и овецъ четверо, свиний двое далемъ ему, пулкопы конопель, полковы лиону, сорочку жоноцкую и плахту далемъ ему, все то поодаваломъ ему. Теды просилъ насъ, абы тую справу казалисмо до книгъ мѣсткихъ записатъ, абы болшъ не турбовалъ Левъка Трохименка, бо было притомъ людей зацънихъ и вѣри годныхъ; былъ при томъ Курыло резникъ, Молявчанка два бѣли и инныхъ немало было. Теды есть и записано в року и дня вишъзаписанномъ. (Писалъ Симион писар мѣсткий. Нижей подписанный полковый Переяславскій тотъ выписъ вынятый с книгъ мѣскихъ). А мы прето урядъ войсковый Барышполскый, вырозумѣвши з него, же во всѣхъ пунктахъ естъ виражный, которий яко слушъный и правдивый, цале ствержаемъ, а варуемъ, жебы юж болшей Гаврило з братомъ своимъ пасынкомъ Левкомъ Трохименкомъ отчима своего в каждого суду и права под зарукою сто таларей; на що для лѣпшой вѣры и повага, и печатъ полковую притиснено до того выпису. 1664 месеца апрѣля 27 дня. Юрий Николаевичъ судья полку Переяславского, Тимушъ Хведоренко атаманъ Барышполскый, Хведор Забузкий есаулъ полковый.

104.

Козакъ Стефанъ Чудновець заявилъ, что онъ отдаетъ свой домъ Данилу Малиару съ тѣмъ, что послѣдній долженъ сдѣлать въ церковь Бориса и Глѣба образъ св. Николая и 2 хоругви и дать на церковь св. Пречистой 10 таларовъ.

Року 1664, октября дня 15.

На вриаде мескомъ, передъ нами Григоріемъ Малишомъ войтомъ з бурмистрами, Ониску Крамару, Феску Бездѣтѣу, Василию Радисевскимъ, Максимомъ Таратутю, Хведоромъ Синявскимъ, паномъ Даниломъ Буликомъ сотникомъ на тотчасъ будучимъ, с атаманомъ городовымъ

Сахном Розвискою, также и панами ктиторами Моисѣем Бурмакою, Федором Ковбасою, ставшы очевисто ку записаню до книг мѣских нинешня(х), Степан Чудновець, козакъ войска запорожского, вызналъ ясне, явне и доброволне в тие слова: жем продал домъ свой власный не пенный и нѣкому нѣ в чом незаведеный, который пред тим менилем на церкве Божіе отдати за доброе здравие свое и жоны своей, также и родичовъ своих, и ведлуг тогож сумленя своего, продалем пану Даниелю малярови в тен способъ: же становил з ремесла своего образ до светих страстотерпцовъ Божиихъ Глѣба и Бориса, образ святого Николи, в сумѣ в золотих шестдесят, и корогов мѣет ставит до церкви, двѣ, в копах дванадцат, то ест всеѣ сумы талярей 30, а ведлуг его сумленя тую роботу собѣ меновал зл. 130; прето пану Даниелю малярови тим домом зо всеѣмъ будинкомъ, яко в собѣ мається, волно якъ хотѣт оборочат, продат, дароват, любо тежи на церков отдат, волно заставити як хотѣт, ведлуг своего пожитку оборочат, часы вѣчными; а я, Степан Чудновець, жона и пріятеле моѣ до того дому не мают мѣти и мочи не будут жадного дѣла и приступу часы вѣчными. Прето стороне обе просили нас, абы тая купля была до книг меских записана; що ми бачачи слушност, казалисмо записат, и ест записано.

А с тоѣ сумы панове ктиторе мают отдати талярей десят на церков святую Пречисту; а гда тое отдане будет, тогда и то. . . .

105.

Юсчиха Безлюдиха заявила, что она помѣнялась дворомъ и пляцомъ съ войтомъ Остафіемъ Подгайнымъ.

Року тисеча шест сот шестдесят пятого, месеца марта дня девятогонадцат.

Передо мною Давидом Верненком атаманом городовым, на тот час будучимъ, и пред нами бурмистрами Хведором Снявѣскимъ, и при нас сидячих товариствѣ Сахну Розвалци, Миску Шкураенку и при Гарасиму Дюгтяру ктитору Глѣбоборискому,

ставши пред нами врядом обаполним, Юсчиха Безлюдиха, визнала ясне и доброволне, без примусу жадного, тилко з доброй волѣ, иж измѣняла двур свуй власний ни в чомъ никому незаведеный, стоячий в мѣстѣ, край Волочаѣхи, з вуйтом Евстафѣмъ Подгайнымъ на двур, и пляц на пляц, тилко вуйтъ зберет комору; и додалъ вуйтъ Юсчиси четверть жита и золотихъ 4, гроший, а жито на тотъ час было по чтыри золотих а осмачку мѣтеъ дати в новину, теди вуйту якъ своим добром, як хтѣт оборочат, дат и продат и колвѣкъ кому дароват. Теди просит Евстафѣй Подгайний нас, абисмы казали в книгах мѣских записат — що теж ест и записано. Было на тотчас людей и вѣри годних: был Гарасим Костенак (?), Яцко Поташко. Дѣлалося в Баришполѣ року и дня виш(менованого). Писалъ Симеон, писар меский.

106.

Разводъ Лукьяна Лихолапа, съ женою за то, что она осрамила его, укравши одежду у Носачихи.

Року тисеча шестсот шестдесят пятого месеца мая дня двадцат третего.

Перед нами зосланными от пана полковника, Павлом Косинченком а Хведоромъ Стрѣлою, и при мнѣ Давиду Верненку атаману городовым, на тот час будучимъ, и при мнѣ Евстафѣю Подгайным войтом на тотчас будучомъ, и при мне сидячих в магистратѣ едностайне бурмистровъ Матвѣю Шумѣ, Роману Мовчану, Хведору Снявѣскимъ и при иных людехъ зацных и вѣри годных, при Симиону Светличном, Сидору Полонченку, Верне старом, Веремѣю Левченку, ставши пред вряд наш едностайне Лукян Лихолап, обывател Боришполский, просил нас, абы мы дали ему писавия, иж бы он напотом не мѣл жадной домовки, иж в небытности его, жона его взяла курту в Носачихи способом краденя. Теди право на тое было и даровано еѣ всѣмъ жадною карностью, Носачиха вая мовит: же я не настою, а мир вес ед-

нотайно крикнулъ: же той не настоѣтъ, кому шкода, а намъ нащо? Теди питалисмо Лихолапа, мужа еѣ, чи приймеш еѣ собѣ за жону, якъ былисте впрод и тепер бути. Теди Лукиян отповедил иж паве вряде! я не хочу еѣ мѣти собѣ за жону, кгда она с тих злих речий виводу собѣ не даст, а ежелибы дала вывод, же не она тому ест причинцею, можнабы тому рѣч, а тепер еѣ цураюся и не хочу за жону мѣтъ; а дѣти моѣ, при мнѣ нехай зостають. И просил нас о писання. А болшъ он неслави на собѣ не мочи носит, як цнотливимъ былъ, и тепер цнота его ни в чомъ не нарушена. иж он як зацным пред ним был и тепер зацный. А еслибы хто мѣл важится ему на цноту, на собѣ сам понесеть. Теди мы зосланние выслухавши мовы его: „иж я цураюся еѣ“, казалисмо оное дѣло признат и писару записат, що теж и ест записано. Было на той справѣ людей зацных, и вѣри годних, былъ при том Ониско Рудченко, Петро Перехристь. Дѣялося в Борисполѣ року и дня вишъписаного. Писал Симеонъ писар рукою власною. Павел Косиченъко. Григорий Стрелка писар городовий Переяславський. Зосланние на тую справу для прислухання и роспоряженя оною, казалисмо руки свои подписать до того декрету, для лѣпшого сведецтва.

107.

Иванъ Дефта купилъ хату у Дениса Кузьменка.

Anno domini 1665, miesiąca augusta dnia dziewiątego.

Przede mną Eustafem wuytem na tenczas będącym, a przy mnie będących burmistrzow Matwim Szulhoin, Romanom Mowczanom, Chwedorem Syniawskim, Andruszkiem Łysym, stanowszy przed nami oczewiscie Ywan Defta, prosił urzędu naszego yż by do xiąg był przyniaty ten zapis w ten sposob: isz kupił za swoje pieniądze yzbę ze wszystkim prawem od Denisa Kuzmenka za złotych dwadziaścia, tylko pola, nalieży do tego dwora młyniszczę. Tedy on prosił yż na wieczne czasy nie wtrącał się w to, wolno

Ywanu Depcie dac, przedac y darom komu dac, a ia nie mogę, ani żona ma y ni żaden z pokrewnych mych w to. Tedy my urząd słysząc, kazalimy pisarzu w xiążkie zapisac, co też iest y zapisano. Działo się w ratuszu Baryszpolskim roku y dnia wyszopisanego Pisał Simien pisar mieskij ręką własną.

108.

Иванъ Соколь купилъ ниву у Гапки, Самойловой сестры.

Предо мною Евстафием Подгайным, на тотчас будучим войтом, и при мне заседающим бурмиистрами Матвѣю Щоце, Хведору Синявским, Андрею Малому, зознал ясне, явне и доброволне Иван Сокол тими словы, жемъ купил ниву у Гапки Самойлови сестри за готову суму готових грошей личби литовской, золотихъ дви. Но счо просил нас, абисмо тоє казали до книг меских записат. Ивану Соколу волно ему, явъ свое власное, волно дати, дароват, любо на церков дат. Был при том делу Лаврѣн Дудка, Андрей Даниленко и иншихъ людей зацнихъ и вѣри годныхъ. Що есть и записано.

109.

Богданъ Десятревичъ продалъ свой пляцъ Ивану, Гордѣенковому внуку.

Року 1666, месеца марта дня 13.

Передо мною Евстафѣемъ Подгайнимъ вуйтом на тотчас будучом и при мнѣ сидячих бурмиистров Матвѣя Шулги, Романа Мовчана, Хведора Синявского, Андрушка Лисого, пришедши пред врид наш славетне урожоний панъ Богданъ Десятревич вызнал ясне, явне и доброволне в тот способ, ижъ продал пляцъ свой Пузѣковский, лежащий на киевском гостинцу, Васил Залузненко помѣжку, за готовую суму за золотих девят Ивану, Гордѣѣшоновому унуку. И просил нас вряду Иван, абисми казали писару записат, иж бы вѣчными часы не моглъ его Богданъ турбоват, не вин, не жаден

с покровних его. Было притом людей зацних и вѣри годних, бил при том Дорош ктитор Пречиский, повберчие в рогу том сядячие, Хвеско Товстенко, Иван Матюш, Еско дьяк Михайловский и з инших немало зацних людей било. Дѣялос в Барышполю року и дня вишписаного.

110.

Веремѣй Левченко продалъ огородъ Тимошу Щербиненку.

Року 1666 месеца апрѣля 5 дня.

Перед нами врядом мѣским Баришъполским, передо мною Веремѣмъ Левченком войтом Баришъполским и при мнѣ будучими бурьмистрами, Есифом Зѣниченком, Марком Левченком, Федором Никузою, Анѣдрѣем Щербиненком, ставши очевисто Веремѣй Левченко, ку записаню, ижъ продал огород Чорнушинский за пят коп Тимошу Щербиненку вѣчными часы, волно ему будет дароват и продат не повинен его о то турьбоват, що для памяти казалисмо до книг мѣстских Баришъполскихъ записати—што есть записано.

111.

Дѣло объ убійствѣ довшиша изъ полка Думитрашка-Райчи Василія Ивановъ Кученкомъ.

Року от Нарожена Сына Божого тисеча шестсот шестдесят девятого, месеца ноеврия 14 дня.

На ураде войсковомъ на тот час будучи в Баришполю, мною **Иваном Новаковичом**¹⁾ сотником Баришполским, Василюем Волочаем атаманом городовым Баришполским и при битности пана Григория Рубаника и Ивана Лужецкого з раменя его милости пана Думитрашка Райчи, полковника войска его царского пресвѣтлого величества запорожского, Переяславского, на тую нижей вырожоную

¹⁾ Потомки сотника Новаковича до сихъ поръ проживають въ Борисколя.

справу висланих; также и пред славетными особами, паном Романом Мовчаном вуйтом Баршпудским, Романом Пятником, Алексѣемъ Литовкою бурмистрах, с притомностью нних многих особъ и товариства, на тую справу одностайне заселих, приточилас справа межи двома особами, то ест межи а то в такий способ: иж в року нинейшом 1669-мъ, ноеврия числа 11, именем зовеми Гнатко Бурямко и другий Гришко Скрипченко, обивателъ Баршпудские, за пилною потребою своею поехали были до бору; а не далеко отехавши от фолварковъ обачили труп чловечий въ ровѣ, свѣжо забитый и тиранско замордований; котрие будучи такъ доброго сумненя, взяли оный труп на свой воз, з тим вернулись и впровадили до мѣста. О которое забитя оногo небожчика в мѣстѣ Боршпюлю стался опит, а о збойци пилное отшуканя; где натих мѣстѣ з межи посполства пришедши именем зовеми Карпъ Котлярчикъ приглядуючися, оногo забитогo опознал, же тот небожчик десятого числа ноеврия з другим чловеком особистым, на одном возѣ в бору ехали, простуючи ку Боршпюлю; а вгди з тих слов оногo Котлярчика пилный опит о таком збойци стался, аж винайдено такового в господѣ юж пьяного, меновите у Яцка Окрайца, которогo снат же невинная кров затримала и обявила а таким способом, же приѣхавши въ господу тот збойца Иван Кученко купил казан горелчаний у Сидоричихи за злотих девят и шест грошей литовских в Баршпюлю, а справуючи собѣ и иншое дѣло хотѣл выехать з мѣста; але му Богъ не допомогл, зостал пойманным. А вгды был от нас уряду питаний, яко и тепер потвержал, з яких то мѣр он такое забойство учинилъ и як з тим небожчиком знался и з якое причины, абоби з намови, або з чиєю помочю тот злий учинок пополнил. Теди так оный вишвспомнений збойца доброволне сам до того своего злого дѣла сознаючися признал и повѣдѣл, же мешкаючи с тамтого бока, под Мотовиловкою час немалый, отишол був на мешканя под Бремянецъ, а потом вернувшись от тамтой пришов на Заднѣпря до Броваров; а мешкаючи там ездив до Києва в потребе своей, а злучившись с тим то небожчикомъ в Києви, взял его на свой возок; который то не-

божчикъ менил себе по имени Василий а з кампанѣи пана полковника довшишъ. А пытался Думитрашки, а за перевоз до Броварув, або и далей, мѣв ему заплатити; аже мя правѣ грѣхъ споткав, учинилем тое забитство з причины тогож небожчика, кгдаж он первой до мене, которого подолѣвши пришиб обухом, потом хотячи тот свой учинок утаити и до остатка до смерти онго праве привел и в ров уринул, где от Баришполских людей и найден. Зачим мы, вишпомененый уряд, виrozumѣвши и пишно вислухавши добровольного признания менованого збойци, поневаж сам свой злий учинок на себе визнал, казалисмо тое до книг мѣских Баришполских записати, що ест и записано, року и дня вишменованого.

112.

Судъ надъ укравшими чужія вещи во время пожара въ м. Борисполѣ Кондратомъ Федоренкомъ, Фескомъ Федоренкомъ и Юркомъ Андрѣенкомъ. (*Актъ не оконченъ*).

Року Божого 1669, месеца ноеврия 17 дня.

На вряде нашом права майдебурского и ратуша Баришполскаго, предо мною Иваном Новаковичом сотником и при пану Василию Волочаю атаману городовом Баришполским на тот час будучим, так теж и зосланим от боку его милости пана Думитрашка Райча пана полковника нашего Переяславского пана Леска Коломийченка и Олекси пушкара для прислухання тоei важной справы так теж и пред Романом Мовчаном войтом Баришполским и при нѣ засѣдающих в лавѣ бурмистровъ паном Олексѣю Литовки и Роману Пятнику и при бытности славетне урожоных козаков, яко мещан на имя Матвѣя Шулги, и Лаврѣна Федоровича, и Давида Верненка, и Данила Михайленка, и иных людей зацных и вѣри годних, приточилас справа под час презрени Божого, як мѣсто наше горѣло, и там зас многие люди, едни Бога боячис ратовали людей в таком великом утрапеню, а тот зас Бога запамяталий на имя Кондрат Федоренко ис Феском Федоренком и с Юрком Андрѣенком и с по(мо)чниками своими убоства чужое позабѣрали в

чти годливых козаков, на имя в Кирила Дюгтаренка в другого Костюка, которое то убозтво в звишменованных злочинцов в ѣх схо-
ванях понаходили, що и вес мир под тое каране Божое своих
убозтв поотпалое, казалъ до судов правних засѣсти и ведлуг пра-
ва майдебурского а в статуту оказанной таких карат, теди ми
уряд наш увес звишопѣсанний, казалисмо писару статут отворит
пред звишописанным урядом, яко и людми зацними, и там в ста-
туту указывает в артикулѣ 20 и 6 роздѣле 14, а гдоби теж най-
дено по огню хотай би теж в обчого человека знайдено, щоби в
той час сгнуло, коли горѣло, если там, под тамтим правом, у
которого такую речъ спайдут, мѣют справедливости просити на
злодея, а коли ся слушне не виведет, аби бил на горло скаран,
ведлуг звишописаного роздѣла.

113.

Грицько Плугатарь укралъ копу овса съ нивы у Каленика
Лещенка.

Року Божого 1670 октября 17-го дня.

Передо мною **Федором Волком** сотником Барышѣпольским на
тотчасъ будучим, и при Василию Волочаю атаману, и при Иосипу
Анѣдрониченку вуйту, и при Федору Синявскими бурмистру, и при
инших зацних мешчанех, так теж и козакохъ, при тои справѣ бу-
дучих, приточилася справа межи Калеником Лещенко, у которого
на нивы овса копу украдено; теди свидки признали пред нами же:
Грицько Плугатар приходил до Лещенка у дом прохати, перший
свѣдок Иесипъ Дранникъ, другой свѣдокъ Петро Скабий, третий
Ивань Дубинич погоничъ Лещенковъ, же що повѣдил, же Кале-
никъ Лещенко на том мѣстѣцу сялъ овес и казал зженником по-
жат; теди зженники нажали копу и снопув два. У килка дни том
овесъ з нивы згнулъ; теди у Плугатара знайдений. И приходил
у дом Плугатар просит Лещенков. Що мы уряд выслухавши тую
справу казалисмо записат що теж у записано. Писано року и дня
вышей писаного.

Раздѣлъ имущества между вдовой Гапкой и свекромъ ея Панькомъ Черевченкомъ.

Року Божого 1670, месеца нееврия 18 дня.

За вѣдомостю его милости пана Думитрашки Райчи полковника войска его царского пресвѣтлого величества запорозского Переяславского, приточилас справа пред суд нашъ, мене Юря Николаевича судю полкового Переяславского и при битности славетних панов и товариства пана Хведора Забузкого есавула полкового, пана Петра Романенка, панов Олехвѣра, Максима сотников, пана Тимофѣя Хведоренка атамана городского Баришовского и притомностю пана Ивана Новаковича сотника Баришполского, Василя Волочая атамана городского Баришполского и з иними особами Баришполскими, яко теж и иншими персонами при сей справѣ будущими, иж скаржила жалобливе Гапка вдова обивателка Баришполская на Панка Черевченка свекра своего, обивателя тож Баришполского в той мѣре, же онъ свекор по смерти малжонка ея а сына своего отправаючи еи отъ себе на свое господарство, любо через суд всего уряду Баришполского, ведлуг слушности давши юй бидла овечок, пашнѣ бив удѣлив, теди тое иначеи судом же уряду Баришполского отменит афектовав, и що правѣ мнѣ дал овечок, бидла, свиней и пашнѣ тое, жеби знову по половицѣ поделивши от мене отобрати и кому иному до зросту дѣтей моих отдати; а собѣ зоставилъ свекор муй овечок девятеро, и к тим казан и грошей золотих пят, на знак памятки сына своего а малжонка моего, я в том не пречу, тилко забегаючи кривды своеи жеби мене в той худобѣ, з которою мене от себе отправил, знову не ущербляв и не нарушил, на том милостей ваших правного варунку и россужденя покорне прошу. Панко Черевко за приволанем невѣстки своеи Гапки, отповѣд такую даючи, повидѣл: Пане уроде! иж яко уряд наш Баришполский, сотник, атаман з товариством, войт з мещани, чинил межи нами росправу, и я на том не пречачи, овшем, ведлуг наказу, свою невѣстку. отправилем и далем юй овец семнадцат, ко-

рову, волов два, свиней трое, жита осмачок шест, овса три осмачки, гречки осмачку, гороху полосмачки, засѣву жита осм. три, поля на пахане нив пят, хату в мѣстѣ, жебы собѣ, где пойдет замуж зобрала з плещу, а поки не пойдет, жебы в неи мешкала спокойне; до господарства тиж, яко потребную реч, далем юй и жорна. А собѣ, через узная суду и уряду нашого, зоставилем овец девятеро, казан горѣлчаний, грошей золотих пят на отправу небожчиковскую, тое на увагу милостей ваших пуцаю. Зачим я, увес уряд вишменований, уваживши, поневаж оная Гапка давала справу, що з небожчиком малжонком своим, любо при свекру, през лѣт десят мешкали, однак з особна працею своею худобки собѣ нажила, а тепер би знову не того, що дал, половицу на дѣти усилюет отобрати, наказалисмо з одностайного а праве згодного суду нашого, нинешним декретом нашим, аби оный Панко, поневаж що на знак сыновний памятки от невѣстки своей отобрал, на том жебы и переставал, не чипаючи юж болшей невѣстки своей; также и оная Гапка невѣстка его, що собѣ з отпрати от свекра своего худоби, котрая ся вишшей меновала отдержала, на той абы переставала и тим ся контентовала, и яко хотячи тую власност свою ку доброму пожиткови своему обернула и користовала, не вимагаючи юж болшей едно на другом, так Панко на невѣстцѣ своей, любо бы и безпомощне ся зостала; яко теж и тая Гапка свекра своего из своими потомками, его самого и по нем потомков его, не турбовала, але жеби кождое з своего ся тѣшачи, без всяких турбаций и правних заводов жили спокойне, под закладом вины на упорную сторону коп литовских сто до шкатули войсковой. Которий то декрет для вѣри и далшого межи ними (?) покритим нашим писмом ствердивши, при подписѣ и притисненям печати судевой полковое, выдалисмо. Писан в Баршовцѣ, року и дня звишменованого.

Юрий Николаевич, судя пол- Тимош Хведоренко атаман Баршовский.

115.

Утвержденіе раздѣла между братьями Федоромъ и Борисомъ Бурмаченками и вдовою дяди ихъ Мойсея Бурмачихою.

Року 1673, месеца Нооврыя дня 6.

Становили очевисто перед нами, передо мною Иваном Новаковичомъ, на тотчасъ бывшим сотником, Нестором Помашным атаманом городовым и при нас будучи заселыми на тот час Давыда Верны и Тишка Петровича Москаленка; также и при нас заселыми на тот час Федора Романовича войта и колежки его Андрея Мухомора и Федора Бездетки, и Федора Козокола, и Грицка Березенка, также и мещан при них будучих Федора Задыхайла, Федор Бурмаченко и Борис Бурмаченко, иж будучи позосталис по отцови своему и през час немалый будучы жыли из собою и робили до купы зарабатючы себе збирали; потомъ подруже себе зналежши упатрыли себе же не пожити в одномъ месте промежку собою, чынили подел промежку собою пры людех добрых и вери ходних, мяновите: пры Василю Костенку а пры Василю Радипшевскому и пры Олексу Прасолу, мяновите: Федору брату двор Чудкончовский з винъницю, из колодезем и иле що до того двора приналежит; яко що ест поля во всехъ рукахъ и зо всею теперешнею озимю по половине; кобыла вороная томуж Федору, корова старая половая, бык перестый и корова рыжая половая свиней отдавши Федор брату Борису четверо, то вси его; Борису брату плац дедовский и батковский зо всим и з садомъ, кобыла рыжая, корова гнедая, вол один седый, другой рыжий, назимков двох, то Борису; а що ест кон гнедый, того продавши, то долги мают поплатити. Матфею брату корову самотрет, кобыла, свиней двое; на . . . ниве жыта отнут, на Голубенченковой ниве жыта отнут, половину нивы за Груздовкою, на Капустине нива на тры дни, на Салковской дорозе а два дни, на Кнегинине уся нива; тое все Матвѣю. Моисеисъ дяд(ино)й, отрубом двор у мѣсти, под ратушы, зо всим будинком и плац; корову ребую ис телем, до того подтелок; свиней трое, старая одна, малых двое; у засаве, ув озимине и в ерне четвертая

6*

часть жыта на три дни до жнив дали; тое все ей Бурмачисе дошло, що приналежало. Що и те Бурмаченки становшы, так и Мойсеиха Бурмачиха, видечи, же подѣл ровный стал каждому, же од мала, до веля каждому дошло заровно, просили нас ураду, абы мы до книгъ мейских записали подел ихъ, и тое положили утвердити в записе, абы братья Бурмаченки от того часу, за ойцызну, за подел один до другого не мают мѣт жадной справы вечными часы; также и дядиная не мает мет жадной справы о той подел. Который той подел ихъ чуючы, и просечы ихъ, абы до книгъ месских майдобурскихъ записали, що мы казали за писат; що ест записано року и дня вышей писаного.

Пашня, що ест готовая Федор з братом Борысом мает поделитися по половине.

116.

Степанъ Дегтярь продалъ хату Феску Кирилишиному зятю.

Книги за Харка Курандоу.

Року 1674, месеца априля 12 дня.

Передо мною Харьков Курандою и при мнѣ едностайно засѣлыи бурмистрами Иваном Тимошенком, Грицком Малишенком, Савъкою Захарченком, Миском Ходорковским, ставшы очевисто Степан Догтяр созналъ доброволне, ижъ продал хату в мѣсти, которая лежитъ берегъ Шнурчихи, Фескови Кирилиному зятю за полсема золотого; уже ему от того часу волно той хати спокойне заживат, продат, дат, дароват и яко (в) наилѣпшыи свой пожитокъ обернут; а я вже самъ, жона и дѣти, и всѣ приятели мои до той хаты жадное справы вѣчными часы мѣти не маемо. О што просили нас, абы тое было до книгъ записано що ест записано.

Васько съ шурьяками купилъ ниву у Сидора Чирвы.

В року 1674, месеца июля дня 4-го.

Оповѣдал нами урядомъ, предо мною Павлом Стетченком войтомъ з бурмистрами Андрѣемъ Мурмаркою, Хведором Снявѣским, Грицькомъ Лапѣгою, Василѣм, в лавѣ засѣдающих, мовачи: „Пане вrado! купилисмо ниву заедно изъ шурьяками своими Гришкоомъ и з братом его Ивановомъ, в Сидора Чирвы, жителя Трипулского на днюв чотири, за золотых два, при могоричниках Хвеску Рубашномъ и инших (не)мало людей зацѣных; которий то Чирва признал, же свое власное прадал, нѣкому не пенѣная нива, не заведе-ная, але его власная; до которой то нивы не повиненъ такъ реченый Сидоръ впоминается, жона его и дѣти его вѣчными часы. А Васковѣ з шурьяками тая нива по половинѣ зостават повинѣна, волно им тоей нива любъ продат, заменят и на свой пожиток оборочат, якъ своим власнымъ. На що для лѣиное вѣри поставилисмо помѣж ними, з одного боку Хвеска Рубашного, а з другого боку Левка Куменка. (Мы, врад) учувши добровольное их признане впростили нас, абы до книг месцкихъ приняли и записали, що ест и записано. Писанъ в ратушу Борисполескому року и дня вишъписаного.

Звышъменованый врадъ Борисполеский. Евстафий Васченъко, писаръ, рука власная.

Мойсеиха Бурмачиха продала свой дворъ Харку Шаповалу.

В року 1676, месеца апрѣля дня 22.

На вrade мѣста Борисполя, пред нами, предо мною Ионисимомъ Миневичомъ войтом из бурмистрами Грицько Мовчан, Пилипъ Василенко, Анѣрею Мурмарцѣмъ ключнику и завѣдомом пана Ивана Новаковича сотника, Ивана Шореткого атамана городового и при могоричниках Хведору Снявскому на тен час побѣрчого, и

при товариству, стороны козацкой Гишко Тарануха а Миско Шкурка, Иван Бугай, Семко Виньникъ, мегоричники и прислухана тоеи купли, яко тижъ и продажъ, Романъ Пятникъ и инъших людей зацнихъ и вѣри годнихъ. Чинила явно и доброволне Мойсеиха Бурмачиха бывшая, а в тот час Дмитриха, ижъ, мовит, пане враде! продалашъ дворъ свой зо вѣмъ, такъ комора из сѣнъцами, стоячий близко ратуши, а з другой стороны Нагишенкова, за суму готових грошей, золотих пятьдесят, которой то суми далам готових грошей копъ десят, а мѣю отдат о Нароженю Христовимъ копъ десять безъ полкопѣ, даст ли Господъ в року 1677 мом; который то двор не пѣнный, не заведений, але свой власний позосталий по мужу своем Моисею Бурмацѣ, который то дворъ легкую пану Харку Шаповалу вѣчность, волно ему тот дворъ изъ жоною своею Марьею продат, дароват, заменат, у своим дѣтем задержат, и на свой пожиток обернут; а я, такъ сама, яко родичи мои в тот дворъ впручатся (не мают); а хтобы мѣл, повинен мененный Харко до мене вдаватися. Мы тежъ яко вяд, обохъ сторонъ, которые просили нас, абы до книг мѣских принято, що ест и записано. Писан врадовне року и дня вишписаного.

А хто бы мѣл въ тот двор впират, на такого заруки на их милост закладам, заруки золотих 100, во южъ право было на тое от родичов.

119.

Василь Осипенко долженъ отдать корову сестрѣ своей Ганнѣ, женѣ Марка Демченка.

В року 1676, месеца марта дня 31.

На вядѣ мѣскомъ в ратушу Борисполскомъ, пред нами, предо мѣною Иваном Новаковичомъ сотникомъ Борисполским, Иваном Шоретким атаманомъ городовымъ и при нас товариству, Иван Горкун, Прокопъ Семененко, зосланого до книгъ запису, Луян Грищенко, Яцко Анътоненко, инъшого товариства немало и при быт-

ности пана Онисыма Миневича войта из бурмистрами Гриццо Мовчань, Пилип Василенко, Анъдрей Мурмарко ключникъ, припозвалъ был Марко Демченко Василя Осипенка по смерти отца и матки его, шурина своего, таким способомъ: ижъ вспоминался, яко звычайного за дѣвкою бывает, который то отецъ его дал был ему корову за дочкою своею Ганною, сестрою его; теде того часу не принял в посягу, по смерти отца его вспоменулся в шурина своего Василя. Зачимъ наказалисмо ис права, жебы дал оную корову мененной сестрѣ его, що такъ ся и стало, же мусиль дат; зачимъ погодилъ Василь зятя в вѣчност, который болшъ не повиненъ турбоват, такъ жона и дѣти его, приятелѣ близкие и далекие вѣчни(ми) часы. А еслибы теразнѣйшого, любъ потомные часы Господь Богъ Василя обернулъ, яко теразъ часи небезпечние, любъ па войнѣ, любъ где колвекъ Богъ духа приймет, отписует убозство свое жонѣ своей Хими позосталое, на що мают росправит люде; част мает зостават жонѣ, част мает зостават на церков Рождества Богородици. А если даст Господь потомство мѣнѣ, то оному повинен вес зостават, такъ двор, зо вѣмъ принадлежачим, яко и поля и лес где ест, а и тое припоминку зостават, еслибы мѣлъ Господь Богъ изъ неволѣ бисурманской Пылипа, брата его старшого, мает част зостават отцевщины и оному; а если южъ по смерти зоставатимет, вся мает част тая мененная на церковъ Пресвятой Богородици зостават, що потверѣжаю повторе и проклетство кладет, еслибы еще мѣла, такъ кости отца их и матки порушат, любъ и Василя турбоват, любъ сестра его и хто колвекъ, такового зватимут на страшный судъ, пред нелицемѣрного Судию, который будетъ судит живых, и проклят будет в сѣмъ и в будущем вѣцѣ. Що для лѣпшого вѣри и певности казалис(мо) до книгъ мѣских записат, що есть и записано. Писано року и дня виписанного.

120.

Кіевская жителька Галя Семениха Дяденчиха выдаетъ росписку жителямъ м. Борисполя въ полученіи денегъ за порохъ, взятый у ея мужа во время войны «першого шеремета».

Року Божого тисеча шѣтсотъ семьдесятъ сегого, месеца марта дня 24.

Я, Галя Семениха Дяденчиха, жителка Кіевъская, чиню вѣдомо симъ моимъ писмомъ, кому бы о томъ потреба будетъ, ижъ я вишъменованная Семениха изгодившия о дулг слушний вчинивши изъ жителми Богоспасаемого града Борисполя, такъ козаками яко и мещани, за порохъ, который брали в Семена Дяденка мужа моего небожчика, подъчас войны першого шеремета, который наступючи на оно реченное мѣсто Бориспол, при котором и мы зостаючи, зо всѣмъ своимъ маеткомъ, мѣлисмо порохъ, зачимъ того часу, до того пришло давалисмо тот порох не рахункомъ, бо кожному о здоровья и о души шло, хто тилко на тое способний был до бою, а звлаща огнистой стрѣльбы, брали не вагою, зачимъ мнѣ позосталой по мужу своем, давалам позов на ихъ в мѣсто Бориспол, такъ до яспе велможного его милости пана Ивана Самойловича, пана гетмана его царского пресвѣтлого величества запорозского, якож и до его милости Войци Сербина, полковника Переяславского, от которых писма отримавшы показала, абы мени за тот порох погодили и заплатили; зачимъ тепер, завѣдомом пана Ивана Новаковича сотника Борисполского, Ивана Шорсткого атамана городового, Йонисима Миневича войта и бурмистрами Грицком Мовчаномъ, Пилипом Василенком, Анъдрѣем Мурмаркою, квитую, отримавши от них за тот порох суму цѣлюю. которая мнѣ належна была, такъ козаков, мѣщан, якъ жон и дѣтей ихъ, не повинъна южъ болшъ поновлят за тот порох, такъ я сама, яко и приятелѣ мои, близкии и далюкии, вѣчными часы; на що для лѣпшой вѣри и невности и правного попартя. казалам до книг мѣских записат, що ест и записано прилюдне зацних вышей писанихъ. Писан в ратушу Борисполском, року и дня вышписаного.

При том квитованом писмѣ были люди добрые, Хвеско Нехорошенко хоружий сотни Борисполской, Микита Левоненко атаманъ курѣнный пихотный, Грицко Васиченко, Апанас Гапоненко, Иля Радивоненко, Степан Вовнянка, Гордѣй Грищенко, товариство. Мищане: Евхим Бурьянѣй, Тимушъ Приймакъ и иныхъ людей зацнихъ немало.

Звишменованый вряд Борисполский Евстафий Ващенко, писар на тот час.

121.

Жалоба Ивана Марченка на Танчичку Яциху за нанесеніе обиды словами.

В року 1678, месеца июля дня 4.

Ставъши очевисто, пред нами врадом, предо мѣною Луканом Гриненкомъ, атаманомъ городовымъ, Анъдремъ Муръмарькою войтомъ и при буръмистрахъ Григорию Мовъчану, Ивану Гусаку ключнику, и при бытности Ониска Рудъченка Семен Попович шинькаръ и иныхъ людей зацнихъ много, прекладал жалобу Иван Ларъченко на тотчас бурмистръ в лавѣ засѣдающий, мовячи: пане враде! дала мнѣ безчѣстя Яцыха Танчичька, жителка Борисполская, таковымъ способомъ: трафилос, мовит, мнѣ едного часу изъ губилем был своего власного быка, которого знайшолемъ изъ Яцковимъ товаромъ Танчичковимъ в полю, при пастуху его, и сталемъ питати: „где ти того быка взял?“ Который хлопецъ признал: в нас той бык, кажет, и ночует. Теди пыталемъ его: чомужь вы старшому не ознаймили?—Я, кажет, по килка разий въ старшого опытувалемъся, не признался старший, жебы такого быка ознаймовал. Но тое хлопецъ отказал: и я господару своему казал, жебы старшому того быка ознаймил, теди мнѣ казал: непотреба, мовячи, небоже, ознаймоват старшому; якъ ознаймим, то в чоловѣка болшь будет кошовати, а то якъ познает, волно ему будет взяти. На що мы врядъ, давнюю его рѣч, що и с щого початокъ той справѣ стался, випитавшы, казалисмо людей поставит. Теди поставил Стецька Былиловця

и Сахна Розвалку и Петра Сугоняку, которые признали, мовячи: Пане враде! была то правѣда, ижъ Яцъко турбацию мѣлъ за того быка, за враду Лукяна Гриненка наказного сотника, в тот час на врадѣ были сего гетмана наставляли, пана Ивана Самойловича, а атаманом былъ Ониско Рудъченко, которого, якъ могъ годити изъ людьми просил за тое, же в чужого быка вклепался, именно реченого Даръченка, Остауъ Шолудъко, Стецъко Былиловець, Давидъ Веръненко и иншие, за реченный проступокъ Танъчиков просили и впросили. Мы тихъ выслухавъши яко врадъ першую справу, такъ от самого Ивана и от признаних питалисмо, що за причина тому, що тиразнѣйшого часу позовъ даешъ безбытности мужа еи Танъчика жону его; теди признал: словами, каже, пане враде, злими побликовѣла Яциха, мовячи: ти, каже, в нас купил быка за чехъ. За тое еи слово, позовъ далемъ, нехай мнѣ того доводитъ, жебимъ где, в кого, такъ дешево быка купилъ. На що, выслухавъшы жалобу его, казали издаватис на людей, що признал Грицъко Мовчанъ, Анъдрѣй Мухомор, Петро Новенъко признали в тие слова: говорила, кажут, пане враде, же якобы Иванъ купилъ в пастуха их Танъчикова быка за чехъ. На що казалисмо Танъчицъцѣ того доводит, чога и не довела, и такъ шекаючи якъ непоцѣтивою губою, и знову в свои уста побрала; для чога ис плачемъ людьми зацными годила из Остапомъ Шолудъченкомъ, Стецкомъ Былиловцем, Стецкомъ Давиденком и зъ иншими людьми, Хвескомъ Гриценкомъ, Иваномъ Сухолѣсенкомъ, много. При той тежъ справѣ положилисмо премежъку ними за руку на пана полковника Переяславъского талярей сто, жебы не тилко отъ Яцъка Танчика, або от жоны его мѣлъ Иван оние слова, але естлибы от людей якне похвалки перочулъ, що бы мѣли они говорити, такой заруки не вводит. Мы тежъ, яко врадъ, выслухавъшы его жалобу и признане людское, просили нас, абымы оную ихъ справу до книгъ мѣских приняли и записали, що ест и записано. Писан в ратушу Борисполеском, року и дня вишъменованого.

Звишъменованый врадъ Борисполеский. Евстафий Ващенко, писар мѣский.

122.

Споръ между Ивановъ Кармазенкомъ и Пархоменками изъ-за
грунта въ Ивановкѣ.

1678.

Приточиласъ справа предъ вриад нашъ, Луяна Гриненна сотника
Борисполскаго, Василя Москаленка атамана городского, Ониска Рудь-
ченка, такъже на тотчасъ безъ бытности атамана, наказнимъ атама-
номъ, Анъдрея Мурмарка войта изъ бурмистрами Грицка Мовчана,
Ивана Ларъченка, Ивана Гусака, и при товариству Ивана Шорст-
кого, Ильи Слипенкого и иншого много промежку Ивана Каръма-
зенка и Пархоменковъ, Грицка, и Хомы, и Анъдрѣя, за грунтъ,
такимъ способомъ: Трафилось еще живымъ будучи Мурмарцѣ,
купилъ былъ въ попа Иванковскаго отца Хведора, пляцъ за готовую
суму ис хоромами, а попу тому зостался за сорокоустъ, подчасъ Дри-
жиполскаго року; который тотъ пляцъ продалъ былъ Анъдре Муръ-
марченку зостался по родичахъ. Теди поживъшы часъ який, або и
кылька лѣтъ, продалъ Карпу Прасолу, а Карпъ писару Микчасу,
а въ писара купилъ Паръхомъ небожчикъ, за що позосталие сини его
реченние тимъ ся контентовали, на чомъ застали отцевщину. Теди
поменений Каръмазенко изъ жоною своею перечувъшы отъ людей
зацнихъ, же болшь его грунту мѣло быти, доходилъ своего и при-
позвавъшы до насъ вриад становилъ свѣдки, Конона Прасола у Карпа
такъже Прасола, которые признавали, по якую межу тотъ грунтъ
зоставалъ. Щежъ на томъ Пархоменки не контентуючися, ставили
своѣ свѣдки, за що мѣлъ туръбацию и Кононъ реченный, щожъ
еще при томъ же поставившыся Ониско Миневичъ и Анъдрией Лит-
винъ, и тиежъ признали, же слово волово на томъ была межа; ин-
шихъ много въ тожъ признавали. Которимъ свѣдетствомъ ище не
контентуючися, Пархоменки давали позовъ на Конона за свѣдѣцтво.
Теди видечи Кононъ невинность свою, мусилъ копати землю, шукати
межи граничноѣ; теди знанолъ стародавний погребъ, при межи зо-
стающий, (ко)торий копалъ Карпъ, тамъ жиющий; зачимъ ажъ му-

силъ земълею от того позву отпертис. Що мы, яко вряд углядѣвши в самую слупност наказалисмо на той городит, а им до згоди и до поеднаня прийти, щожъ такъ и стало, погодивъшися, руки подавали, же южь един другого, сторони обѣдвѣ турбоватся не повинни, такъ они сами, яко жони, дѣти и приятелѣ близкие и далекие вѣчными часы. Для правного попертя и заруку казалисмо положит на его милост пана полковника Переяславъского, таларей десят, а на нашъ вряд таларей пят. На що для лѣпшой вѣри и и повности, просили насъ, абы до книг мѣскихъ приняли и записали. Писан в ратушу Борисполскомъ року 1678, месеца декабря 11. Остафий Ващенко, писар на тот час.

123.

Грицко Остаповичъ, сынъ Тихаго, а зять Товстаго, продалъ кгрунтъ и гай Ивану Шорсткому и Остапу Горбаню.

Року 1680 месеца ануария 8-го.

Становшы очевисто пред нами, предо мъною Лукьяном Гриненком сотникомъ Борисполскимъ, Василем Москаленкомъ атаманомъ городовымъ, Григорием Березенкомъ войтомъ и при бурмистрахъ Грицку Мовчану, Евхиму Ключнику, Семену Яценъку и при товариствах изъ ураду приданых, Василю Щербаненку, Юску Потапшу, Якиму Лобку и при могоричниках Грицку Онищенку, Ивану Коломийцю, Якиму Бураку и инших мищан много, чинил вѣдомо Грицъко Остапович Тихого сынъ, а зят Товстаго, мовячи: Пανε враде! Продалемъ кгрунтъ тестювский Хвеска Товстаго позосталый по смерти его гай ис сѣножатыми, якъ в собѣ маєт, взювъшы от самого гаю по гостинець Бариповский и по мочилы, или где ест кгрунтъ Богдановский або Косиполе славетнимъ пану Ивану Шорсткому и Остапу Горбаню, за готовую суму, золотыхъ двадцет личбы Литовъской; который бы то кгрунтъ продалем доброволне на долги тестювские, нѣ от кого не намовлен, толко имъ тим кгрунтъ продат, дароват, заминят и своим дѣтям задержат; а я такъ

самъ, жона и дѣти могъ неповинъни втручатис вѣчными часы. А хтобы мѣль ис приятелей близких и далекихъ в тот крутъ впираючис доходит, я повинен отповѣдат. На що для лѣпшой вѣри и певности просили враду, абы до книгъ мѣстскихъ принято и записано, що ест и записано. Писан в ратушу Борисполской року и дня виписаного. Звишменованный врад Борисполский. Евстафий Василевич писар рукою.

124.

Татьяна Лесиха продала ниву Филипу, Давиденкову сыну.

Року 1682, месеца мая.

Передо мною **Хведором Хвилонвичом**, сотником Барисполским, Лукияном Гриненком атаманом городовым и при нас вуйтом Андрѣемъ Му, Грицьком Мовчаном бурмистромъ, Калеником Цѣпником ключъником, Юском Тищенком рочными бурмистрами, и при Галону Тарану атаману курѣнном и при Роману Рудченку и при Совѣ Мойсѣю, и при инших людех зацных, чинила вѣдомо ясне, явне, доброволне до запису, до книгъ мѣскихъ Татьяна Лесиха, на тот час вдовою будучи, мещанка Борисполская, мовячи: Пане враде! Продам ниву, лежачую за мостком, межи дорогами двома к лѣсу Вернину, на гоной двое, пану Филипу, Давиденковому сыну, за готовие гроши, золотих полчварта, свое поле власное, свекровское; волно тому Филипу Давиденку тое поле продат, даровати и заменяти, и на свой пожиток обернувши дѣтем своим задержати; а я такъ сама, реченная Татьяна, якож и дитина моя и приятелѣ моѣ не повинни втручатис вѣчными часы. На що для лѣпшой вѣри и певности просили нас, яко враду о запис, що (ест) записано. Писано в ратуши Борисполской при людне, року и дня вишей писанного. Роман Стефанович писар козацький, рукою.

125.

Катря Мухомориха продала свой дворъ Хведору Ивановичу.

Року 1682, месеца мая дня 6-го.

Пред нами, предо мѣя Василемъ Мосваленкомъ сотникомъ назаннымъ, Давидомъ Верненкомъ атаманомъ городовымъ и за вѣдомомъ Ивана Малинського войта, Ивана Гусака ключника ратушного и при бытности Исака Шкуръки, Ивана Шепеленка, Хвеска Безлюдного и иныхъ многихъ, чинила вѣдомо и сознала ясно, явно до книгъ мѣскихъ, мовячи: Пане враде! Я Катря Мухомориха жителька Борисполская, будучи при старости лѣтъ моихъ а позоставшия по мужу моемъ, видячи, же нѣчимъ контентоватис, продаламъ дворъ свой, лежащий промежку отца Корня и Яремина ткача, за готовие гроши личьби литовскои, пану Хведору Ивановичу (за) золотихъ пятнадцат; от которого двора отдаливъши себе самую и сыновъ моихъ Семена и Гаврила, и Ивана, приятелей нашихъ близкихъ и далекихъ на вичност; волно пану Хведору Ивановичу в томъ дворѣ будинокъ становити, жити, продати, даровати и заменяти, и на свой пожитокъ дитемъ своимъ задержати. О що просиламъ, яко вряду, абы до книгъ мѣскихъ Борисполскихъ принято было и записано; що и записано. Писан в ратушу Борисполскомъ року и дня вишь писаного, за ураду Хведора Хвилоневича, сотника Борисполского. Звышъменованный урадъ Борисполский. Романъ Степанович, писаръ козацкий.

126.

Багнюкъ оштрафованъ отнятиемъ коня за то, что шинковалъ, хотя шинковой промыселъ въ мѣстечкѣ Борисполѣ отданъ былъ въ аренду полковому переяславскому писарю Петру Максимовичу.

Року 1683, месеца мая 30 дня.

Запис до книгъ мѣскихъ Борисполскихъ. Предо мѣною Хведоромъ Хвилоневичомъ сотникомъ Борисполскимъ, Давидомъ Верненкомъ атаманомъ городовымъ, Иваномъ Малинскимъ войтомъ, Иваномъ Семеновичомъ ключникомъ ратушнымъ и за вѣдомомъ такъ то-

вариства и иных, заславши нас ясне велможный его милость панъ гетманъ универсаломъ своимъ казал всѣмъ вычитавши загрози, бы прешкоды ани жадной в арендѣ горѣлчаной, в которомъ панъскомъ универсалу вручено и подано в посессию его милости пану Петру Максимовичу на тотчас писару полковому Переяславскому мѣстечко нашо за его власную суму до скарбу войскового отплатит; зачимъ излецивъши панъ Петро, Ивану Петровичу свое такъ господарство и шапарство, приказовал, бы якъ належитъ перестерегалъ в потайныхъ шинкахъ; онъ тежъ, яко вѣрний слуга пана своего, постерегал потаемныхъ шинковъ, аже не поеднокротъ знаючи о Тимошу Багнюку, жителю нашему, же он потаежно шинки дѣет, упоминал его, мовячи: знай певне, же тебе я зъ горѣлкою шинковною поймаю; и такъ он тое легцеважачи шинковал. Для чого, яко господар тому панъскому добру, дважди поймал, от него купленную у фляшкахъ из горѣлкою людей, которые пред врядом признали от власного Багнюка купленную горѣлку ношovali. Теди мы, врадъ, видечи, же тот Багнюк воли панской противен, казалисмо по увазу пана писара полкового, взявъши коня сивого отдат; на що панъ писар, яко ласкавый пан, взял того коня, що напил был Багнюк в ворендѣ талярей два, а до того що ему перешкоду дѣялъ в ворендѣ, а що болшого, такъ казали и худобою подаровавъши, казал для лѣпшой вѣри и правного поартя в книги мѣские записат, що ест и записано. Писано в ратуши Борисполской, року и дня вишписанного.

127.

Раздѣлъ гая между Дудорковскими жителями братьями Огѣмъ и Гришкомъ Корниенками и сестрою ихъ Хвесею, причемъ сотникъ взялъ клинокъ гая въ посессию.

Року тисоча шестсот осемдесят пятого месеца генъвара 26 дня. Ставши перед мене Хведора Хвилоневича сотника Бориспулского, Ивана Шорсткого атамана городского, при товариществу

Степану Билиловцу, Василю Москаленьку и при бытности Ивана Малинского и при иных многихъ Огѣй и Гришко Корніенки, жителѣ Дудорковскіе, оповѣдали нам ураду, же ойцѣ их отходячи на он свѣтъ, не росправивъ сыновей своихъ гаями, протомы, видячи прозбу такъ реченныхъ Корніенковъ, якожъ причину от черняцовъ свято-Троецкихъ, бы ихъ слушне, ведле правды святой подѣлили. Протомы а вышреченный сотникъ, взявши изъ собою Романа Стефановича, писара козацкаго, Степана Ворочаенка, хоружого нашего, и зѣхавши до села Дудоркова, казали тамошнимъ жителемъ изийтися, припитуячися, ежели свѣдоми о тихъ гаяхъ; теди признали двѣ жителѣ Дудорковскіе, же то отецъ ихъ зъ давнихъ часовъ оными гаями владнѣл и пожитковалъ. Для чого ми, врадъ взявши исъ собою Грицька Тишченька войта тамошняго, отца Романа священника, Тишка Старого и Ивана зятя его, Петра Козорѣзенька, и Матвѣя Маняченька, обихавши тотъ гай, вдѣлили частъ вышпомененому Огѣю Корженьку, помежъ Олексѣя Хиленкового, а зъ другой стороны Панька Черевка и помежъ Сотницкаго, и подорожку, знаки поробыли; и съ того тижъ гаю оддѣлили Гришку меньшему Корніеньку помѣжъ Гордѣвого по озеро и по дорогу; до того тижъ Хвесѣ Корніенкѣ, сестрѣ ихъ, дали тогожъ подѣлу частку гаю, помѣжъ Огѣя брата еѣ и Гордѣвого; оне засъ стороны всѣ три, слушне промежку ними подѣл от насъ бачачи, на томъ зостали, которому, где, вказано, и принявши изъ собою погоду, изъ доброй волѣ своей, вдѣлили мнѣ мененному сотникѣ, со всѣхъ сторонъ трохъ, прилюдне, помененныхъ жителей Дударкувскихъ, такъ священнику, атаману и войту Матвѣю Мулявцѣ и Тишке Старому, и при Ивану зятю Тишковомъ, и при иныхъ в посессию, въ держане вѣчное, яко старшому своему, частку гаю тогожъ называемимъ Клинкомъ. Ми тежъ, урядъ, прибывши исъ того села Дударкова до мѣстечка нашего, обѣснивши такъ товариству, казалисмо онихъ сторонъ письмомъ уконътенътовати, варуючы тепер и на потомные часы, бы каждый зъ нихъ онымъ гаемъ частю подѣлу вольно держали, которому будетъ потреба продать и дароват и замянат, и яхъ хотя владнуть, жонѣ и дѣтемъ своимъ на вѣчностъ задержати; на що для лѣвшой вѣри и певности просили насъ, яко

владу о запис, на що и даем при печати нашей войсковой и рудѣ писарской. Писанъ въ Борисполю, року и дня виписаного. Григорий Талѣржевский писар мѣский рукою.

128.

Судъ надъ ворами Ониськомъ Голянкою и другими.

1686.

На вrade мескомъ вратушу Борисполскомъ, пред нами перъсонами засѣлими, на тотчас будучою старшиною Федоромъ Филоновичомъ Магировскимъ, сотникомъ Борисполскимъ, Конономъ Сеничомъ наказнымъ сотникомъ, Иваномъ Горкуномъ атаманомъ городовымъ, Хведоромъ Проскурнею войтомъ, Иовомъ Карпенкомъ бурмистромъ, Гарасимомъ Шевцемъ ключникомъ, едностайне въ лавѣ засѣдающимъ рочными бурмистрами, а при насъ обополныхъ сторонъ зацне славетныхъ товаристви и мѣщанъ именно тут написаныхъ: Васил Москаль, Степану Бублику, Ивану Сахненку, Микитѣ Леоненъку, Роману Павлюченъку, Сидору Коваленъку, Евхиму Игнатенъку, Ивану Безбородченъку, Миску Копилу, Стефану Волочаю, Стефану Билиловцю, Микитѣ возному, Ивану Болѣнъку, Ивану Курандѣ, Баленику Просолу, и мещанахъ Павлу Пятнику, Хведору Курандѣ, Баленику Прасоловому зятю, Пархому Первушу, Степану Исаенъку, Ивану Исаенъку, Ивану Гусаку, Гаврилу Клименъку, Гаврилу Мухомору и многихъ персонъ зацныхъ и вѣригодныхъ людяхъ радилимос еднокупне, яковымъ кшталтомъ из проступьными а явьными злочинцами, о нимъ за ихъ расколъ вчинити кару. А же всѣ еднокупно, такъ товариство, якожъ мещане изговорили, мовячи до насъ владу: покы тимъ злочиньцюмъ сидячимъ держати ихъ сторожею, бавите мещанъ и приклады свѣчками на каждую ночь свѣтлечи, тратити мѣские гроши, на которыхъ вже коштовало золотыхъ болшь десятиа. Прото мы, вradь, выслухавъши порадую еднополную казалисмо одозватис тимъ, в которыхъ шъкою и вradeцтво починили злочиньци; овожъ тце, ани едни изъ них до нас владу на судъ скаръги не уносили, на очевистое людъского

всего народу и въязду нашего на торгъ пятничнѣй тихъ злочинцевъ слугѣ мѣскому казали до пригеля дати и питати, в кого зломислнѣмъ своимъ злудѣйскимъ способомъ, кому шкеры починили, призналъ Ониско Голянка злудѣй: мы, кажет, вквали изъ Михалемъ Збогълѣмъ кобылу в Борисполского и продали в Фастове за золотыхъ осмъ: и знову в Ковбасенка вквали кожуховъ два в окъно вытати и продали барзо за мале гроши на пристани Клевѣ-ской, съ тѣмъ же и ярмолукъ ис тѣмѣжъ кожухами; воловъ три тожъ Голянка призналъ, же вквали на Груздовъцы ис Коротенкомъ Иевдоховыхъ два и Пѣтакового одного; всѣ тѣ в Клеви продали из Коротенкомъ, в Клевѣ платье музское—изъ Жабским; тежъ признался Голянка, же по крали в Колѣнка и в Яцуги, ишо тожъ в Гордѣя свиту вквали и пироги ис погреба, то все из Жабским; а особливе Жабский овичку вквалъ у Верненка; а грошей вквалъ полчварта ста золотыхъ у своего шурына коваля; и многие пакости людемъ чинили. Про що за всѣ ихъ проступства казали мѣскому слугѣ волати по мѣсту, бы кождѣй, коли кривѣда сталас, впоминалис и инстикговали на тихъ злочинцевъ; теде ани единъ изъ них не инстикговалъ и на смертъ ихъ и на душу не вотовали, тѣлко водле кари казали ихъ впродъ привязавъшы публичне соцкому бити, и од чести людской отлучити. Аже увес народ на оних молодыхъ злочинцевъ, стали говорити, такъ станы старие и середнѣне, якожъ и меншиє, бы були пуцини на покаянне, мовачи, ежели послѣ сего не покаются на своихъ головахъ отнесутъ изгубель, по нѣважъ ништо на ихъ не инстикгуєтъ, еднакъ карани и бити пред слугу мѣского посторонками, из мѣста преч выбитие и вигнанне зостали, пригрозивъши кождому из мешканцовъ нашихъ и еден, не тѣлько ис приятеловъ и кривѣнихъ ихъ не держали и не приймавали въ доми, але и кождому приказали, бы сусѣдъ сусѣда престерегалъ, такихъ зломислѣныхъ надъзвычай преступцовъ и злудѣевъ не держати, але цѣле и в уязду нашомъ и по селахъ не мѣти и не приймавати. Тоє ихъ злудѣянне документомъ выписавъшы до книгъ мѣскихъ вписати писарови нашому приказали. Писано в ратушу мѣскомъ року 1686, месеца июня 15 дня.

129.

Священникъ церкви Рождества Богородицы Іоаннъ продалъ свой домъ священнику церкви Свв. Бориса и Глѣба Григорію Евфиміевичу.

Рову тысяча шестсот осмдесят сегого месяца февраля дня девятогонадцат.

Передо мною Федоромъ Филоновичом сотником Борисполским, Лукианом Гриненком атаманом городовим и при нас будучи товариства Иванъ Шорсткий, Васил Москал, Гапон Таран, Давиду Верненку и иных много, так тежъ и при урадѣ мѣскомъ в ратуши засѣдлом, Ивану Малинском вуйту и при немъ будучихъ бурмистровъ Филипу Груздовскому, Ивану ключнику ратушному, Прокопу Ехиженку и иным разным людям при томъ ни урати засилихъ нижей подписаних, чинилъ оповедъ ясне, явне и доброволне тепер и на потомние часы священно иерей Иванъ презвѣтер храма Рождества Пресвятой Богородицы, въ таковый способъ, мовячи: Пана, враде! продалемъ домъ мой власный, никому не заведенный и не пенный, на предмѣстю, за брамою Киевскою стоячий, з одной стороны, помѣжний Федор Куранда, з другой стороны Матвѣй Теач и по дорожку, которая лежит на Груздовку прозываемую улицу; а тотъ думъ зо всѣмъ тим кгрунтомъ и будинкомъ, якъ (ся) в себѣ маеть, священному іерею Григорію Евфиміевичу презвѣтеру церкви святыхъ страстотерпцовъ Бориса и Глѣба, за готовую суму золотых иятдесят, монети доброй, отдаючи оному, вѣчне тимъ домом владнут, якото своим власным, волно теж ему запродавати и вѣчне продати, любо даровати, албо съ ким заменяти и якъ хотѣти, ведлуг умыслу своего на пожитокъ свой оборочати, жонѣ своей и дѣтем своим задержати, тежъ варую и вѣчне записую, аби священному иерею Григорію въ его власном дому зо всѣмъ его будинком, ништо жадноѣ перешкоди и утиску не важилсе чинити, яко не повиненъ я, ани жона моя, анѣ потомокъ мой, такъ тежъ кривные моѣ, близкие и далекие, сикцессий собѣ жадных вынаходити. Давши тежъ волю до всего того кгрунту з будинкомъ на немъ стоячимъ от мене

7*

священно-иерея Иоана Василиевича проданного священно-иерею Григорию Евфимиевичу симъ записом при урадѣ мѣском отвержаю и вѣчныя записую, що я просилем ураду, жебы было и до книг мѣских записано—що есть и записано. А священно-иерею Григорию, даю сей мой выпис врадовне, выписавшы съ книгъ перед урадом вышописанном, при печати мѣской и козацкой и рудѣ писарской. Писан въ ратуши Борисполской року и дня пышьописанного. Роман Стефановичъ писаръ козацкій Борисполскій.—Тут тежъ устне прошение мещане о подпис своихъ рукъ, Андрий Борсук, Стецко Исаенко, Каленик Прасолов зят, Пантько Киселювъ зят, Левко Олексѣенко, Стецко Явимиенко, Омелько Ковбаса, имена свои подписали, будучи при томъ записѣ.

130.

Духовное завѣщаніе Варвары Микитихы Зѣньчихи.

1687 сентября 28-го.

Во имя Отца и Сына и (Духа) Святого Аминь.

Я, раба Божия Варвара Микитиха Зѣньчиха, чиню вѣдомо симъ моимъ тестаментомъ, такъ стану свѣцего и духовного, ижъ длуговъ жаднихъ по собѣ не оставляю. Напрод вручаю душу мою Господу Богу а тѣло землѣ, которое мает бити поховано ведле звичаю христіянъского при храмѣ святыхъ князей роскихъ Бориса и Глѣба, при томъ распаражаю дѣти своего першого мужа Яцка, Василя и Кирила, повеважъ жиючи я ис вторымъ мужемъ симъ Микитою лѣтъ болшѣ тридцати, теди угледѣвши, мужъ мой Микита на лѣта ихъ двоихъ поженивши и подѣлъ промежу ихъ учинилъ прилюдне, при Миску Верненъку и Хомѣ Верненку от ихъ рукъ, а од руки мужа моего пры Гордѣю втитору Борисоглѣбскому, далъ имъ на всѣхъ троухъ воловъ два, коровы двѣ, а що за ихъ отцевщины zostавало грошей готовихъ, отдалъ золотихъ полчвартанадцеть, Кирѣю не жонатому далъ на жупанъ золотихъ десетъ и жита копѣ десетъ, томужъ далъ свиней двое и курту шентуровую мене матки ихъ

оних до себе взяли, протѣ отдѣливши мужъ мой ихъ сынов моих, волнимъ zostает, не повинѣни позосталие дѣти мои мужа моего, кождый из них турбовати и слова моего касовати, костей моих порушати. А который бы мѣлъ, любъ из синовъ моих, albo ис крвних наших, слова моего касовати и кости мои порушати, такового буду на страшный судъ Божий позывати. На щом упросила от Филоновича сотника на тот час Ивана Шорсткого атамана городского, писара мѣсцкого, который писалъ при отцу Матвѣю священнику Святониколскому и при Ивану Самуйленку, Яцку Цибару, Василию Ярмоленку, при печати, туюжъ душеотходницу для далшого часу вѣри данѣня, (аби) вписали въ книги мѣстѣие ратушние. За упрошенѣемъ врадъ, **Ивана Шорсткого** на тотчасъ сотника, Григория Кириченка атамана городского, и за Прокония Рубашного войта, Стецька Саенъка, Мартина Чурака, Ивана Безлюди ключника, за рочнихъ бурмистровъ и при людях инших зацних и вѣри годних, при Гордѣю ктитору, Борисоглѣбскому, Ваську Сугоняцѣ и при Григорию Голубничомъ устне запрошоными въ ратушу для записанѣя, що ест и записано септевра 28, 1687 року

Писар Григорий Николаевич рукою власною

131.

Мартинъ Нестеренко продалъ грунтъ въ Кучаковѣ и три нивы подъ Лебединомъ Алексѣю Скорикю и огородъ въ Кучаковѣ Андрею Бабиченку.

Року 1688, месяца мая 9 дня.

За владу сотництва Ивана Шорсткого, на тотчас сотника Барышполского, Гордѣя Ковалювского атамана городского, а перед мене Стецька Исаенъка войта, Евлаха Груздувского, Тараса Дужченъка Полулаховского, Ивана Безлюди ключника ратушного рочних бурмистровъ, и при мещанех Петру Юсковичу Скабѣенку и Гнату Романовичу Мовчаненку и Пархому Вовку, Леску Долѣ, Тарасу Верещацѣ, на тотчас въ ратуши мѣской засѣдлыми будучы. Приходили перед нас врадъ, стороны, Алексѣй Скориченъко да Андрѣй

Бабиченко, жителъ Баршпольские, една сторона, а другая сторона Мартинъ Нестеренъко втожъ мешканецъ Баршпольский, который мѣючи грунтъ свой по змерломъ родичу своем (мат)чиного племя дядковский, лежащий въ селѣ Кучаковѣ ему власне належитый помѣжь Романа Слусара зъ одной стороны, а з другой—помѣжь садки, и который то огород из трома нивами подъ Лебединъ лежащими, продал реченому Алексѣви Скорикови за первую суму, зазолотихъ тринадцать и за шест грошей монетою готовою доброю, а другой огород продал из займищемъ Андрѣю Бабиченъку¹⁾ за золотихъ вусѣмь. Теды нас, яко в раду обѣдвѣ стороны просили до кѣниг мѣских о запис; аже мы, видячи помененую того Мартина добровольную продажу, а другой стороны скутечную куплю, казалисмо до книг мѣскихъ записати. Дѣялося звишмененого року и дня.

Григори Михайловичъ писар мѣсткий рукою.

132.

Судъ надъ ворами Петромъ Тарасенкомъ, Ковономъ Космаченкомъ и другими.

1696.

На врадѣ мѣскомъ в ратушу Борисполскомъ, предъ нами в радомъ, Феодоромъ Магировъскимъ сотникомъ на тотчас будучим, Микитою Левоненъкомъ атаманомъ городовымъ, Тарасомъ Власенком войтомъ, Иваномъ Темеренкомъ бурмистромъ, Иваномъ Курандою ключникомъ ратушнымъ, и при нас застаючихъ на тотчас засѣлих в ратушу, Иване Сахненъку, Павлу Яковенку, Хведору Найдюшку и Панасу Захарченку, Матвѣю Проценъку, Гришку, Хомѣ Прожейку атаманѣ курѣнъном, для прислующихъся права и при товариству Василю Москалю, Гапону Тарану, Сидору Коваленку, Каленику Левченъку и при многихъ тавъ товариства и мещанъ, (яко и иныхъ людей

¹⁾ До сихъ поръ одно урочище въ Кучаковскомъ мѣсу носитъ названіе „Бабичевой Дубинка“.

зацных), ставши передъ суд наш Васил Налуйченко, Иванъ Колѣнко и всѣ зацнне товариство скаржилися на пойманихъ злочинцовъ, которыхъ изъ лицемъ ознаймовали, и же в нихъ двоухъ домохъ, из вовѣторка на середу, комори повикрадали, такъ збожа, сала и инѣшше хванѣти, и що могли тамъ захватили, которых на ймя доведѣмъ слушнымъ еще без жадной кари выпитовали. Признался напрод Петро Тарасенко, же они якъ би два ходили до Василя Налуйченка изъ Конономъ Костюченкомъ красти и тамъ побрали такъ збоже, якожъ сало, которое тоижъ noci, отнюс до Василя Дудьченка в домовку тому перший доводъ, якъ знайшли впродъ нушкомъ збоже в загагахъ ¹⁾, такъ в Горькуновихъ, яко жъ пшено в Щегловѣ и полотъни, тогда вже тому признавшися тот Петро Тарасенко, якожъ и Кононъ Костюченко, же тоижъ noci з ними ходили и Лаврѣнъ Лотота и Василь Дудьченко, всѣ чотири разомъ, такъ до Налуйченка, якожъ и до Колченка, Тогда наочне сказаль Петро на брата Лаврѣна Тарасенка: „чого вже маемъ таитися“, а Кононъ на Дудьченка тожъ посвѣдчилъ, же всѣ чотири тоей noci крали. Которихъ взглянувъши ис саксона на онихъ злочинцов, якои достойни кари, тоди згди казали впродъ слугѣ мѣскому поблище ²⁾ на мѣстѣ ихъ бити поврозами; тогда всѣ чотири злочинци висвѣдчаючи еден на другого, призналис, якъ ходили першь до Налуйченка, тамъ Кононъ Костюченко продравъшы стрѣху, намъ тромъ выдавалъ, такъ збоже, сало, полотъно и що могль занятъ и во тѣми покравъши, иншие позагатахъ збоже поховали были, мало взявъшы из собою; пришовъшы до Колѣнко, тамъ у комору впершися, тожъ сала покрала и иншіе разѣ, которимъ всѣ чотири злочинци призналис, же тие сала всѣ три, такъ Колѣнково, якожъ Налуйченково отнесли до Тарасова сына Василя, еднакъже Налуйкового сала дошукавшис, изнайшлося в дому Тараса Дудьченка, которое самъ онъ Тарасъ Дудьченко своими руками далъ с своей комори Налуйченково сало, а тихъ двоухъ Колѣнко-

¹⁾ Загатою называється около Борисполя огорожа, устроена из соломы, поддерживаемой кольями.

²⁾ Publice.

вых не могъ дошукатис и винайти. Прето тихъ злочинцовъ всехъ чотирохъ, вгди слуга мѣский бючи поврозомъ през мѣсто до стовпа привязавъшы, ведле права, якъ в саксонѣ мосвѣдчають, казалисмо онихъ злочинъцовъ отдаливъши от места сродзе битъ и нещадъно карат. Тогда оние злочинци в сему злomu своему учинку призналис, не тилко сегорочному, а бо тилко що в сихъ двоухъ персонъ покрали, але еще и що прошлого року шведи тежъ в Колѣнъка сала покрали, якожъ в купцовъ Виницкихъ сливи сухие и иные овощи, всему тому злomu своему вчинку явѣному, злодѣйскому вчинку, призналис. За що на голоси люду посполитого, всенародъного, казали онихъ слузѣ мѣскому крѣпко выбити изъ мѣста, и оголосити, жеби никто не важилъся такихъ злодѣевъ до домовъ приймовати и в мѣстѣ их не держати; а их жилища то ест домовки, росхитити и роскидати, бы не мѣли нигде пристанища и прибѣжища, яко злиѣ и небоячися Господа Бога проступъци. А онимъ персонамъ, такъ Ивану Колѣнъку, взираючи на ихъ згубу од тихъ злочинъцовъ наказалисмо позосталимъ родителемъ нагородитъ, що не могли чого добра ихъ дошукатис; якож и Налуйченку, що оние были незбожние злочинци покрали, все свое доброе побрати, а чого не винашлось тихъ нагородити. Которихъ злочинцовъ виволавъши из мѣста казалисмо все достовѣрно виписавъши, до книгъ мѣскихъ чорныхъ вписати. Писано в ратушу Борисполскомъ року 1696, месеца априля 27 дня.

А на потомъ по виписаномъ правѣ, призналъ Конон Костючокъ, же все чотири крали тие комори, такъ в Налуйка, якожъ и в Колѣнъка сала покравъшы отнесли до Тараса Дудъченка изъ синомъ его Василем, еднакъ Налуйково винашли и самъ Тарасъ Дудъка своими руками видаль с комори своей тое сало Налуйково, а Колѣнъкового не сказаль.

За котрие сала Колѣнъку казалисмо мы, врадъ, Костючковъ двуръ изъ огородомъ ариштоват, нимъ за его сало улстится тот Костючокъ. Тут же выражал на том контентъ Колѣнъко.

Иванъ Личенко зарѣзалъ быка у Сеньковскаго жителя Цибули.

Року 1697 месеца июля 26 дня.

Пред нами вradoмъ на тот час будущим Миколаем Корабаноу сотникомъ наказнимъ, Василем Москалемъ атаманомъ городовим, и при бытности Грицка Онисименка бурмиистра, Процика Евхименка ключника ратушного и при товариствѣ Грицку атаману курѣнному сотницкому Роману Павленѣку, Василю Колѣнѣку, Хведору Бубну, Трохиму Гриценку, Грицку Головѣцѣ, Грицку Вакуленку и при Стецку Билиловцю, Гарасиму Костанцю, Иовѣ Карпенку, Богдану Якубенку и при многихъ зостающихъ зацнихъ людех, позов давал Иванъ Цибуля жител Сенковскій за своего быка на Личенка Исая, овѣчара, же его быка гнал из овечками своими до футора, де по (?) на его слѣду того быка знайшол. Прото мы врадѣ доволне доходячи по жалобѣ его, казали становити свѣдка, которого поставил Бублика; ставши очевисто Тимошѣ Бубликѣ признал под сумленемъ души своей, мовечи: Пане вrade! мы там поблизу орали при футори где тие изгони пасут, ажъ над вечерѣ гналъ Исая Личенко быка полового из своими овечками до футора; аже на потомъ тен Иван жител Сенковскій приходил нас же питати такого быка; мы сказали, же такого быка гнал з овечками Личенко. Тогди тот Иванъ Цибуля, прихавъшы самотрет изъ чередникомъ и пастухомъ питалис Исая Личенка, где той быкъ подѣлся, що ти гналъ з овечками до футора? тохди он сказалъ, що звѣръ изъилъ того быка, и привюл их до падла, ажъ того быка задъ увес облуплен, да стегна поотрѣзовано, а перед не луплен. Про то тот Цибуля изъ тими чередникомъ и пастухомъ для свѣдѣцтва скуру тую взяли и до нас привезли до вrade, которой огледали прилюдне килкавротне, ажъ немал того быка звѣръ могль погубит, тилко рѣзъ, бо и телбуги снайдени цѣлие у водѣ близъ падла. Овожъ гди конѣчилос право, знову тотже Тимуш Бублик на очевисто ув очи Личенку говорил: „От ти кажешъ, же своего гнал быка, да твуй гнидѣй и менший, а се половый и болший“,

и розгорнувъши скуру: „От се власний Цибулин был быкъ“. Прето мы взявъшы пораду своимъ при нас будучим товариствомъ, высилали Романа Павленъка и Храпъка, и тамъ вызнали пастухи и чередъникъ, и стадникъ, же то падло бачили, задъ без шкури взято, а перед зовемъ из шкурою лежал, а телбухи окроме у воде; не звѣрь изъилъ, тилко скелото, до мяса задъ взято, которое близко фугора и зостал, где лиг всѣхъ тихъ сторон документомъ виведъшы не могли на Личенку лица явного, которому любо не знайшли лица, ведле доводу, же он того быка гналъ, на его слѣду падло рѣзаное знайшли, наказали правомъ нашим, бы того Цибулю погодил. Прото тот Иван Личенко заплативъшы Цобули быка всемъ мусиль просити, яко могучи, и погодивъшы при между собою. вѣчисте поеднались. Теди мы врадъ, вислухавъшы, ведле правды обоихъ сторонъ, прикривъшыся декретомъ нашимъ, казали писарови нашому записат. Писано в ратушу Борисполскомъ; року и дня вишьписаного.

134.

Судъ надъ двумя Василями (зять Диравощоковъ и зять Левковъ), обокравшими хлѣбную яму у дочери Косинскаго Марьи.

В року 1697, месеца марта 15 дня.

Предъ нами урадом Борисполскимъ Феодоромъ Магировскимъ сотником, Микитю Лео(не)нкомъ атаманомъ городовимъ, Гавриломъ Клименкомъ войтомъ, Иваномъ Бурандою ключникомъ, приходилъ жаловатис Косинский старый из дочкою своею Марєю Острилихою вдовою, в которой покрадено жито изъ ямы, которая была в хлѣвѣ исхована и освѣдчили намъ в раду, же молотили з молотъники в неѣ, Мари, зяти Левъков ктитора Михайловъского из зятемъ Диравощокого, обадва на ймя Васѣли, мовячи, же тие тилко знали, же вона в тую яму змолотивъши сынала; тогда мы врадъ на жалобу Косинскаго з дочкою его, послали есаулъчиков нашихъ и придавъшы посторонного нашихъ товаришов, бы ихъ, Левъка двуръ

истресли; которые пойшовъшы до Левъка знайшли лице, покраденое жито, такъ на городѣ, яко и в сѣнцяхъ; которыхъ тихъ злочинъцовъ обохъ, гди приведено предъ врьдъ наш до ратуши, добровольне призналис, без кари будучи, же тот Диравощоков зять Васил, в ночь откопал яму, а откопавъши, пришовъши сказал тожъ Василю, зятю Левъковому и Левъку своему господару; теди они всѣ три поймавши злодѣйскимъ способомъ тое жито, колко было в тий ямци, выкрали и переносили до Левъка; который тожъ признался Левъко, же з ними ходил вкупѣ и крали заедно в ночь. За которое ихъ явное злодѣйство, ведле саксону глядячи, ведле права святого, же побоимъ не призналис, тилко першъ впади в явное злодѣйство, казалисмо слузѣ мѣскому тихъ злочинцовъ до стовъпа привязавъшы, публице, на мѣстѣ, поврозамы през слугу мѣского бити, питаючися шкодъ болшъ; тогда болши не призналис, кромѣ того жита, же в дочки Косинского покрали; которыхъ достатечне слуга мѣский бючи в стовъпа якъ потреба было, яко явныхъ злочинъцовъ, отдаливъши ихъ отъ чести казали публице всего мира из мѣста вигнати; а вигнавъшы приказали кождому з народу жителей наших в мѣсти не приймават, и на фольваркахъ не держать, яко доводныхъ, явныхъ злочинъцовъ. А виволавъшы ихъ з мѣста, казали (т)ихъ злочинъцовъ до книгъ мѣскихъ чорнихъ записат, що и записано.—Писано в ратушу Борисполскомъ року и дня вишъписаного.

135.

Судъ надъ ворами Грицкомъ Жигалкою и другими.

Року тисеча шестсот деведесат осмого ноеврия месяца во ден пятый.

По розказаню его царского пресвѣтлого величества войска запорозского полковника Переяславъского Ивана Мировича, будучи мы висланые Василей Барановский а Константин Яскович Следзинский, сполне изъ урадомъ мѣскимъ Феодоромъ Магировскимъ

сотникомъ на тотчасъ будучимъ а Микитою Левоненъкомъ атаманомъ городовымъ, изъ Гавриломъ Клименкомъ войтомъ и Богданомъ Якубенъкомъ бурмистромъ, засѣдлисмо на справу злодѣевъ оказавъшихся жителей Борисполскихъ; о чомъ вѣдн учинилисмо инъевизицію, теди явньо оказалось на Грицка Жигалченка, же украдъ пару волувъ в Березанѣ, а продалъ в Киевѣ, о чомъ и отецъ его зналъ, Иванъ Жигалка, живючи изъ сыномъ въ одной хатѣ. За якое дѣло злочинное правомъ нашимъ полковимъ, з мѣста розказалисмо Грицка вигнати катови, давши кару, а отца, Ивана Жигалку, на худобѣ з увагою каралисмо, же сына своего не учил. На томже мѣсцю и тогожъ часу выводилисмо инъевизицію, мы всѣ вишъописанне висланчине и уряд мѣскій о злодѣя Ивана Николаенъка и на Павла брата его, якие вкупѣ жили и въ одной хатѣ; теди на Ивана Николаенъка оказалось скутечне и певъне всѣмъ вѣявъ, же украдъ коня цыганского и продалъ подданному Видубицкогю монастыря, и того коня цыганъского познал и на правѣ нашом инстинктовал на Ивана, о чомъ и Павло знаючи, еднакимже оказался, яко и братъ его, злодѣемъ; бо у Павла, на ярмарку тутже Борисполскомъ, Кузма Вратченко, ковал, чоловікъ честный, познал власную свою шапку, яка шапка и пропала в рукахъ москалей, цале на вѣки, бо он Павол з москалями держалъ переводъню купно кунми миняючи; якимъ дѣломъ и торгомъ миняльничимъ они сами сказали же бавятся давно. Прото мы врадѣ, ведлугъ права святого розказалисмо, абы Павло вини злодѣйские на его милост пана полковника отдалъ копѣ три; якую вину отибравши не каралисмо болшей, тилко вазенемъ, а брата его Ивана из мѣста, посполу з Грицкомъ Жигалкою обнажонихъ з мѣста катъ вигнал, выбивъши у принктера. Для чего до сихъ книгъ чоръныхъ мѣскихъ доводне всѣхъ чотирохъ злочинцовъ уписавъши для снадънейшого увѣдомленя до всякого права и суду, якъ того укажетъ потреба, симъ нашимъ згоднымъ, всѣхъ нас, вишей описаныхъ особъ декретомъ узнаемъ. Дѣялося в ратуши Барышполскомъ року, месяца и дня вишей писаного.

Судъ надъ ворами Максимомъ Скуберенкомъ и другими.

Року 1698 месеца декавра 21.

Предъ нами вradoмъ Хведоромъ Магировъскимъ сотникомъ Борисполскимъ, Миеитою Левоненъкомъ атаманомъ городовымъ, Гавриломъ Клименъкомъ войтомъ, Богданомъ Явубенкомъ бурмистромъ Иваномъ Курандою ключникомъ ратушнымъ и при нас на тотчас будучих на судъ, Григорию Гордѣенъку, Ивану Сахненъку, Павлу Яковенъку, Гришку Захарченъку, а Панасу Рудковому, Назару Тимушенъку, Хведору Бубну, Ильи Храпченъку товариству, а при мещанахъ Яцку Литовъцу, Стецку Исаенку, Процику Евхименъку и при многихъ на тот час застающихъ, доводъ слушный и явное показалос злодѣйство на Максима Скуберенка и на Юрка сусѣда его, иже запомнѣвши Господа Бога и боязни его святой ис порады дѣволскои кусилис в ночь пошовшы до Гната Рабченка, мещанина, покрали гречку ис куфи болшъ нежели осмачокъ три, подчас дорожнети, о которой слѣдомъ дошли на тихъ злочинцахъ, которые тие злочинци и сами на собѣ явно своему явному злодѣйству призналис, же ни от кого не научени, а тилко сами на тое кусилис, аже за их злодѣйский проступокъ читали взгляду ис саксона, такъ описуетъ: ежели за першое проступство саксонъ описуетъ поврозами привязавъшы до слупа, выбить из мѣста, яко злочинъцу вигнатъ, бы ихъ злие непорядки от ихъ не дѣялос, которих служѣ мѣскому казали бити без фолкги карати; а ихъ явный проступокъ записат и до книгъ черныхъ, як злочинцовъ записат. Писано в ратуши Борисполскомъ року и дня вишьписаного.

Тотже Максимъ Скуберенко, же такъ его за гречку карали, знову признался своему явному злодѣйству же покрал пчели в Яцути Грицка, и многие пакости людям Борисполцом де що в кого на . . ча крадено. Тогда все народи на его голосами мовили, бы

такого злого и явного злочинцю и признавцю не держали в мѣстѣ, але жилищю его на старшину взяти, бы тамъ болшь живучи, не чинил шкод народу. Видячи мы врядъ на такъ народъное жаданне приказалисмо не щадячи его, такъ проч из мѣста служѣ мѣскому вигнати, бы южъ и не звался призывцемъ Борисполскимъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Копія.

Zygmunt III

z Bożej łaski król Polski Wielką Xiążę litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmądskie, Inflamskie, y Swedski, Gotski, Vandalski dziedziczny król. Oznamujemy tim listem naszym, wszem wobec y każdemu z osobna komu to wiedzieć należy, iż my za przyczyną niektórych PP. Rad naszych, imieniem Wielmożney Zophiey Wielmożnego niegdy Jana Daniłowycza, Woiewody Ruskiego, małżonki pozostałej, donas na seymie teraznieszem chcąc, aby miasteczko iey Dziedziczne Baryszpol nazwane przez niegdy Wielmożnego Stanisława Żółkiewskiego rza y Hetmana koronnego oycy swego założone w woiewodztwie kijowskim leżące dla dostatków y pożytków sę y w nich pomnożenie brać mogłe, pozwolamy miasteczku temu, aby w nim targy w każdym tegodniu wponiedziałok, czwartek, a iarmarki w każdym roku na święta ruskie, pierwszy na Wodochryszcze, drugi na Ilia, według ruskiego przyspadaiące wiecznemy czasy odprawowane były, iednak bez szkody y ubliżenia ynszych miasteczek temu przyległych. Na które targy y iarmarki ludziom którego kolwiek stanu y condiciey będący i onego miasteczka Baryszpola zewszystkiemy handlamy towarami y rzeczami iakiemi kolwiek wol ę przysyiedzać y tam bezpiecznie y spokojnie każdemu kupować, przedawać, towary zatowary zamienia ystkie potrzeby bezładney przesz-

kody y zatrudnienia odprawować. Dla tego wszyscy ci którzy do tego zka na targy y iarmarki przysiędzać, y stamtąd odiezdzać będą, takiego bezpieczeństwa iakiego wszys zagleitem naszym wobronie naszej będączy zażywaio zażywać, zana byle iaczy nie byli, których prawo popolite przyswiliowane wiecznemi czasy, którzy między dobrimi ludzmi mieysca mieć niemogo. Naco dla lepszey wiary ręko się naszo podpisawszy pieczęć wielką koronną przysyłożyć roskazaliśmy. Dan w Warszawie na Seymie wielkim koronnym dnia XXVII miesiąca stycznia roku panskiego MDCXXIX panowania krolewstw naszych polskiego XXXXII Swedskiego XXXVI roku.

Sigismundus Rex Pavlus Koludzki.

Мѣсто печати крoлевской на шнуре шелковомъ приложенной въ кришкѣ желѣзной.

Сподлинного сводилъ козаѣ и житель Борисполекій Гаврило Лукіановъ сынъ Храпченковъ.

